

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

1

Выпуск (907)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2026

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

1
Issue (907)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2026

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 1 (907)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Белорусский государственный университет иностранных языков (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 1 (907)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Ilinichna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alieвна	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil.), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osmiinina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Belarusian State University of Foreign Languages (Minsk)
Senki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil.), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

Языкознание

Речевой консонанс как тактика конвергенции в межгендерном общении на английском языке Абдуллина Р. Э.	9
Метафорическая репрезентация концепта «Время» в художественном дискурсе (на материале Национального корпуса русского языка) Алексеева М. А., Хачмафова З. Р.	18
Проявление процесса диалектного сращивания в речи коренных британцев – жителей юго-востока Англии Безбородова М. В.	27
Распределение препозиции и постпозиции прилагательного в именных группах основных европейских языков: сопоставительный диахронический анализ Р. Р. Гирфанов, Н. С. Тимофеев	35
Фонопрагматические особенности функционирования общих вопросов в устной речи (на материале англоязычного дискуссионного подкаста) М. А. Демина	44
Мифологема «зеркало» в немецких, японских и русских поговорках (на материале поговорок о правде и лжи) А. Л. Колесникова, О. Б. Абакумова	52
Конструкции с множественными модальными глаголами как синтактико-дискурсивный феномен (на материале ольстерско-шотландского диалекта) Павленко А. Е., Гукалова Н. В.	62
Музыка и театр как сферы-источники формирования лексикона визуального искусства в современном немецкоязычном искусствоведческом дискурсе Поздеева Т. С.	71
Визуальная репрезентация взаимодействия лингвокультурных концептов в русском и немецком детективе Раловец А. В.	78
Этническая маркированность афроамериканской звучащей речи Романова Е. Ю.	86
Метафорическое пространство алкогольного опьянения Уразаев М. Д.	95
Тип дискурса и диалект как факторы ритмической диглоссии в английском языке Шевченко Т. И., Борзых А. А.	103
Просодические особенности ответных реплик в спортивном интервью (на материале североанглийской диалектной речи) Шишова П. К.	110

Содержание

Теоцентрика аксиологического пространства в поэтике К. Дж. Росsetти Шматько А. А.	118
---	-----

Литературоведение

От миссис Браун к «Миссис Дэллоуэй» – творческая техника Вирджинии Вулф Грушевская Т. М., Грушевская Е. С., Антонова А. А.	124
--	-----

Интерпретирующая роль нарративного метода в жанре притчи (на материале рассказа Р. Брэдли «Massinello Pietro») Косиченко Е. Ф.	131
---	-----

Оппозиция «Англия – Франция» в сборнике рассказов «По ту сторону Ла-Манша» Дж. Барнса Соболева Н. В., Мясникова М. В.	139
---	-----

Культурология

Причины амбивалентного отношения человека к технике: от фобий до очарования Синявина Н. В.	149
--	-----

Феномен визуальной новеллы в контексте креативных индустрий: литература vs игра Чукуров А. Ю.	157
---	-----

Linguistics

Speech Consonance as a Tactic of Convergence in a Mixed-Gender British English Conversation Rimma E. Abdullina	9
The Metaphorical Representation of the Concept of “Time” in Literary Discourse (based on data from the Russian National Corpus) Maria A. Alekseeva, Zaineta R. Khachmafova.....	18
Exploring the Evaluation of Dialect Mixing on the Speech of Native Britons in the South-East of England Maria V. Bezborodova	27
Distribution of Prenominal and Postnominal Adjectives in Noun Phrases across Major European Languages: A Comparative Diachronic Analysis Ryan R. Girfanov, Nikita S. Timofeev	35
Phonopragmatic Functioning of General Questions in Spoken English Discourse (based on a discussion podcast) Malvina A. Demina	44
Mythologeme of Mirror in German, Japanese and Russian Paremia (based on paremic units about truth and lie) Anna L. Kolesnikova, Olga B. Abakumova	52
Multiple Modals as a Phenomenon Between Syntax and Discourse (the evidence of Ulster-Scots) Alexander E. Pavlenko, Nadezhda V. Gukalova	62
Music and Theatre as Sources of Formation of the Lexicon of Visual Art in Modern German-Language Art Discourse Tatiana S. Pozdeeva	71
Visual Representation of the Interaction of Linguocultural Concepts in Russian and German Detective Fiction Anna V. Ralovets	78
Ethnic Markers of African-American Phonetics Ekaterina Yu. Romanova	86
Metaphorical Space of Alcoholic Inebriation Marat D. Urazaev	95
Type of Discourse and Dialect as Factors of Rhythmic Diglossia in English Tatiana I. Shevchenko, Anna A. Borzykh	103

Contents

Prosodic Characteristics of Response Turns in a Sports Interview (based on Northern English Dialect speech) Polina K. Shishova	110
--	-----

The Theocentrism of Axiological Space in the Poetics of Ch. G. Rossetti Angelina A. Shmat'ko	118
---	-----

Literary Studies

From Mrs. Brown to Mrs. Dalloway: Virginia Woolf's Creative Technique Tatiana M. Grushevskaya, Elena S. Grushevskaya, Angelina A. Antonova	124
---	-----

The Interpretative Function of the Narrative Method in the Literary Genre of Fable (analysis of "Massinello Pietro" by R. Bradbury) Elena F. Kosichenko	131
---	-----

Opposition between England and France in "Cross Channel" by J. Barnes Nadezhda V. Soboleva, Maria V. Myasnikova	139
--	-----

Culturology

Reasons for the Human Ambivalent Attitude to Technology: from Phobias to Charm Natalya V. Sinyavina	149
--	-----

The Phenomenon of Visual Novel in the Context of Creative Industries: Literature vs Game Andrey Yu. Chukurov	157
---	-----

Речевой консонанс как тактика конвергенции в межгендерном общении на английском языке

Р. Э. Абдуллина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
abdullinarimma@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – определение признаков созвучности мелодических компонентов речи в общении носителей британского варианта английского языка, которая может быть интерпретирована как речевой консонанс. В работе применяется комплексный метод фонетического анализа. Результаты исследования позволяют сформулировать признаки речевого консонанса и установить тактики конвергенции, такие как интервал октавы (12 пт) и квинты (7 пт) в просодической динамике речевого обмена. Представленная музыкальная интерпретация конвергенции расширяет сведения о маркерах просодического соответствия в диалогической речи и позволяет взглянуть на соотношение звуковысотных параметров как на средство достижения гармонии взаимодействия, необходимой для удержания внимания аудитории в условиях публичного общения.

Ключевые слова: просодическая конвергенция, консонанс, интервал, октава, квинта, диалогическое общение

Для цитирования: Абдуллина Р. Э. Речевой консонанс как тактика конвергенции в межгендерном общении на английском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 9–17.

Original article

Speech Consonance as a Tactic of Convergence in a Mixed-Gender British English Conversation

Rimma E. Abdullina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
abdullinarimma@gmail.com

Abstract. The aim of this study is to establish the melodic attunement as speech consonance (interval) from the perspective of music harmony. The experiment employs perceptual, acoustic and statistical analyses. The results reveal the main features of speech consonance and determine the intervals of octave (12 st) and the fifth (7 st) as the tactics of prosodic convergence achieved through the synchronous pitch manipulation at the utterance level, in turn-taking and simultaneous speech. The presented perspective on prosodic accommodation expands the typology of prosodic cues that indicate convergence in dialogical speech. It also provides insight into pitch as a means of harmonious interaction in general, which is essential for maintaining the attention of an audience in public discourse.

Keywords: prosodic convergence, consonance, interval, the octave, the fifth, dialogical interaction

For citation: Abdullina, R. E. (2026). Speech consonance as a tactic of convergence in a mixed-gender British English conversation. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities 1(907), 9–17. (In Russ.)

Введение

Коммуникативное поведение представляет особый интерес для исследователей. Стремление понять механизмы порождения речи, особенности передачи и восприятия содержания высказываний, мотивы, лежащие в их основе, обуславливает необходимость изучения просодических средств речи. Роль единиц супrasegmentного уровня в структуре речевого взаимодействия и интерпретация просодических сигналов участниками общения детально исследуется специалистами в области конверсационного анализа [Szczeprek Reed, 2006]. В свою очередь, установление вариативности речевых средств в интеракции, стратегии и тактики достижения согласованного общения являются объектом изучения теории аккомодации [Investigating automatic measurements of prosodic accommodation and its dynamics in social interaction, 2014; Phonetic convergence across multiple measures and model talkers, 2017; Demina, 2021]. Особое внимание в работах ученых уделяется супrasegmentным характеристикам: частоте основного тона (ЧОТ), интенсивности, качеству голоса, скорости артикуляции. ЧОТ – физический коррелят воспринимаемой высоты голоса – рассматривается как важный показатель степени сближения речи коммуникантов. В количественном отношении достижение сходства ассоциируется с уменьшением разницы значений ЧОТ говорящих.

Настоящее исследование рассматривает сближение мелодических параметров речи сквозь призму музыкальной гармонии, предлагая новый взгляд на конвергенцию как на процесс достижения речевого консонанса в форме интервала октавы.

Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринимается попытка анализа мелодической согласованности диалогической речи в соотносительности с явлением музыкального консонанса.

В современных фонетических работах прослеживается устойчивый интерес к супrasegmentным средствам речи и их роли в регуляции социального взаимодействия, поиску признаков перцептивной созвучности и коррелятов речи и музыки [Szczeprek Reed, 2020; Hirst, 2021; Абдуллина, 2025]. Перспективы, которые открывает для фонетических исследований междисциплинарный подход, объединяющий лингвистику и музыковедение, а также необходимость дальнейшего изучения средств просодического соответствия в диалогической речи обуславливают актуальность данного исследования.

Материалом для настоящего исследования послужил подкаст на английском языке длительностью около 28 минут, представляющий собой

диалогическое общение мужчины и женщины. Жанр подкаста представляет определенный интерес для исследования, поскольку сочетает естественное общение участников и направленность на внешнюю аудиторию. Это позволяет установить средства бесконфликтного общения, необходимые для поддержания интереса и вовлеченности слушателей. Выбор коммуникантов обусловлен необходимостью выявления объективных признаков просодической аккомодации и степени ее реализации в вербальном взаимодействии, с учетом музыкальной гармонии.

В исследовании были поставлены следующие задачи:

- 1) выявить консонанс как тактику просодической аккомодации в речи собеседников и определить условия, способствующие его реализации;
- 2) установить соответствие речевого консонанса музыкальному.

Практическая значимость исследования состоит в том, что представленные в нем тактики конвергенции и средства достижения просодической согласованности в диалогической речи расширяют сведения об особенностях общения носителей британского варианта английского языка. Результаты исследования могут быть полезны при подготовке студентов гуманитарных вузов на занятиях по практической фонетике, социолингвистике, лингвопрагматике, фоностилистике.

Просодические исследования диалогической речи

Исследования просодии в русле теории аккомодации ассоциируют сходство коммуникативного поведения со сближением супrasegmentных средств речи. Стратегии аккомодации рассматриваются в терминах большего и меньшего сходства параметров.

М. Пикеринг и С. Гэрод рассматривают аккомодацию как процесс, обусловленный взаимосвязью между производством и восприятием речи. Авторы полагают, что адаптация – совместная деятельность участников общения, при которой говорящие склонны выбирать те речевые единицы, которые уже были ранее реализованы в высказываниях собеседников. Данная тактика, названная авторами «прайминг» (priming), носит, предположительно, автоматический характер. Таким образом, коммуникативная адаптация осуществляется посредством активации одних и тех же компонентов в речи говорящих [Pickering, 2004].

Р. Левитан и Дж. Хиршберг выделяют два вида аккомодации: на уровне речевого взаимодействия

в целом и на локальном уровне реплик. Рассматривая аккомодацию комплекса просодических параметров на уровне реплик, в который входили ЧОТ, интенсивность, скорость артикуляции и качество голоса, авторы пришли к выводу, что говорящие адаптируют речь по нескольким параметрам и варьируют модели сближения [Levitan, 2011]. Схожие результаты были получены Дж. Пардо и ее коллегами в исследовании ЧОТ, первой и второй формант и их длительности. Авторы определили, что в каждом конкретном речевом взаимодействии конвергенция затрагивает различные комбинации средств сближения. Кроме того, было установлено отсутствие корреляции между перцептивными суждениями о конвергенции и ее акустическими признаками. Исследователи выявили, что в ряде речевых образцов, в которых аудиторы перцептивно обнаруживали конвергенцию, акустический анализ фиксировал ее отсутствие [Phonetic convergence ... , 2017].

Корреляция просодических параметров речи коммуникантов рассматривается исследователями и в области конверсационного анализа. Я. Гориш и его коллеги, применяя прагматический подход к изучению мелодического контура речи на локальном уровне, установили, что просодическая форма функционирует как средство выражения согласия при ее соответствии предыдущей реплике собеседника [Gorisch, 2012].

Б. Щепек Рид, выявляя роль просодии как ресурса для ориентации собеседников в диалоге, использует понятие «просодическое соответствие» (prosodic matching) [Szczeprek Reed, 2006]. Как одно из средств «просодического соответствия» автор рассматривает имитацию, с помощью которой собеседники конструируют беседу: определяют ее последовательность и сохраняют направленность. Таким образом, имитация определяется как социально ориентированный акт и коммуникативный ресурс, направленный на сотрудничество и совместное построение естественного речевого взаимодействия [Szczeprek Reed, 2020]. Некоторые фонетические аспекты речи, такие как высота звука, интонация, темп, ритм, в определенной степени имеют сходство с музыкой. Неслучайно среди средств просодического соответствия в речи Б. Щепек Рид отмечает музыкальные явления, которые автор обозначает термином «стилизованная просодическая ориентация» (stylized prosodic orientation). Стилизованная просодическая ориентация представляет собой практики, которые говорящие применяют для привлечения внимания собеседника, например, при обращениях, в начале разговора и его окончании. Эти практики включают продолжение высотного уровня (т. е. определенной

ноты) предыдущей реплики собеседника, последовательности из двух музыкальных интервалов, таких как минорные секунды, мажорные секунды и минорные терции, или мелодическую последовательность – пение [Szczeprek Reed, 2006].

В этом смысле, просодическую конвергенцию, понимаемую как определенный уровень соответствия, можно рассматривать как процесс установления согласованного звучания, поскольку достижение согласованности демонстрирует сходство с основополагающим явлением музыкальной гармонии – консонансом. Противопоставление консонанса и диссонанса как ощущений, возникающих из восприятия звучащих тонов, представляет собой один из фундаментальных аспектов западноевропейской культуры [Harrison, 2020].

Консонанс как явление

Вопрос предпочтения определенных звуковых сочетаний, приятных для слуха, был предметом исследований на протяжении тысячелетий. Ряд теорий, выдвинутых для объяснения консонанса, обосновывает его с математической, музыкальной, психофизиологической точек зрения.

В музыкознании соотношение двух звуков по высоте рассматривается как музыкальный интервал¹. Совершенные консонансы, к которым причисляются октава (2:1), квинта (3:2), кварта (4:3) и прима (унисон) (1:1), основаны на античных представлениях о гармонии и, в частности, опытах Пифагора, который математически обосновал, что некоторые числовые соотношения натяжения струн вызывают более приятные ощущения для слуха. Представления Пифагора о гармонии основывались на тетраде чисел (1-2-3-4), которой объяснялась вся гармония мироздания, включая музыку².

Психофизиологическая точка зрения объясняет воздействие звучания на нервную систему человека. Консонанс ассоциируется с приятным звучанием и положительными ощущениями при прослушивании. Диссонанс, напротив, воспринимается как неприятное и оценивается отрицательно. Г. Гельмгольц, выдающийся немецкий ученый XIX века, отмечает, что при восприятии консонансов возникает «приятный род нежного и равномерного возбуждения слуховых нервов». Таким образом, консонанс, благодаря слитности звучания, ощущается «гладким», а диссонанс – «шероховатым»³.

С физической точки зрения звук, включая речь, представляет собой форму вибрации,

¹Вахромеев В. А. Интервал // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / гл. ред. Ю. В. Келдыш. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 2.

²Холопов Ю. Н. Гармония. Теоретический курс. СПб.: Лань, 2003.

³Там же, с. 19.

воспринимаемой слуховой системой человека. Большинство звуков, в том числе человеческий голос, сложны по своей природе и состоят из множества частот, составляющих его тембр. В исследовании Д. Шварца и его коллег, посвященном поиску взаимосвязи музыкальных универсалий и речи, было установлено, что предпочтение определенных интервалов обусловлено тембром голоса. Отмечается, что наибольшие концентрации интенсивности в речевом спектре соответствуют консонансам, что, по мнению авторов, объясняет причины их предпочтения [Schwartz, 2003].

Феномен октавы заключается в том, что составляющие ее звуковысотные уровни с соотношением 2:1 представляют собой удвоение частот, которое воспринимается похожим по звучанию. Данное явление объясняется как «эквивалентность октавы» (octave equivalence) [Octave effect in auditory attention, 2013]. С. Де Луз и Д. Хирст предлагают использовать октавную шкалу вместо шкалы в Гц в фонетических исследованиях, поскольку полагают, что слух и речевой аппарат человека эволюционно предрасположены к обработке интервала октавы. Так, особая роль октавы в речи выражается в физиологической особенности вибрации голосовых связок: увеличение их натяжения в два раза приводит к изменению частоты вибрации, которая представляет собой 1/2 интервала. Отмечается, что интервал октавы может передавать определенные лингвистические и паралингвистические функции в речи [De Looze, 2014].

Методика проведения исследования

Методы исследования включают перцептивный и акустический анализ с использованием программного обеспечения PRAAT¹, математическую обработку данных и их статистическую верификацию.

Анализ включает в себя следующие этапы: 1) установление границ интонационных групп и элементов мелодического контура; 2) выявление благозвучных речевых образцов на границах высказываний собеседников; 3) акустический анализ выбранных пар реплик с установлением средних, минимальных и максимальных значений ЧОТ, диапазона ЧОТ в репликах (пт), диапазона ЧОТ на стыках высказываний (пт)²; 4) соотнесение диапазонов ЧОТ с музыкальными интервалами.

Речевой консонанс устанавливался как диапазон средних значений ЧОТ говорящих. В связи

¹Boersma, P., Weenink, D.: Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.4.07. URL: <http://www.praat.org> (дата обращения: 30.10.2025).

²В одновременной речи показатели ЧОТ устанавливались с применением фильтрации речевого сигнала, которая ограничивала область анализа необходимым диапазоном значений.

с тем, что музыкальные интервалы измеряются в полутонах (пт), сопоставляемые показатели ЧОТ (в Гц) были преобразованы в соответствии с логарифмической шкалой с использованием следующей формулы: интервал = $12 * \log_2(h1/h2)$, где $h1$ и $h2$ – два сопоставляемых значения ЧОТ [Hirst, 2021].

Для установления соответствия речевого консонанса музыкальному математически вычислялся верхний тон интервала октавы (показатель интервала октавы в Гц), значение которого устанавливалось как 12 полутонов от нижнего значения ЧОТ в парах речевых образцов. Данный параметр позволил сопоставить полученные данные о речевом диапазоне со значениями музыкального интервала и установить их модуль разности. Модуль разности в настоящем исследовании представлен следующими значениями: 1) разница показателей верхних голосов речевого и музыкального интервалов в Гц; 2) разница диапазона речевого и музыкального интервалов в пт.

Статистическая верификация данных с использованием коэффициента корреляции Пирсона (r) проводилась в специализированной программе Jamovi³. Статистический анализ подтверждает очень сильную связь показателей ЧОТ интервала октавы ($r = 0.991$, $p < 0.001$), сильно выраженную корреляцию средних значений ЧОТ говорящих в репликах ($r = 0.701$, $p < 0.05$), значительную корреляцию значений ЧОТ мужских реализаций в репликах и интервалах ($r = 0.681$, $p < 0.05$), а также сильно выраженную корреляцию показателей средних значений ЧОТ женских реализаций в интервалах и репликах, в которых наблюдается диапазон, соответствующий октаве ($r = 0.862$, $p < 0.05$).

Результаты исследования

Результаты акустического анализа демонстрируют динамический характер аккомодации, который выражается в том, что собеседники достигают определенной степени соответствия звуковысотных показателей речи. Конвергенция затрагивает 44 % пар реплик (101 пара – 100 %) и проявляется в благозвучном балансе показателей ЧОТ на стыках реплик и в одновременной речи, который соответствует консонансам. В 57 % (44 интервала – 100 %) консонанс представляет собой интервал октавы, остальные случаи (43 %) представлены интервалом прима (унисона). В фонетических исследованиях унисон рассматривался как «речевой подхват» на стыках реплик, а также в повторах

³The Jamovi project. Jamovi (Version 2.3.28) [Computer Software]. 2023. URL: <https://www.jamovi.org> (дата обращения: 30.10.2025).

просодических акцентов на отдельных словах [Szczerpek Reed, 2020; Абдуллина, 2025].

Как следует из таблицы 1, среднедикторские показатели уровней ЧОТ коммуникантов демонстрируют естественно обусловленные различия. Так, в речи участника мужчины (М) фиксируются более низкие значения среднего (134 Гц) и минимального (67 Гц) уровней ЧОТ в сравнении с участницей женщиной (Ж), параметры речи которой выше (230 Гц и 132 Гц соответственно).

Таблица 1

Среднедикторские показатели ЧОТ (Гц) и диапазона (пт) в диалоге

Диктор	ЧОТ средн	ЧОТ мин	ЧОТ макс	Диапазон
М	134	67	395	31
Ж	230	132	406	19

Речевой консонанс октавы представлен следующими формами конвергенции: межсинтагменная (56 %), внутрисинтагменная (16 %), корреляция в одновременной речи (28 %).

Консонанс на границах последовательных реплик

Наибольшей частотностью в диалоге представлена модель, в которой наблюдается конвергенция звуковысотных показателей на стыке реплик, включая фоновые высказывания (56 %). Конвергенция при этом затрагивает следующие элементы синтагм: ударные и безударные слоги, ядерные тоны. Примеры сближения высотных уровней на стыке реплик участников представлены в таблице 2.

В примере 1 устанавливается согласование высотных уровней нисходящих тонов в речи обоих коммуникантов на стыке синтагм, соответствующее интервалу октавы с диапазоном 11,86 пт (М: 94,46 Гц; Ж: 187,44 Гц; модуль разности речевого и музыкального интервалов октавы (далее – модуль разности) составляют 1,48 Гц и 0,14 пт).

Речевой консонанс может возникать на ударных и безударных элементах контура, в частности на зашкале в первой реплике и на высокой предшкале в последующей. Так, пример 2 демонстрирует сближение высотного уровня конца и начала реплик собеседников (М: 97,07 Гц; Ж: 191,35 Гц, интервал: 11,75 пт; модуль разности: 2,79 Гц, 0,25 пт).

Примечательно, что речевой консонанс отражает гендерные особенности голосов участников: женские реализации октавы демонстрируют подстройку «вверх»: высотный уровень в начале синтагмы представляет собой удвоение показателей ЧОТ финального ударного слога (см. табл. 2). В мужских реализациях консонанс устанавливается при подстройке звуковысотных показателей «вниз». В примерах 3 и 4 в уровнях ЧОТ фоновых реплик устанавливается корреляция значений с ударными слогами собеседницы (пример 3: М – 119,71 Гц; Ж – 234,24 Гц, интервал – 11,62 пт; пример 4: М – 121,95 Гц; Ж – 244,05 Гц, интервал – 12,01 пт). Таким образом, значения ЧОТ сближаются, а консонанс реализуется в регистре, комфортном для участника – мужчины (табл. 2, примеры 3 и 4).

Консонанс в одновременной речи

Консонанс в одновременной речи представлен двумя вариантами: одновременный и последовательный. Одновременный консонанс представляет собой соответствие значений ЧОТ интервалу

Таблица 2

Речевой консонанс (октава) на стыке реплик

№	Примеры	ЧОТ (Гц)	Интервал (пт)	Верхний тон октавы (Гц) ¹	Модуль разности (пт)	Модуль разности (Гц)
1.	М: I 'can't 'quite }} pick 'up your \accent. V	94,46	11,86	188,92	0,14	1,48
	Ж: \Yes, V ^So, I was 'born in ^Hull }	187,44				
2.	М: ^got the ^picture. \Yeah, V ^very good. V	97,07	11,75	194,14	0,25	2,79
	Ж: ^And 'then \linked ^back ^to }}	191,35				
3.	Ж: ^And I \thought, V “oh, I'm just going to have to set it in ^Matlock.” V ^So ... }	234,24	11,62	239,42	0,37	5,18
	М: \Yes V	119,71				
4.	Ж: ^That's ^yeah, V ^that's ^two. V	244,05	12,01	239,42	0,01	0,15
	М: [^That's ^two]	121,95				

¹ Данный показатель определялся математически как удвоение значения ЧОТ нижнего голоса речевого интервала.

Речевой консонанс (октава) при наложении реплик

№	Примеры	ЧОТ (Гц)	Интервал (пт)	Верхний тон октавы (Гц)	Модуль разности (пт)	Модуль разности (Гц)
5.	M: [so] yes, V [on the landing V]	108,19	11,89	216,38	0,11	1,31
	Ж: [Yeah], like we [should }} we were 'going to 'get a high house }}	215,07				
6.	M: And so(ry) }} [sorry V I'm getting completely in^trigued by ,this V]	132,81	11,69	265,62	0,31	4,69
	Ж: [First 'thing I haven't written about re^lationships]	260,93				

октавы в одновременно произносимых ударных слогах. В последовательном консонансе показатели ЧОТ сближаются с непосредственно предшествующим слогом в речи собеседника. В таблице 3 представлена одновременная реализация наложения реплик коммуникантов.

Пример 5 представляет собой одновременный консонанс на словах *so – Yeah* при выражении согласия (M: 108,19 Гц; Ж: 215,07 Гц; интервал – 11,89 пт; модули разности – 1,31 Гц; 0,11 пт). Как и в ранее описанных случаях консонанса в женской речи, подстройка к высотным показателям мужского голоса осуществляется «вверх». Речевой консонанс в мужской речи в примере 6, напротив, представлен конвергенцией «вниз» (M: 132,81 Гц; Ж: 260,93 Гц; интервал – 11,69 пт; модули разности – 4,69 Гц; 0,31 пт, см. табл. 3).

Особенность акустического анализа одновременной речи заключается в том, что в программе Praat ЧОТ говорящих представляется как единый

голосовой сигнал. Необходимым условием для определения высотного уровня речи коммуникантов является ограничение области анализа определенными значениями. Рисунок 1 демонстрирует ЧОТ фрагментов реплик, которые были установлены с применением фильтров 50–150 Гц для мужского голоса и 150–500 Гц для женского.

Данные, представленные на рисунке 1, показывают, что контуры нисходящих тонов в репликах получают схожее мелодическое оформление, а полученные показатели ЧОТ образуют консонанс октавы (M: 127,99 Гц; Ж: 257,96 Гц; интервал – 12,13 пт; модули разности – 2,20 Гц; 0,13 пт).

На наш взгляд, в одновременной речи роль консонанса прослеживается наиболее ярко, поскольку октава как тактика конвергенции обеспечивает непрерывное просодическое взаимодействие, служит средством выражения согласия с мнением партнера по коммуникации, смягчает потенциальную конфликтность в случае перебивания собеседника.

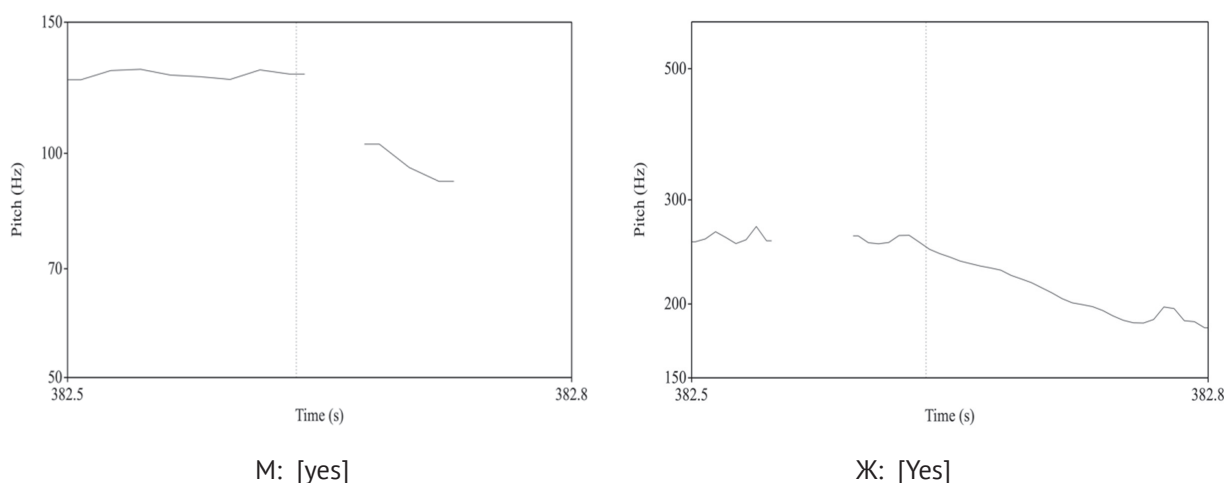

Рис. 1. Контур ЧОТ фрагмента реплик: «Ж: Right, V [yes, yeah] – M: [Yes, V I 'did }} I 'did en] joy that»

Корреляция ЧОТ в интервалах и репликах

Интерес также представляют не только конкретные случаи речевого консонанса, но и соотношение средних показателей ЧОТ в репликах. Рисунок 2 показывает, что в 44 % реплик, в которых наблюдается интервал октавы, также отмечается сближение средних показателей в синтагмах до значений, близких консонансным. Модули разности ЧОТ представлены не только диапазонами октавы (11,27 пт – 12,74 пт), но и квинты (6,83 пт – 7,67 пт), которая также считается совершенным консонансом. Таким образом, консонанс во взаимодействии коммуникантов устанавливается не только на стыках высказываний, но и в соотношении средних значений ЧОТ в репликах.

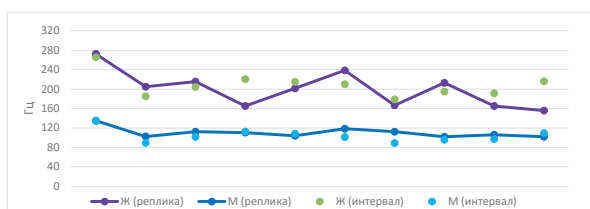

Рис. 2. Средние показатели ЧОТ в интервалах и синтагмах

Динамика изменений значений ЧОТ в процессе общения указывает на то, что консонанс как тактика конвергенции на стыках реплик и в одновременной речи достигается в результате синхронного сближения, в процессе которого участники координируют направленность изменений, понижая или повышая показатели ЧОТ. В репликах меры адаптации средних значений ЧОТ демонстрируют синхронность и конвергенцию.

Заключение

Проведенное исследование было направлено на изучение конвергенции звуковысотных параметров речи сквозь призму музыкальной гармонии, выявление интервала октавы в диалогическом общении и установление речевого консонанса как

тактики конвергенции. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы:

- 1) просодическая аккомодация реализуется как сближение звуковысотных показателей при последовательной смене говорящего и в одновременной речи. Динамический характер аккомодации проявляется в синхронном изменении уровней ЧОТ и достижении определенной степени соответствия показателей в речи собеседников: на стыках реплик и в одновременной речи устанавливается баланс значений с соотношением ЧОТ 2:1 (12 пт), в синтагмах – с соотношением ЧОТ 2:1 (12 пт) и 3:2 (7 пт);
- 2) соотношение показателей ЧОТ позволяет сделать вывод, что мелодическая согласованность проявляется в установлении речевого консонанса, который достигается применением говорящими определенных тактик, в частности сближения значений до интервала октавы (12 пт) и квинты (7 пт). Интервал октавы отражает ориентацию на сближение мелодических показателей в комфортных для участников общения звуковысотных регистрах. Для женской речи более свойственна подстройка по тону вверх, для мужской – вниз.

Случаи речевого консонанса демонстрируют чуткость восприятия мелодики речи собеседниками и высокую степень сонастройки говорящих. Таким образом, речевой консонанс как тактика конвергенции в определенном смысле представляет собой не только мелодическое сходство, но и достижение гармонии речевого взаимодействия в целом, что особенно важно в условиях публичного общения для поддержания интереса и получения одобрения слушателей. Предлагаемый новый взгляд на конвергенцию как на речевой консонанс вносит вклад в развитие исследований просодической аккомодации, расширяет сведения о маркерах просодического соответствия в диалогическом общении и средствах достижения согласованного и бесконфликтного речевого взаимодействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Szczepek Reed B. Prosodic Orientation in English Conversation. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.
2. Investigating automatic measurements of prosodic accommodation and its dynamics in social interaction / C. De Looze, S. Scherer, B. Vaughan, N. Campbell // Speech Communication. 2014. Vol. 58. P. 11–34.
3. Phonetic convergence across multiple measures and model talkers / J. Pardo, A. Urmanche, S. Wilman, J. Wiener // Attention, Perception, & Psychophysics. 2017. Vol. 79. P. 637–659.
4. Demina M. A. An investigation into gender specifics of communicants' pitch attunement in natural English conversation // XLinguae. 2021. Vol. 14. № 2. P. 142–156.

5. Szczepek Reed B. Reconceptualizing mirroring: Sound imitation and rapport in naturally occurring interaction // *Journal of Pragmatics*. 2020. Vol. 170. P. 109–125.
6. Hirst D. Fundamental frequency and pitch / D. Hirst, C. De Looze // *The Cambridge Handbook of Phonetics* / Ed. by R.-A. Knight, J. Setter. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. P. 336–361.
7. Абдуллина Р.Э. Перцептивный образ созвучности англоязычной диалогической речи // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025. Вып. 1 (895). С. 9–16.
8. Pickering M. Toward a mechanistic psychology of dialogue / M. Pickering, S. Garrod // *Behavioral and Brain Sciences*. 2004. Vol. 27. № 2. P. 169–190.
9. Levitan R. Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions // R. Levitan, J. Hirschberg / *Proceedings of Interspeech 2011*. Florence, 2011. P. 3081–3084.
10. Gorisch J. Pitch contour matching and interactional alignment across turns: an acoustic investigation / J. Gorisch, B. Wells, G. J. Brown // *Language and speech*. 2012. Vol. 55. № 1. P. 57–76.
11. Harrison P. M. Simultaneous consonance in music perception and composition / P. M. Harrison, M. Pearce // *Psychological Review*. 2020. Vol. 127. № 2. P. 216–244.
12. Schwartz D. A. The statistical structure of human speech sounds predicts musical universals / D. A. Schwartz, C. Q. Howe, D. Purves // *The Journal of neuroscience: the official journal of the Society for Neuroscience*. 2003. Vol. 23. № 18. P. 7160–7168.
13. Octave effect in auditory attention / T. Borra, H. Versnel, Ch. Kemner [et al.] / *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2013. Vol. 110. № 38. P. 15225–15230.
14. De Looze C. The OMe (Octave-Median) scale: a natural scale for speech melody / C. De Looze, D. Hirst // *Proceedings of the 7th International Conference on Speech Prosody*. Dublin, 2014. P. 910–914.

REFERENCES

1. Szczepek Reed, B. (2006). *Prosodic orientation in English conversation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
2. De Looze, C., Scherer, S., Vaughan, B., Campbell, N. (2014). Investigating automatic measurements of prosodic accommodation and its dynamics in social interaction. *Speech Communication*, 58, 11–34.
3. Pardo, J., Urmanche, A., Wilman, S., Wiener, J. (2017). Phonetic convergence across multiple measures and model talkers. *Attention, Perception, & Psychophysics*, 79, 637–659.
4. Demina, M.A. (2021). An investigation into gender specifics of communicants' pitch attunement in natural English conversation. *XLinguae*, 14(2), 142–156.
5. Szczepek Reed, B. (2020). Reconceptualizing mirroring: Sound imitation and rapport in naturally occurring interaction. *Journal of Pragmatics*, 170, 109–125.
6. Hirst, D., De Looze, C. (2021). Fundamental Frequency and Pitch. In Knight, R.-A., Setter, J. (Eds.), *The Cambridge Handbook of Phonetics* (pp. 336–361). Cambridge: Cambridge University Press.
7. Abdullina, R.E. (2025). Perceptual image of speech consonance in British English conversation. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(895), 9–16. (In Russ.)
8. Pickering, M., Garrod, S. (2004). Toward a mechanistic psychology of dialogue. *Behavioral and Brain Sciences*, 27(2), 169–190.
9. Levitan, R., Hirschberg, J. (2011). Measuring acoustic-prosodic entrainment with respect to multiple levels and dimensions. *Proceedings of Interspeech 2011* (pp. 3081–3084). Florence.
10. Gorisch, J., Wells, B., Brown, G. (2012). Pitch contour matching and interactional alignment across turns: an acoustic investigation. *Language and speech*, 55(1), 57–76.
11. Harrison, P. M., Pearce, M. (2020). Simultaneous consonance in music perception and composition. *Psychological Review*, 127(2), 216–244.
12. Schwartz, D. A., Howe, C. Q., Purves, D. (2003). The statistical structure of human speech sounds predicts musical universals. *The Journal of neuroscience : the official journal of the Society for Neuroscience*, 23(18), 7160–7168.
13. Borra, T., Versnel, H., Kemner, C., van Opstal, A.J., van Ee, R. (2013). Octave effect in auditory attention. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 110(38), 15225–15230.
14. De Looze, C., Hirst, D. (2014). The OMe (Octave-Median) scale: a natural scale for speech melody. *Proceedings of the 7th International Conference on Speech Prosody* (pp. 910–914). Dublin.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абдуллина Римма Эдуардовна

преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Abdullina Rimma Eduardovna

Lecturer at the Department of English Phonetics
English Language Faculty
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	07.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Научная статья
УДК 81'373

Метафорическая репрезентация концепта «Время» в художественном дискурсе (на материале Национального корпуса русского языка)

М. А. Алексеева¹, З. Р. Хачмафова²

¹Армавирский педагогический университет, Армавир, Россия, mariaalex1994@yandex.ru

²Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия, zaineta@nextmail.ru

Аннотация. Цель работы заключается в выявлении и систематизации метафорических моделей, репрезентирующих концепт «Время» в художественном дискурсе. Исследование проведено в русле теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона с опорой на данные Национального корпуса русского языка. Установлено, что концепт «Время» в художественном дискурсе репрезентируется через сложную систему взаимосвязанных метафорических моделей и субмоделей. Делается вывод о гибридном характере метафор времени, синтезирующих несколько когнитивных доменов, что свидетельствует о сложности процесса метафорической концептуализации времени в художественном дискурсе.

Ключевые слова: концептуальная метафора, художественный дискурс, концепт «Время», корпус языка, метафорические модели времени, субмодели времени

Для цитирования: Алексеева М. А. Метафорическая репрезентация концепта «Время» в художественном дискурсе (на материале Национального корпуса русского языка) / М. А. Алексеева, З. Р. Хачмафова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 18–26.

Original article

The Metaphorical Representation of the Concept of “Time” in Literary Discourse (based on data from the Russian National Corpus)

Maria A. Alekseeva¹, Zaineta R. Khachmafova²

¹Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russia, mariaalex1994@yandex.ru

²Adyghe State University, Maykop, Russia, zaineta@nextmail.ru

Abstract. This article aims to identify and systematize the metaphorical models representing the concept of TIME in literary discourse. Conducted within the framework of G. Lakoff and M. Johnson’s Conceptual Metaphor Theory and supported by data from the Russian National Corpus, the research reveals that the concept is expressed through a complex system of interrelated metaphorical models and sub-models. The findings indicate the hybrid nature of time metaphors, which blend several cognitive domains, demonstrating the complexity of the metaphorical conceptualization of time in literary discourse.

Keywords: conceptual metaphor, artistic discourse, concept of time, language corpus, metaphorical models of time, sub-models of time

For citation: Alekseeva, M. A., Khachmafova, Z. R. (2026). The metaphorical representation of the concept of “Time” in literary discourse (based on data from the Russian National Corpus). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 18–26. (In Russ.)

Введение

Феномен времени является одной из фундаментальных и одновременно сложнейших для осмысления категорий человеческого сознания и культуры. Уникальность времени заключается в его дуализме: оно существует одновременно как объективная, независимая от сознания данность в естественнонаучном понимании, и как субъективный перцептивный образ. Исследование метафорических моделей времени в художественном дискурсе позволяет описать не только базовые когнитивные структуры, лежащие в основе категоризации и концептуализации времени в языковом сознании, но и выявить индивидуально-авторские метафорические образы, авторское мировидение и культурные установки, так как метафора в художественном тексте рассматривается «как определенный семиотический код, который материализует образ, созданный автором посредством языковых знаков» [Грушевская, 2025, с. 51]. Согласимся с Е. А. Сахаровой, что «лингвокреативный характер метафоры проявляется в ее способности заполнять номинативные лакуны, обозначать нетривиальные мысли путём нестандартного сочетания знакомых образов, создавать новые речевые смыслы, порождаяемые двуединым видением логически несовместимых образов» [Сахарова, 2015, с. 11].

Исследование выполнено в парадигме когнитивной лингвистики, в частности, в русле теории концептуальной метафоры, где метафора понимается не как риторическая фигура, а как когнитивный механизм, позволяющий осмысливать и структурировать абстрактные концепты через обращение к более конкретному сенсорно-моторному опыту [Lakoff, 1989]. В отличие от аристотелевской трактовки метафоры как риторического переноса имени, современная теория, основанная на работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона, понимает метафору как инструмент познания: «Метафоры как выражения естественного языка возможны именно потому, что они являются метафорами концептуальной системы человека» [Лакофф, 2004, с. 27]. Проблемам метафорической концептуализации времени посвящены фундаментальные научные работы зарубежных и отечественных лингвистов [Арутюнова, 1997; Заботкина, 2012; Плунгян, 1997; Lakoff, 1989].

Однако дальнейшего лингвистического исследования требуют, на наш взгляд, вопросы изучения принципов метафорического моделирования времени и систематизации наиболее продуктивных источников метафоризации в художественном дискурсе. Изучение метафорических моделей времени в рамках корпусного подхода представляется

нам актуальным, так как корпус языка, по мнению В. А. Плунгяна, «примета новой идеологии изучения языка, для которой язык – вообще говоря, и есть корпус» [Плунгян, 2008, с. 12]. Отметим также интерес современных исследователей к проблеме построения лингвистических корпусов и извлечения из них значимых для интерпретации данных [Красикова, 2024; Горожанов, 2024; Горожанов, 2022]. Данный факт подчеркивает актуальность представленной работы.

Объектом анализа выступает концепт «Время» как одна из базовых ментальных категорий, репрезентируемая в русском языке широким спектром метафорических моделей. Предметом исследования являются способы метафорической концептуализации времени в художественном дискурсе на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Задачи исследования:

- 1) отобрать и систематизировать языковой материал из художественных текстов, представленных в НКРЯ;
- 2) выявить метафорические модели и субмодели, репрезентирующие концепт «Время»;
- 3) систематизировать метафорические модели времени по областям-источникам и определить наиболее продуктивные метафорические модели;
- 4) проанализировать функции данных метафор в художественном тексте.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- 1) концепт «Время» в художественном дискурсе репрезентируется через разветвленную систему взаимосвязанных метафорических моделей (антропоморфную, натуроморфную, артефактную, социоморфную), каждая из которых включает в себя субмодели;
- 2) системный анализ метафорической репрезентации не только абстрактных, но и конкретно-календарных единиц времени в художественном дискурсе позволил выявить гибридный характер метафорических моделей времени;
- 3) расширены представления об областях-источниках метафоризации времени за счет систематизации как узуальных, так и окказиональных метафор.

Методы и материал исследования

Материалом для статьи послужили метафорические словоупотребления, сочетания, извлеченные из текстов классической и современной

художественной прозы, отобранные из подкорпуса художественных текстов НКРЯ¹, общим объемом 11 303 контекста. Опора на отобранные данные позволила перейти от констатации отдельных примеров к выявлению статистически репрезентативных закономерностей.

В ходе исследования были использованы следующие методы: метод сплошной выборки сочетаний с лексемами-репрезентантами концепта «Время» в художественном подкорпусе НКРЯ; корпусный метод для сбора репрезентативной выборки примеров и анализа частотности; дефиниционный анализ для выявления ядерных и периферийных смыслов лексических единиц, репрезентирующих время в русской языковой картине мира; метод контекстуального анализа для уточнения семантики метафорических сочетаний в художественных текстах; лексико-семантический анализ; метафорическое моделирование.

Результаты исследования и обсуждение

Метафора, по емкому определению Э. В. Будаева и А. П. Чудинова, «феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафорические значения слов – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность» [Будаев, 2008, с. 41]. Бурное развитие когнитивной лингвистики способствовало исследованию процессов метафоризации, определению метафорической модели. В рамках теории метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, 1989], в основе метафоризации лежит взаимодействие двух когнитивных структур, области источника (source domain) и области цели (target domain), т. е. одной из важнейших функций метафоры является когнитивная функция или функция получения нового знания [Баранов, 2004, с. 11]. Метафорическая модель понимается как «существующая и / или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X – это Y» [Чудинов, 2003, с. 70].

Таким образом, метафорическая модель рассматривается как устойчивая связь между двумя концептуальными областями – областью-источником как более конкретной областью и областью-целью, которая представляется абстрактным понятием. Анализ языкового материала позволил выделить

наиболее продуктивные модели метафорической репрезентации времени в художественном дискурсе, систематизированных по когнитивным доменам-источникам.

Антропоморфная модель «Время – человек»

Данная модель является одной из наиболее продуктивных, в рамках которой можно выделить несколько субмоделей.

• Время как действующий субъект

Время наделяется способностью к целенаправленным физическим и волевым действиям: время лечит, ранит, убивает, дает, отнимает, работает на нас, например:

Он вспомнил своего приемного отца, старого охотника Беслана, и, вздохнув, добавил:

– Когда все, что мы любим, на том свете, время работает на нас: мы приближаемся к любимым (Ф. Искандер. *Сандро из Чегема*).

В данном примере время описывается как союзник, который не отдаляет, а, наоборот, приближает к тем, кого потеряли, т. е. время превращается в верного слугу и помощника человека. Область-источник: работник → свойство: работать на кого-то, помогать в достижении цели → *работает на нас*; область-цель: время (течение времени и жизнь после утраты) → приобретаемое свойство: необратимость, линейность, старение, движение к смерти → *время работает на нас: мы приближаемся к любимым*. Таким образом, абстрактное и неумолимое течение времени приобретает свойства верного помощника, что кардинально меняет его эмоциональное восприятие с негативного на позитивное и дает человеку утешение.

• Время, обладающее телом

Время получает физические атрибуты человека: рука времени, лик времени, крылья времени, например:

Неумолимая *рука времени* зачеркивает страницу за страницей в книге его жизни, серенькой жизни вечного мечтателя, вечного неудачника... (А. А. Селиванов. *Ближе к звездам*).

В данном примере областью-источником метафоры *рука времени* является человек, а именно его способность совершать физические действия с помощью рук. Метафора *рука времени*

¹НКРЯ. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 25.09.2025).

выступает инструментом, который завершает и закрывает *книгу жизни* и создает яркий визуальный образ времени. Данная метафора несет в себе негативную оценку. *Рука времени* не просто переворачивает страницы, а зачеркивает их, т. е. это действие, направленное на уничтожение, признание ненужным жизни персонажа – *серенькая жизнь вечного мечтателя, вечного неудачника*, которую, по мнению автора, и стоит *зачеркнуть*. *Руке времени* нельзя противостоять, ее нельзя остановить, пока не *зачеркнет* последнюю страницу, что вызывает чувство тревоги и безысходности перед неумолимой силой времени. Область-источник: руки пишущего человека → свойство: способность зачеркивать написанное → *зачеркивает страницу*; область-цель: время (жизнь) → приобретаемое свойство: способность завершать или поставить черту над этапами жизни → *рука времени зачеркивает страницу за страницей в книге его жизни*.

Интенсификация соматического кода в темпоральных метафорах обеспечивается прежде всего интенциональной амфиболией дескрипторов телесности [Бредихин, 2013], которые в препозиции объективизируют абстрактный феномен, придают ему онтологический статус.

- **Время, обладающее восприятием**

Время наделяется способностью к сенсорному контакту с миром: *каждая минута смотрит невестой*, например:

От каждого прожитого мига исходит свечение, *каждая минута смотрит невестой* (И. Полянская. *Все яблоки, все золотые шары...*).

Метафорическое сочетание *каждая минута смотрит невестой* является символом, несущим в себе множество значений: красота и неповторимость, т. е. каждая минута прекрасна и уникальна; чистота и непорочность, невеста символизирует начало, ожидание чуда; ценность будущего, невеста символизирует новую жизнь, новое счастье, т. е. каждая минута – преддверие чего-то прекрасного. В данном примере время не мучительное ожидание, не монотонное течение, а непрерывная череда уникальных, драгоценных и сияющих событий. Прожитый миг не исчезает, а начинает *светиться*, т. е. его ценность остается с человеком навсегда. Область-источник: невеста → свойство: абсолютная, неповторимая красота и чистота → *смотрит невестой*; область-цель: минута (время) → приобретаемое свойство: качество быть прекрасным, уникальным, полным надежды и чистоты → *минута смотрит невестой*.

Натуроморфная модель «Время – природа»

Данная метафорическая модель использует образы стихий и природных явлений для осмысления свойств времени.

- **Время как поток**

В данном случае время непрерывно и необратимо: протекающая минута, время течет. Например:

Он молчит, и каждая **протекающая минута** притупляет остроту вопроса, поставленного врасплох (Л. М. Леонов. *Скутаревский*).

В данном примере реализуются такие важнейшие характеристики времени, как непрерывность, направленность и необратимость. Глагол *протекающая* прямо отсылает к одной из древнейших и фундаментальных метафор времени – «поток времени». Минуты в данном случае – это капли или струйки в этом потоке, т. е. часть единого потока времени. Это задает ощущение безостановочности и непрерывности. Область-источник: вода → свойство: способность течь → *протекающая*; область-цель: время (*минута*) → приобретаемое свойство: способность двигаться непрерывно и неостановимо → *протекающая минута*.

- **Время как геологический процесс**

Данная метафорическая модель времени передает не линейное движение, а дискретное, например:

Во всю эту ночь шелестящего дождя и плохо задернутых штор Антонов пребывал в таком непрерывном и плотном контакте со временем, что показания часовых приборов, стучавших во всех укромных уголках совершенно застывшей квартиры, были ему излишни: *каждая минута и секунда отзывались в его существе маленьким сейсмическим толчком* (О. А. Славникова. *Один в зеркале*).

В данном случае описывается обостренное, почти болезненное восприятие времени персонажем. Воздействие времени уподобляется *сейсмическому толчку*, землетрясению, которое он переживает телесно. Время воздействует не на сознание, а прямо на тело, на *его существо*, которое ощущается физически. Контекст *ночь шелестящего дождя и плохо задернутых штор* создает ощущение напряжения и уязвимости. В контексте сочетания *совершенно застывшей квартиры*, символизирующей остановившуюся жизнь, метафора *сейсмических толчков* создает ощущение некоего потрясения, надвигающейся беды, внутренней

или внешней катастрофы. Область-источник: геология (землетрясение) → свойство: способность вибрация, сотрясение, высвобождения энергии → *сейсмическим толчком*; область-цель: время (каждая минута и секунда) → приобретаемое свойство: субъективное ощущение течения времени → *каждая минута и секунда отзывались в его существе*.

Зооморфная модель «Время – животное»

Данная модель передает эмоционально-субъективное восприятие скорости, связанное с конкретным животным-прототипом, например, стремительность (*летит как ласточка*) или мучительную медлительность (*ползет*). Приведем пример:

Ах, мальчик, – старики мне говорят. – Не знаешь ты, как быстро жизнь проходит. *И годы, словно ласточки, летят* (М. М. Рощин. *Галоши счастья*).

С помощью зооморфной метафоры создается визуальный образ времени. Ласточки ассоциируются с весной и летом, т. е. с чем-то теплым и хорошим, но мимолетным. Так и годы, которые могут быть прекрасными, но пролетают безвозвратно (годы, словно ласточки, летят). Область-источник: ласточки → свойство: способность летать, скорость и стремительность полета → *летят*; область-цель: *годы* (единицы времени, отрезки жизни) → приобретаемое свойство: необратимость, скорость течения, дискретность (один год сменяет другой), недостижимость прошлого → *годы, словно ласточки, летят*.

Время ползло ужасно медленно, оно ползло мимо, в то время как я сидел за письменным столом и ждал семи часов, чтобы идти в свой коллектив (Н. Н. Пунин. *Дневник*).

Время наделяется не просто признаком движения, а признаком медленного, тягучего, возможно, даже неуклюжего или мучительного движения, свойственного именно ползанию. Ключевой глагол *ползло* репрезентирует действие, характерное для животных, например, змеи, червя или насекомого. Фраза *ужасно медленно* выступает субъективной оценкой рассказчика, который явно страдает от этого ожидания. Время не просто движется медленно, оно движется *ужасно*, т. е. его медлительность вызывает почти физическое отвращение и муку. Передача субъективного восприятия времени – это ядро метафоры. Время объективно течет с одной скоростью, но для человека, который с нетерпением чего-то ждет, оно субъективно

растягивается. Область-источник: живое существо (пресмыкающееся, насекомое) → свойство: способность к очень медленному передвижению → *ползло*; область-цель: *время* (течение времени как абстрактный процесс) → приобретаемое свойство: способность к крайне медленному, тягучему, мучительно затянутому движению → *время ползло ужасно медленно*.

Артефактная модель «Время – предмет / вещь»

Время осмысляется в сознании через предметы материальной культуры.

- **Время как ценность / материал**

Время концептуализируется как драгоценный ресурс: *золотые годы, драгоценная минута*, например:

Жду его месяц – другой – и повстречалась я в пригороде с молодым купцом, взглянула на него и вспомнила про былые *годы золотые* (Ф. М. Достоевский. *Хозяйка*).

В данном примере сочетание *годы золотые* в значении время молодости, репрезентируется через конкретный, драгоценный материал золото, который является эталоном богатства и красоты. Называя годы *золотыми*, персонаж приписывает им все эти свойства: они были самыми ценными, прекрасными и сияющими в ее жизни. Область-источник: драгоценный металл (золото) → свойство: высшая ценность, эталон богатства и процветания → *годы золотые*; область-цель: прошлое время (каждая минута и секунда) → приобретаемое свойство: время молодости воспринимается как счастливое, прекрасное, наполненное смыслом и возможно, лишённое текущих забот и страданий → *вспомнила про былые годы золотые*.

Каждая минута в этом доме казалась ему *драгоценной*, и он не хотел терять ее (К. Г. Паустовский. *Снег*).

Время репрезентируется как драгоценная минута, подчеркивается ценность каждой минуты. Для персонажа время, проведенное *в этом доме* не просто приятные минуты, а нечто уникальное и редкое как драгоценный камень. Область-источник: драгоценный материал / камень → свойство: высочайшая материальная ценность, редкость и красота → *драгоценная*; область-цель: время (минута) → приобретаемое свойство: качество быть бесценным, уникальным, требующим бережного сохранения → драгоценная минута.

- **Время как объект определенной формы и структуры**

Время – это нить. Данная метафорическая суб-модель времени подчеркивает линейность времени, а также идею судьбы / рока, например:

Плавно стучал хронометр, отсчитывая сигнальные звонки и осторожно передвигала рычаг Елена. Медленно раскручивалась нить времени... Елене захотелось пить (А. Б. Ярославский. *Аргонавты вселенной*).

Метафора *нить времени* передает линейность и необратимость времени. Нить имеет начало и конец, и чтобы она раскрутилась, ее нужно сначала смотать. Это отражает идею о том, что время уже «намотано», т. е. будущее predetermined и теперь лишь постепенно реализуется, переходя в прошлое. Образ нити несет в себе оттенок судьбы, рока. Время репрезентируется как нечто уже заранее заготовленное и теперь неумолимо разворачивающееся. Область-источник: нить (пряжа, клубок) → свойство: способность разматываться, раскручиваться с начала клубка к концу → *раскручивалась*; область-цель: время → приобретаемое свойство: последовательное, линейное и необратимое развертывание из будущего в прошлое → *нить времени*.

Время – решето – помощью данной метафоры создается ощущение тщетности, например:

Ни смысла и ни лада
И дни как решето, –
Но что-то делать надо,
Хоть неизвестно что...
(Г. Полонский. *Не покидай*)

Метафора *дни как решето* создает образ пустоты и бесполезности, когда кажется, что жизнь утекает сквозь пальцы, а в руках ничего не остается. Данная метафора характеризует дни как бесплодные, непродуктивные, лишённые смыслового наполнения события, которые «просачиваются» сквозь них, не оставляя значимого следа, что создает ощущение полной бесполезности. Область-источник: решето (кухонный утварь для просеивания) → свойство: наличие отверстий; способность пропускать, а не удерживать; бесполезность для хранения чего-либо; символ тщетности усилий → *как решето*; область-цель: дни (единицы времени, сама жизнь) → приобретаемое свойство: опустошенность событиями, смыслом, результатом → *дни как решето*.

- **Время как физическое явление / звук**

Время ассоциируется не с визуальным образом, а со сложным сенсорным опытом (звук, вибрация,

вкус), что позволяет передать глубоко личное, синестетическое переживание длительности времени, например:

Было так нетрудно понять всё, но они долго не находили силы, *минута длилась, как резонирующий вкус басовой струны, забравшийся в грудину* (Д. Симонова. *Курбан*).

В данном примере метафора передает не ход времени сам по себе, а чувственное переживание его длительности в момент сильного переживания. Минута репрезентируется как низкий музыкальный звук, вибрацию которого можно не только услышать, но и почувствовать телом (резонирующий), ощутить его почти на вкус (*вкус... струны*) и физически воспринять его локализацию внутри тела (*забравшийся в грудину*). Свойства сложного звукового телесного ощущения проецируются на свойство времени, на его длительность. С помощью данной метафоры передается сложный комплекс эмоций. Низкий басовый звук ассоциируется с чем-то зловещим, тревожным, давящим. Указание на грудину передает не только анатомическую точность, но и чувство внутренней тяжести, физической боли, связанной с душевным состоянием. Область-источник: вибрация басовой струны → свойство: способность звука физически воздействовать на тело, проникать внутрь, вызывать вибрацию в теле человека → *резонирующий вкус басовой струны*; область-цель: субъективное восприятие длительности временного промежутка (минута) → приобретаемое свойство: способность времени воздействовать на эмоциональное состояние, проникать внутрь, вызывая физический дискомфорт.

Социоморфная модель

«Время – социальный институт»

В рамках данной модели на время проецируются социальные отношения и институты.

- **Время как судья**

Время наделяется атрибутами высшего, объективного и беспристрастного правосудия, что позволяет снять ответственность с человека в настоящем, апеллируя к «вердикту» будущего, например:

Может, «Войну и мир»? – отвечал ему Алешковский. Кто из них прав – *время рассудит*. «По кочану и тыфу!» – отвечал на этот вопрос один трехлетний ребенок, которого зовут Вася (Е. Попов. *Подлинная история «Зеленых музыкантов»*).

Сочетание *время рассудит* является социоморфной метафорой, поскольку заимствует свою структуру из сферы социальных институтов. Время наделяется функциями судебной системы, данная метафора переносит свойства суда на абстрактное понятие времени для осмысления неопределенности настоящего через апелляцию к «объективности» будущего. Область-источник: судебная система, правосудие → свойство: способность вынести беспристрастный и легитимный вердикт на основе доказательств и закона → *рассудит*; область-цель: время (течение времени, историческая перспектива) → приобретаемое свойство: способность перенести решение вопроса в будущее для выявления правды → *время рассудит*.

- **Время как собственность / наследие**

Прошлое концептуализируется как капитал, которым можно владеть или наследовать. Например:

Импрессионизм принадлежит нам, как и все остальное богатое наследие прошлого (К. Г. Паустовский. *Золотая роза*).

Прошлое время рассматривается как собственность, которой владеют и используют в настоящем. Время не просто наследство, а капитал, актив, увеличивающий «богатство» той культуры, которая им владеет. Настоящее не оторвано от прошлого, а является его законным правопреемником. Область-источник: собственность и наследование → свойство: право законного владения, распоряжения и использования унаследованного богатства → *богатое наследие*; область-цель: историческое время и его культурные продукты → приобретаемое свойство: время как процесс накопления капитала → *наследие прошлого*.

- **Время – экономический ресурс / капитал**

Эта модель лежит в основе экономического понимания времени (тратить время, экономить время). Время репрезентируется как ценностный ресурс, который можно потратить, инвестировать, сэкономить или растратить в рамках некоей «экономической системы» жизни:

Барышня должна уметь вести хозяйство, а не *тратить время* бестолку, – прогундосила она противным голосом и села, размазывая по лицу краски и слезы (А. Машкина. *Меньшее зло*).

Метафора *тратить время* служит для передачи системы ценностей персонажа. Время понимается не как абстрактный процесс, а как капитал, который необходимо вкладывать с умом (*вести хозяйство*).

Бестолковое времяпрепровождение для нее – это растрата капитала, финансово неграмотное поведение. Область-источник: финансы → свойство: способность тратить, расходовать, растрчивать впустую капитал → *тратить*; область-цель: время (жизнь человека) → приобретаемое свойство: ценность человеческой жизни измеряется ее утилитарной продуктивностью → *тратить время бестолку*.

Проведенный анализ позволил установить гибридный характер метафорических моделей времени в художественном дискурсе. Метафоры времени редко существуют в чистом виде. Так в примере *новая эпоха втекает мне в уши, целует сердце, морозит насмерть* наблюдается синтез нескольких моделей: натуралистической (*втекает* – поток), антропоморфной (*целует* – человек) и натуроморфной (*морозит* – природная сила). Это свидетельствует о сложности и многогранности концептуализации времени в художественном дискурсе, что требуют привлечения нескольких когнитивных доменов одновременно. В ряде случаев время репрезентируется не как внешний наблюдаемый процесс, а как сила, оказывающая непосредственное физическое воздействие на тело человека: оно *втекает в уши, целует сердце*, вызывает *сейсмические толчки*, имеет вкус. Это позволяет говорить о развитой соматической метафорической репрезентации времени в русском языковом сознании, где телесный опыт становится ключевым для осмысления временного порядка.

Заключение

Проведенный анализ показал, что концепт «Время» в художественном дискурсе репрезентируется через разветвленную систему взаимосвязанных метафорических моделей и субмоделей. Антропоморфная модель «Время – человек» является одной из наиболее продуктивных в метафорической концептуализации времени.

Метафоры времени в художественном дискурсе служат инструментом передачи индивидуально-авторского восприятия темпоральности, трансформируя абстрактное понятие в чувственно переживаемый образ. Доказано, что одна и та же метафорическая модель времени может нести диаметрально противоположную оценочность в зависимости от контекста. Так, антропоморфная модель «Время работает» имеет позитивную коннотацию, тогда как «рука времени» имеет резко негативную оценку. Это указывает на то, что валентность концептуальной метафоры времени определяется не ее структурой, а конкретным пропозициональным содержанием и коммуникативной интенцией автора в художественном дискурсе.

Доказана эффективность корпусного подхода. Анализ большого массива данных позволил не только верифицировать частотность узуальных моделей, но и выявить уникальные авторские окказиональные метафоры времени в художественном дискурсе. Применение корпусного подхода для верификации частотности употребления выделенных метафор повысило объективность

и репрезентативность проведенного исследования, что способствовало выявлению особенностей функционирования метафорических моделей времени в художественном дискурсе.

Результаты, изложенные в статье, могут служить основой для дальнейших корпусных исследований метафоры времени с привлечением параллельных корпусов языков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грушевская Т. М. Метафорическое воплощение профессионального риска и ответственности в романах Артура Хейли / Т. М. Грушевская, А. М. Данилец // Вестник Московского государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 6 (900). С. 50–57.
2. Сахарова Е. А. Изобразительно-выразительный потенциал когнитивной метафоры (на материале художественной прозы Д. Рубиной): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2015.
3. Lakoff G et al. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1989.
4. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. М. Джонсон. М.: Едиториал УРСС, 2004.
5. Арутюнова Н. Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 51–61.
6. Заботкина В. И. Концептуальные метафоры христианской модели времени в английском языке / В. И. Заботкина, М. Н. Коннова // Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка / под общ. ред. В. И. Заботкиной. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 140–148.
7. Плунгян В. А. Время и времена: к вопросу о категории числа // Логический анализ языка: язык и время. М.: Индрик, 1997. С. 158–169.
8. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2 (16). С. 7–20.
9. Красикова Е. А. Роль корпусного менеджера в анализе употребления имен собственных в текстах электронных СМИ (на примере англоязычного корпуса CNN) // Филологические науки в XXI веке: актуальность, многополярность, перспективы развития: сборник научных трудов. Краснодар: КубГУ, 2024. С. 45–49.
10. Горожанов А. И. Получение значимых данных из неподготовленного текста путем его автоматической обработки авторскими лингвистическими инструментами (на материале электронных китайских СМИ) / А. И. Горожанов, Е. А. Красикова // Вопросы прикладной лингвистики. 2024. № 54. С. 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05.
11. Горожанов А. И. и др. Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смук и Малыш») / А. И. Горожанов, И. А. Гусейнова, Д. В. Степанова // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022. № 4 (119). С. 7–13.
12. Будаев Э. В. Метафора в политической коммуникации: монография / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. М.: Флинта: Наука, 2008.
13. Баранов А. Н. Предисловие редактора // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 7–21.
14. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2003.
15. Бредихин С. Н. Трансляционные возможности символа и языковой игры: интерпретативное смыслопорождение // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. № 6 (39). С. 167–170.

REFERENCES

1. Grushevskaya, T. M., Danilets, A. M. (2025). The metaphorical embodiment of professional risk and responsibility in the novels by Arthur Haley. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(900), 50–57. (In Russ.)
2. Sakharova, E. A. (2015). *Izobrazitel'no-vyrazitel'nyj potencial kognitivnoj metafory (na materiale khudozhestvennoj prozy D. Rubinoj) = The figurative and expressive potential of cognitive metaphor (based on the fiction of D. Rubina): abstract of PhD thesis in Philology. Belgorod.* (In Russ.)

3. Lakoff, G., Johnson, M. (1989). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
4. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
5. Arutyunova, N. D. (1997). *Vremya: modeli i metafory = Time: Models and metaphors*. In *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk i vremya* (pp. 51–61). Moscow: Indrik. (In Russ.)
6. Zabolotkina, V. I., Konnova, M. N. (2012). *Kontseptual'nye metafory khristianskoj modeli vremeni v anglijskom yazyke = Conceptual metaphors of the Christian model of time in the English language*. In *Russia: The changing image of time through the prism of language* (pp. 140–148). Moscow: Pamyatniki Drevney Rusi. (In Russ.)
7. Plungyan, V. A. (1997). *Vremya i vremena: k voprosu o kategorii chisla = Time and times: On the issue of the category of number*. In *Logicheskiy analiz yazyka: Yazyk i vremya* (pp. 158–169). Moscow: Indrik. (In Russ.)
8. Plungyan, V. A. (2008). *The corpus as a tool and as an ideology: On some lessons of modern corpus linguistics*. *Russian Language in Scientific Coverage*, (2)16, 7–20. (In Russ.)
9. Krasikova, E. A. (2024). *The role of the corpus manager in analyzing the use of proper names in electronic media texts (on the material of the English-speaking CNN corpus)*. In *Philological sciences in the 21st century: relevance, multipolarity, development prospects: collection of scientific works* (pp. 45–49). Krasnodar: Kuban State University. (In Russ.)
10. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). *Obtaining meaningful data from an unprepared text by automatically processing with author's linguistic tools (based on the material of electronic Chinese media)*. *Issues of Applied Linguistics*, 54, 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05. (In Russ.)
11. Gorozhanov, A. I., Guseinova, I. A., Stepanova, D. V. (2022). *Standardized procedure for obtaining statistical parameters of a text (on the material of the stories by J. London "Smoke Bellew. Smoke and Shorty")*. *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology*, 4(119), 7–13. (In Russ.)
12. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2008). *Metafora v politicheskoy kommunikatsii = Metaphor in political communication*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.)
13. Baranov, A. N. (2004). *Predislovie redaktora = Editor's preface*. In G. Lakoff, M. Johnson. *Metafory, kotorymi my zhivem = Metaphors we live by*. (pp. 7–21). Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
14. Chudinov, A. P. (2003). *Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii = Metaphorical mosaic in modern political communication*. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
15. Bredikhin, S. N. (2013). *Translyatsionnye vozmozhnosti simvola i yazykovoy igry: interpretativnoe smyslopороzhdienie = Symbolic and language game translation possibilities: interpretative sense derivation*. *Newsletter of North-Caucasus Federal University*, 6(39), 167–170. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Мария Александровна

преподаватель кафедры иностранных языков
Армавирского педагогического университета

Хачмафова Зайнета Руслановна

доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой французской и немецкой филологии
Адыгейского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alekseeva Maria Alexandrovna

Lecturer at the Department of Foreign Languages
Armavir State Pedagogical University

Khachmafova Zaineta Ruslanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Head of the Department of French and German Philology
Adyghe State University

Статья поступила в редакцию	16.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	13.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Проявление процесса диалектного сращивания в речи коренных британцев – жителей юго-востока Англии

М. В. Безбородова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mvb87@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается влияние процесса диалектного сращивания на речь молодых образованных жителей юго-востока Англии. По мнению британских лингвистов, данный процесс находит свое отражение в лингвистической картине лондонского региона. Цель исследования состоит в определении динамики процесса интеграции черт мультикультурного лондонского английского в речь образованных британцев. Было проведено экспериментально-фонетическое исследование (методом сравнительно-сопоставительного анализа), доказывающее незначительное влияние процесса диалектного сращивания на материале аудиофрагментов речи британских актеров (28–32 лет), проживающих на юго-востоке Англии.

Ключевые слова: мультикультурный лондонский английский, эстуарный английский, британский произносительный стандарт, диалектное сращивание, диалектное выравнивание, диалектная аккомодация, кокни, молодые британцы, юго-восточный регион Англии

Для цитирования: Безбородова М. В. Проявление процесса диалектного сращивания в речи коренных британцев – жителей юго-востока Англии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 27–34.

Original article

Exploring the Evaluation of Dialect Mixing on the Speech of Native Britons in the South-East of England

Maria V. Bezborodova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mvb87@rambler.ru*

Abstract. The article explores the influence of the process of dialect mixing on the speech of educated young Britons from the South-East of England. According to British linguists, this process is reflected in the linguistic landscape of the London region. The aim of the present paper is to determine the dynamics of the integration of Multicultural London English features into the speech of educated Britons. An experimental phonetic study (using a comparative analysis method) was conducted, providing the minor influence of the dialect mixing process. The study was based on the analysis of audio samples of the speech of British actors (aged 28–32) residing in the South-East of England.

Keywords: Multicultural London English, Estuary English, Received Pronunciation, dialect mixing, dialect leveling, dialect accommodation, Cockney, young Britons, South-East of England

For citation: Bezborodova, M. V. (2026). Exploring the evaluation of dialect mixing on the speech of native Britons in the South-East of England. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities 1(907), 27–34. (In Russ.)

Введение

Современные лингвистические источники свидетельствуют о том, что в последнее время речь англичан, в особенности жителей юго-востока Англии, характеризуется высокой степенью произносительной вариативности. Основными факторами данного процесса являются не только сосуществование и взаимовлияние большого числа родных акцентов и диалектов английского языка, но и многолетняя иммиграция представителей различных этнических групп. Их совокупное воздействие вызывает активные дискуссии как в научно-лингвистических кругах, так и в средствах массовой информации.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью изучения динамических процессов трансформации британского произносительного стандарта в условиях интенсивных междиалектных, межъязыковых и межэтнических контактов [Gerwin, 2022; Cheshire, 2023]. Возникающее в результате вышеупомянутых контактов диалектное сращивание (смешение) приводит к диалектному выравниванию, аккомодации и возникновению новых произносительных форм, в отдельных случаях и новых произносительных вариантов.

Ярким примером явления диалектного сращивания можно считать образовавшийся примерно 50 лет назад в рабочих и мультинациональных районах юго-востока Англии мультикультурный лондонский английский (*англ.* Multicultural London English – *MLE*¹). Данный произносительный вариант до сих пор подвержен процессу вариативности в силу не снижающегося роста иммиграции и поэтому не теряет свою актуальность [Kerswill, 2021].

В данной работе впервые рассматривается явление диалектного сращивания не как «горизонтального» смешения диалектов, а как «вертикального» воздействия мультикультурного лондонского английского на стандартный произносительный вариант.

Теоретической основой данного исследования служит комплекс работ по социолингвистике, диалектологии и лингвистической вариативности, в частности концепция мультикультурного лондонского английского как нового произносительного варианта, сформированного в условиях интенсивных языковых контактов [Kerswill, 2015; Cheshire, 2023], рассмотрение языковых особенностей как социально значимых маркеров идентичности [Trudgill, 2018; Gerwin, 2022], методология теории социальных сетей как источника вариативности и диффузии произносительных инноваций [Kerswill, 2021; Armstrong, 2013].

¹В рамках данной статьи используются английские аббревиатуры, принятые в научной литературе.

В рамках настоящего исследования были поставлены задачи описать роль и влияние процесса диалектного сращивания на формирование лингвистической картины юго-востока Англии, выявить и систематизировать фонетические особенности мультикультурного лондонского английского, присутствующие в речи молодых образованных британцев, и на основе полученных данных оценить потенциальное влияние процесса диалектного сращивания на дальнейшую эволюцию стандартного произносительного варианта.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения его результатов в сферах образования и в ИТ-индустрии (для улучшения систем обработки естественного языка, работающих с речевой вариативностью).

Диалектное выравнивание и аккомодация

По мнению известного британского социолингвиста П. Траджилл, процесс диалектного выравнивания, подразумевающий постепенное исчезновение различий между произносительными вариантами английского языка, возможен в том случае, когда количество иммигрантов, проживающих в пределах рассматриваемого региона, достигает 50 процентов (как это произошло в случае с Лондоном и его окрестностями). Различные диалектные модифицированные формы начинают находить отражение в речи носителей английского языка в силу того, что им приходится общаться и достигать понимания с представителями других этнических сообществ [Trudgill, 2018].

Другая особенность, подтверждающая детерминированную природу диалектного выравнивания – это упрощение исконных произносительных форм. Примером может служить использование безударных вариантов определенного и неопределенного артиклей /ə/ и /ðə/ перед словами, начинающимися как с гласного звука, так и с согласного, например: *a* [ə] *alley*, *the* [ðə] *apple*. Данная произносительная особенность изначально характеризовала только речь представителей различных этнических групп, как детей, так и взрослых, проживающих в Великобритании, и в настоящее время всё чаще наблюдается и в речи коренных англичан [Cheshire, 2023].

Ученые полагают, что дети играют немаловажную роль в процессе диалектного выравнивания. Они подсознательно реагируют на появление новых произносительных вариантов в речи взрослых, одновременно развивая свои собственные произносительные модели в процессе

общения с представителями своей возрастной группы [Armstrong, 2013].

Можно также отметить ключевую роль в процессе диалектного выравнивания и другого фонетического процесса – аккомодации, являющегося результатом диалектного сращивания в ходе формирования новых диалектов. Это объясняется в первую очередь естественной особенностью детей повторять за своими друзьями, братьями или сестрами. Примером данного процесса может служить использование оттянутого назад варианта звука /k/ в позиции перед ударными гласными низкого подъема, например, *cut, caught* [Fox, 2018]. Трудно представить объяснение появлению подобной реализации согласного /k/, поскольку она не характерна ни для одного традиционного диалекта английского языка. Также в речи представителей других этнических групп наблюдается вариант произнесения увулярной остановки /q/, распространение которого в настоящее время среди молодых англоговорящих носителей указывает на проявление процесса аккомодации [Cheshire, 2023].

Мультикультурный лондонский английский

По мнению британских лингвистов *MLE* (мультиэтнолект), рассматриваемый как пример диалектного сращивания, является результатом естественного развития языка. Растущая популярность данного произносительного варианта указывает на положительную динамику в процессе интеграции английского языка в мультиэтнические районы Лондона, но не оказывает существенного влияния на произношение молодого образованного населения [Trudgill, 2018].

Мультиэтнолект, неофициально носящий название «афайканский», или «псевдоямайский» (подразумевая, что он был создан искусственно), представляет собой смешение вкраплений из лондонского диалекта кокни, южноазиатских языков, афроамериканского английского и языков Карибского бассейна (Ямайки, Тринидад, Тобаго и др.) в результате растущего наплыва иммигрантов в конце XX века. Сочетание высокого уровня бедности и практически полное отсутствие жилищной сегрегации привело к образованию районов, населенных представителями различных этнических групп низкого социально-экономического статуса.

В первой декаде XXI века британским лингвистом П. Керсвиллом было проведено два масштабных исследования речи жителей города Хакни (восточная часть Лондонского региона) – как британцев – представителей рабочего класса, так и представителей различных этнических групп и культур

[English as a contact language, 2013]. Первый проект, запущенный в 2004–2007 годах под названием «Лингвистические новаторы», был направлен на проведение сравнительного анализа черт речи 49 молодых людей – представителей рабочего класса в возрасте от 16 до 19 лет, и речи 8 носителей традиционного лондонского диалекта в возрасте 70 лет. Молодые люди были условно поделены на 2 группы – англичане (Anglos) и иммигранты (non-Anglos).

В 2007–2010 годах как продолжение первого был реализован второй проект под названием «Мультикультурный лондонский английский». Исследование проводилось на материале речи 120 жителей пригородов Лондона – как англичан, так и иммигрантов – представителей шести возрастных групп (4–5 лет, 8–9 лет, 12–13 лет, 16–19 лет, 25 лет и старше 40 лет). В данном случае исследователь также не разделял иммигрантов согласно их этнической принадлежности. Представляется очевидным, что единственным языком общения иммигрантов друг с другом и коренными британцами являлся английский, использовать который многие начинали с раннего возраста, еще в детском саду. В результате отсутствия произносительной модели и необходимости придерживаться правил и стандарта возникает большое количество вариантов, для которых характерна высокая степень подвижности лингвистической нормы [там же]. Появляющиеся, так называемые, промежуточные, межъязыковые варианты, понятные представителям различных этнических групп, нестабильны, проходят естественные процессы упрощения, выравнивания и аккомодации [Kircher, 2019].

Анализ результатов данных двух проведенных исследований показал, что процесс становления *MLE* неокончательный, так как уровень иммиграции растет. Вследствие этого данный мультиэтнолект нельзя считать сформированным вариантом в силу подверженности появляющихся новых произносительных форм бесконечному процессу вариативности. По мнению британских лингвистов, *MLE* следует рассматривать как промежуточный вариант процесса диалектного сращивания [Kerswill, 2021].

Мультиэтнолекты юго-востока Англии как угроза коренным британским акцентам

Ученые отмечают, что в настоящее время речь большинства жителей рабочих районов Лондона, для которых характерно большое разнообразие различных этнических и социальных групп, по звуковому рисунку напоминает произносительный вариант *MLE* [Gerwin, 2022].

Однако, несмотря на непрерывный рост численности иммигрантов, юго-восток Англии продолжает традиционно ассоциироваться у коренных британцев с речью представителей высшего и среднего классов, а возникновение и растущая популярность *MLE* вызывает общественное недовольство, рост антииммиграционных настроений и даже панику, поскольку рассматривается как угроза ценностям и нормам британского стандарта английского языка.

Известно, что акцент представителей рабочего класса всегда считался стигматизированным в британском обществе. Вследствие этого можно предположить, что основной причиной негативного отношения к *MLE* является то, что его носители, среди которых насчитывается большое число темнокожих выходцев с Ямайки, в еще большей степени ассоциируются с криминалом, высоким уровнем преступности и прочими проблемами маргинальных слоев общества. Социолингвист П. Керсвилл полагает, что данное мнение является скорее результатом предубеждений в силу недостатка статистики и научных доказательств [Kerswill, 2015].

Несмотря на то, что некоторые ученые рассматривают процесс диалектного сращивания с положительной точки зрения – как попытку сплотить представителей различных этнических групп, проживающих на территории Лондона, коренные британцы уверены в том, что афайканский способен постепенно вытеснить даже кокни, тем самым угрожая в значительной степени нарушить традиционную лингвистическую систему Великобритании.

Проведенные П. Траджиллом исследования речи иммигрантов и коренных британцев г. Хакни в рамках двух проектов (2004–2007 и 2007–2010) показали, что примером диалектного сращивания может служить тенденция к сужению скольжения или монофтонгизации дифтонгов /ei, ai, au/, зафиксированные в речи выходцев из стран Карибского бассейна, Восточной Африки и Индии. В настоящее время подобная реализация дифтонгов отмечается в речи большинства носителей *MLE*. Число коренных британцев в г. Хакни невелико, соответственно традиционный лондонский вариант реализации данных дифтонгов со временем будет утрачен [Trudgill, 2018].

Исследование речи жителей лондонского округа в Тауэр-Хамлетс, проведенное в 2011 году, свидетельствует о том, что белые подростки-англичане перенимают черты речи этнических меньшинств. Под влиянием речи иммигрантов происходящее диалектное сращивание приводит к исчезновению экстремально модифицированных произносительных форм. Впоследствии появились новые варианты (в основном в системе гласных), которые находят свое отражение в речи белых подростков

на юго-востоке Англии. Например, подростки, как из Бангладеш, так и из семей коренных англичан, теперь используют новый, возникший в результате диалектного сращивания, произносительный вариант дифтонгов /ei/ и /ai/.

Нельзя не учитывать роль средств массовой информации в формировании общественного мнения к *MLE*. В августе 2011 года прошли печально известные лондонские беспорядки, произошедшие в районах Хакни, Уолтемстоу, Пэкхем, Энфилд и Кройдон. Причиной волнений стали появившиеся в интернете сообщения, содержащие самые узнаваемые и стигматизированные черты *MLE* в пренебрежительном контексте. Диктор одной из вечерних программ канала BBC сравнил в прямом эфире распространение нового мультиэтнлекта с вторжением иммигрантов с Ямайки в Англию [Gerwin, 2022].

Очевидно, что средства массовой информации способствуют формированию негативного общественного мнения о *MLE*. В действительности, по мнению лингвистов, данный произносительный вариант содержит не только набор особенностей ямайского языка и языков стран Карибского бассейна, но и множество черт кокни и других стигматизированных лондонских диалектов. Зачастую источником возникновения некоторых черт *MLE* становится речь не столько мультинациональных этнических меньшинств, сколько молодых представителей рабочего класса, проживающих в лондонском регионе. Ярким примером может служить употребление формы *innit* (производное от *isn't*), имитирующую вторую часть разделительного вопроса. Изначально считалось, что данная произносительная особенность характерна исключительно для речи молодых женщин родом с Ямайки. Быстрое распространение среди молодых белых представителей рабочего класса делает данную черту одной из самых узнаваемых черт нестандартного лондонского диалекта [Ryfa, 2013].

К особенностям, связывающим *MLE* с самым известным диалектом рабочего класса Лондона – кокни, можно отнести следующие черты:

- экстремальное продвижение вперед монофтонга /u:/;
- монофтонг /æ/ оттягивается назад и приобретает /a/-образный оттенок;
- монофтонг /ʌ/ оттягивается назад и приобретает /ɑ/-образный оттенок;
- продвинутая вперед реализация согласных [ð] и [θ] (*th-fronting*);
- продвинутая вперед реализация сочетания *-th-* как /t/ или /d/ (например, *thing* [tɪŋ], *this* [dɪs], *that* [dæt]).

Существует ряд особенностей *MLE*, заимствованных исключительно из речи проживающих

на территории лондонского региона этнических меньшинств:

- изменение звучания дифтонгов /eɪ/ и /əʊ/ за счет расширения их ядерных элементов: /eɪ/ → /æɪ/ и /əʊ/ → /ʌʊ/;
- заднеязычная реализация согласного /k/ в позиции перед открытыми гласными заднего ряда: /k/ → /q/;
- произнесение согласного /h/ во всех положениях, включая слабые формы служебных слов (например, в слове *him*);
- силлабо-тонический ритм;
- монофтонгизация дифтонгов /aɪ/ и /aʊ/ [Ryfa, 2013; Fox, 2018].

Известно, что *MLE* не является единственным стигматизированным произносительным вариантом юго-востока Англии. В исследованиях предыдущих лет неоднократно упоминалось о распространенности другого нестандартного акцента – эстуарного английского (*Estuary English – EE*).

По мнению социолингвиста П. Керсвилла, *EE* является примером разрушения стандарта и проявлением неряшливости в речи. Популярность *EE* среди коренных лондонцев – представителей рабочего и нижнего среднего классов также можно назвать своеобразным проявлением современного процесса диалектного сращивания (сочетание черт стандартного английского и кокни).

Что касается произносительных особенностей, относящихся к *EE*, выделяют следующие черты:

- дифтонгизация безударного конечного /i/ в /əi/ или его замена долгим, напряженным /i:/ в двусложных словах типа *city*, *dirty* (*happy-tensing*);
- трансформация ядер дифтонгов /eɪ/, /aɪ/ и /əʊ/ в /ʌɪ/, /aɪ/ и /ʌʊ/ и их частичная монофтонгизация (*diphthong shift*);
- вокализация согласного /l/ в конечной позиции слов перед согласными (*l-vocalisation*);
- аффрикатизация сочетаний /tj/ и /dj/ (их превращение в палатально-альвеолярные аффрикаты /tʃ/ и /dʒ/);
- использование гортанной смычки /ʔ/ на конце слов или перед согласными [Ryfa, 2013; Gerwin, 2022].

Экспериментально-фонетическое исследование

Проведенное нами экспериментально-фонетическое исследование направлено на изучение влияния процесса диалектного сращивания на речь образованных британцев. Были проведены перцептивный и акустический виды анализа речи

носителей британского варианта английского языка – актеров британского детективного сериала компании BBC «Страйк. Чернильное сердце» (2017–2023) с целью выявления в речи говорящих черт *EE*, кокни и *MLE*.

В ходе предпринятого исследования нами были проанализированы аудиофрагменты речи четырех актеров: двух мужчин (Дэвид Крисанту и Керр Логан) и двух женщин (Холидей Грейнджер и Наташа О'Кифф), представляющих относительно гомогенную группу – представители среднего класса, в возрасте от 28 до 30 лет, родившиеся или с раннего возраста проживающие в Лондоне, имеющие высшее образование. Речь вышеупомянутых актеров была заимствована из сезона 1 (эпизоды с 1 по 5) и сезона 2 (эпизод 4). Выбранные аудиофрагменты представляют собой аутентичный материал: действие сериала разворачивается в Лондоне в реальном времени, поэтому произносительные черты самих артистов не подвергаются изменениям под влиянием сюжета сериала. Акцент актеров можно охарактеризовать как современный вариант стандартного британского английского.

Первым этапом эксперимента было проведение перцептивного анализа речи каждого информанта на выявление черт нестандартных акцентов лондонского региона с последующим сравнительно-сопоставительным исследованием результатов.

Итак, в речи всех актеров были выявлены следующие черты *EE*:

- замена безударного гласного /i/ в конечном положении долгим, напряженным /i:/ в двусложных словах (*Happy-tensing*);
- глоттализация согласного /t/ в конечном положении;
- ослабленное звучание скольжений, приводящее в отдельных случаях к монофтонгизации, дифтонгов /eɪ/ и /əʊ/.

Но единственной чертой, заимствованной из *MLE*, стало произнесение согласного /h/ в начальной позиции слабых форм служебных слов. Других произносительных особенностей нестандартных акцентов в речи наших информантов замечено не было.

Для получения максимально информативной картины влияния процесса диалектного сращивания на речь образованных жителей Лондона вторым этапом экспериментально-фонетического исследования стало проведение акустического (спектрального) анализа гласных (монофтонгов и дифтонгов) с использованием компьютерной программы PRAAT. Звучащий материал обрабатывался отдельно по каждому говорящему, все гласные в ударном положении были отсегментированы с целью

измерения параметров первых двух формантных частот (F1 и F2). Полученные показатели сравнивались с эталонными показателями, представленными лингвистом А. Краттенденом [Cruttenden, 2008]. В таблицах 1–3 показаны только случаи отклонения (усредненные значения полученных данных) от эталонных показателей (RP–2001) по монофтонгам и дифтонгам (табл. 1–3).

В ходе проведенного акустического анализа были зафиксированы некоторые черты нестандартных лондонских акцентов (в системе вокализма), что свидетельствует о проявлении процесса диалектного сращивания. В речи мужчин можно отметить более закрытую реализацию

монофтонга /ʊ/, приближенную по звучанию к звуку /ɔ/ (черта EE); ретардацию монофтонга /ʌ/ (черта кокни), монофтонгизацию и трансформацию ядра дифтонга /aʊ/ (черта MLE). В речи информантов-женщин была выявлена продвинутая вперед реализация /ʊ/ (черта EE) и ретардация (в меньшей, чем у мужчин степени) монофтонга /ʌ/ (черта кокни).

Следует отметить, что информанты – женщины всё также придерживаются более стандартного произношения, гласные и согласные звуки в их речи подвергаются меньшей степени модификации и являются фонетически более отчетливыми по сравнению с мужской речью.

Таблица 1

Усредненные показатели частотных характеристик монофтонгов в мужской и женской речи (в Гц)

Гласный	Форманты	Эталонный показатель (RP – 2001) для мужской речи	Мужская речь (усредненный показатель)	Отклонение от нормы	Эталонный показатель (RP – 2001) для женской речи	Женская речь (усредненный показатель)	Отклонение от нормы
/ʊ/	F1	414	420	6	414	460	46
	F2	1051	1060	9	1203	1325	122
/ʌ/	F1	695	663	-32	813	820	7
	F2	1224	864	-360	1422	1282	-140
/ɒ/	F1	593	551	-41	602	595	-7
	F2	866	962	96	994	1006	12

Таблица 2

Усредненные показатели частотных характеристик дифтонгов в мужской речи (в Гц)

Гласный	Первый компонент (ядро) форманты	Эталонный показатель (RP – 2001)	Усредненный показатель	Отклонение от нормы	Второй компонент (скольжение) форманты	Эталонный показатель (RP – 2001)	Усредненный показатель	Отклонение от нормы
/əʊ/	F1	537	574	37	F1	379	353	-26
	F2	1266	1215	-51	F2	1024	1038	14
/aʊ/	F1	780	605	-175	F1	372	207	-165
	F2	1368	1278	-90	F2	1074	920	-154

Таблица 3

Усредненные показатели частотных характеристик дифтонгов в женской речи (Гц)

Гласный	Первый компонент (ядро) форманты	Эталонный показатель (RP – 2001)	Усредненный показатель	Отклонение от нормы	Второй компонент (скольжение) форманты	Эталонный показатель (RP – 2001)	Усредненный показатель	Отклонение от нормы
/əʊ/	F1	545	538	-7	F1	380	273	-107
	F2	1573	1495	-78	F2	1267	1104	-163

Заключение

Итак, полученные результаты проведенных двух видов фонетического анализа позволяют сделать вывод о незначительном влиянии процесса диалектного сращивания на речь образованного населения юго-востока Англии. Обнаруженными чертами *MLE* стали произнесение согласного /h/ в начальной позиции слабых форм служебных слов, а также монофтонгизация и трансформация ядра дифтонга /aʊ/ (в речи мужчин). К обнаруженным чертам кокни можно отнести оттянутую назад реализацию монофтонга /ʌ/. Говоря о влиянии и степени распространения *EE*, можно заключить, что на настоящий момент лишь немногие черты нашли свое отражение и закрепились в речи молодых образованных британцев, а именно: *happy-tensing*, глоттализация согласного /t/ в конечном положении и монофтонгизация дифтонгов /eɪ/ и /əʊ/, более закрытая реализация монофтонга

/ɒ/ (в речи мужчин) и продвинутая вперед реализация /ʊ/ (в речи женщин).

Можно однозначно заключить, что процесс диалектного сращивания актуален, поскольку некоторые произносительные черты как иммигрантов – представителей этнических меньшинств, так и коренных лондонцев – представителей рабочего класса, находят отражения в речи британцев – представителей среднего класса, однако в незначительной степени. Молодые образованные носители британского варианта английского языка продолжают придерживаться современного стандартного произносительного варианта, тем самым сохраняя традиционную лингвистическую систему Великобритании.

Перспектива исследования видится в расширении сравнительной базы за счет включения данных из других мультикультурных мегаполисов для возможности построения общей теории формирования новых произносительных вариантов в условиях мультинациональных сообществ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Gerwin J. Studying enregisterment in the street community: The 'London talks' interviews // *Language Variation and Change in the South of England*, 22 April. Suffolk: University of Suffolk, 2022. Vol. 38 (4). P. 219–229.
2. Cheshire J. Multicultural London English and new dialect formation. *Roczniki Humanistyczne*. 2023. Vol. 71 (6). Special issue. P. 45–64.
3. Kerswill P. Tracing the origins of an urban youth vernacular: The Founder Principle and Multicultural London English / P. Kerswill, E. Torgersen // *Sociogrammatical variation and change: In honour of Jenny Cheshire* / Ed. by K. V. Beaman, I. Buchstaller, S. Fox, J. A. Walker. London: Routledge. 2021. P. 249–276.
4. Kerswill P. New dialects in a globalized world: Multicultural London English // *Englishes in a Multilingual World: New Dynamics of Variation, Contact and Change: 1st ISLE Spring School*. Friburg, 15–19 April. 2015.
5. Trudgill P. Tabula rasa new dialect formation: On the occasional irrelevance of language regard // *Language regard: Methods, variation and change* / Ed. by B. E. Evans, E. J. Benson, J. N. Stanford. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. P. 266–282.
6. Armstrong N. Levelling, resistance and divergence in the pronunciation of English and French / N. Armstrong, T. Pooley // *Language Sciences*. 2013. Vol. 39. P. 141–150.
7. Fox S. Language change and innovation in London: Multicultural London English / S. Fox, E. Torgersen // *Sociolinguistics in England* / Ed. by N. Braber, S. Jansen. Palgrave Macmillan, 2018. P. 189–213.
8. English as a contact language: The role of children and adolescents / P. Kerswill, J. Cheshire, S. Fox, E. Torgersen // *English as a contact language* / Ed. by M. Hundt, D. Schreier. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. P. 258–282.
9. Kircher R. Attitudes towards multicultural London English: Implications for attitude theory and language planning / R. Kircher, S. Fox // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2019. Vol. 40. P. 847–864.
10. Ryfa J. Englishes of London and the southeast of England // *World Englishes* / Ed. by T. Hopkins, J. McKenny. London: Bloomsbury Academic, 2013. Vol. 1. Chap. 2. P. 31–91.
11. Cruttenden A. *Gimson's Pronunciation of English*. 7th ed. London: Hodder Education, 2008.

REFERENCES

1. Gerwin, J. (2022). Studying enregisterment in the street community: The 'London talks' interviews. In *Language Variation and Change in the South of England* (pp. 219–229). Suffolk: University of Suffolk.
2. Cheshire, J. (2023). Multicultural London English and new dialect formation. *Roczniki Humanistyczne*, 71(6), 45–64.

3. Kerswill, P., Torgersen, E. (2021). Tracing the origins of an urban youth vernacular: The Founder Principle and Multicultural London English. In K. V. Beaman, I. Buchstaller, S. Fox, & J. A. Walker (Eds.), *Sociogrammatical variation and change: In honour of Jenny Cheshire* (pp. 249–276). London: Routledge.
4. Kerswill, P. (2015). New dialects in a globalized world: Multicultural London English. Plenary Paper given at 1st ISLE Spring School Englishes in a Multilingual World: New Dynamics of Variation, Contact and Change. Freiburg, 15–19 April 2015.
5. Trudgill, P. (2018). Tabula rasa new dialect formation: On the occasional irrelevance of language regard. In B. E. Evans, E. J. Benson, & J. N. Stanford (Eds.), *Language regard: Methods, variation and change* (pp. 266–282). Cambridge: Cambridge University Press.
6. Armstrong, N., Pooley, T. (2013). Levelling, resistance and divergence in the pronunciation of English and French. *Language Sciences*, 39, 141–150.
7. Fox, S., Torgersen, E. (2018). Language change and innovation in London: Multicultural London English. In N. Braber & S. Jansen (Eds.), *Sociolinguistics in England* (pp. 189–213). Palgrave Macmillan.
8. Kerswill, P., Cheshire, J., Fox, S., Torgersen, E. (2013). English as a contact language: The role of children and adolescents. In M. Hundt & D. Schreier (Eds.), *English as a contact language* (pp. 258–282). Cambridge: Cambridge University Press.
9. Kircher, R., Fox, S. (2019). Attitudes towards multicultural London English: Implications for attitude theory and language planning. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, 40, 847–864.
10. Ryfa, J. (2013). Englishes of London and the southeast of England. In *World Englishes*, edited by T. Hopkins and J. McKenny (vol. 1, chap. 2, pp. 31–91). London: Bloomsbury Academic.
11. Cruttenden, A. (2008). *Gimson's Pronunciation of English*. 7th ed. London: Hodder Education.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Безбородова Мария Валерьевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bezborodova Maria Valeryevna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Phonetics
English Language Faculty
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	18.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Распределение препозиции и постпозиции прилагательного в именных группах основных европейских языков: сопоставительный диахронический анализ

Р. Р. Гирфанов¹, Н. С. Тимофеев²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, rargirfanov@kpfu.ru

²Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, n.s.timofeev@utmn.ru

Аннотация. В статье представлен сопоставительный диахронический анализ распределения пре- и постпозиции прилагательного относительно существительного в именной группе на примере русского, английского и французского языков в XVIII–XXI вв. Исследование выполнено на материале частеречно размеченных биграмм корпуса Google Books. Цель – апробация корпусных методов для выявления и визуализации типологических различий. Для каждого языка извлечены последовательности *adjective + noun* и *noun + adjective*, данные агрегированы по десятилетиям и сопоставлены по нормированным долям. Результаты демонстрируют потенциал крупных книжных корпусов для количественных исследований синтаксиса и позволяют визуализировать и операционализировать гипотезы о межязыковых различиях в позиционировании прилагательного в структуре именной группы, а также о закономерностях позиционно обусловленной полисемии прилагательных.

Ключевые слова: N-граммы, имя прилагательное, именная группа, диахроническая динамика, корпусная лингвистика

Для цитирования: Гирфанов Р.Р. Распределение препозиции и постпозиции в именных группах основных европейских языков: сопоставительный диахронический анализ / Р. Р. Гирфанов, Н. С. Тимофеев // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 35–43.

Original article

Distribution of Prenominal and Postnominal Adjectives in Noun Phrases across Major European Languages: A Comparative Diachronic Analysis

Raian R. Girfanov¹, Nikita S. Timofeev²

¹Kazan Federal University, Kazan, Russia, rargirfanov@kpfu.ru

²University of Tyumen, Tyumen, Russia, n.s.timofeev@utmn.ru

Abstract. This study tracks diachronic change in adjective placement within the noun phrase in Russian, English, and French (18th–21st centuries) using part-of-speech tagged bigrams from the Google Books corpus. For each language, sequences *adjective + noun* and *noun + adjective* are extracted, counts by decade are aggregated, and normalized proportions are compared. The approach offers a transparent, reproducible way to detect and visualize typological contrasts in attributive word order. The findings underscore the value of large book corpora for quantitative syntax and help operationalize hypotheses about crosslinguistic differences in adjective placement and the regularities of positionally conditioned polysemy in adjectives.

Keywords: Google Ngrams, adjectives, noun phrase, diachronic dynamics, corpus linguistics

For citation: Girfanov, R. R., Timofeev, N. S. (2026). Distribution of prenominal and postnominal positions in noun phrases across the major European languages: a comparative diachronic analysis. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 35–43. (In Russ.)

Введение

Динамика семантико-синтаксических свойств прилагательных как объект диахронического анализа представляет существенную научную ценность, однако остается менее изученной по сравнению с подобной динамикой существительных, глаголов и иных частей речи. Это во многом связано с тем, что прилагательное, как правило, «само по себе не имеет денотации и соотносится с денотатами только посредством определяемого им существительного»¹, вследствие чего его частотные и дистрибутивные характеристики труднее изолировать и сопоставить.

Между тем применение количественных корпусных методов позволяет преодолеть эти ограничения и вывести описание адекватной системы на типологический уровень. Сопоставление нормированных частот именных групп с прилагательным в диахронии дает возможность реконструировать межъязыковые паттерны порядка внутри именной группы (препозиция / постпозиция) и степень их продуктивности, проследить внутриязыковые сдвиги, обусловленные жанровыми и стилевыми факторами, описать распределение семантических классов прилагательных и их позиционные предпочтения, проверить существующие теоретические положения о синтаксической роли прилагательных. Данное исследование уточняет типологические свойства сравниваемых языков, выявляет универсальные и специфические закономерности изменения атрибутивного синтаксиса и демонстрирует потенциал больших корпусных данных для количественного исследования прилагательных.

Актуальность настоящего исследования определяется востребованностью методов корпусной и компьютерной лингвистики для сопоставительного диахронического анализа препозиции и постпозиции прилагательного в русской, английской и французской языковых системах на материале больших корпусных данных для выявления как универсальных, так и специфических типологических тенденций изменения атрибутивного синтаксиса. Эффективность корпусных исследований к изучению адекватных коллокаций наглядно иллюстрирует работа Ю. В. Богоявленской и Д. А. Палийчук, которые на примере прилагательного *bleu* установили, что именно корпус позволяет показать его переносные значения, не отраженные в лексикографических источниках [Богоявленская, 2025]. Тренд на использование параллельных корпусов прослеживается в исследованиях синтаксических паттернов во французском и русском языке для

¹Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

сопоставления способов выражения причинности в двух языках [Матвеева, 2025].

Релевантность использования данных корпуса Google Books доказывается его подтвержденными возможностями обеспечить масштабность выборки, методологическую прозрачность, визуальную репрезентацию и интерпретируемость результатов об универсальных и частных направлениях динамики позиции прилагательного в трех сопоставляемых языках. Корпус Google Books активно используется при исследовании морфологии и синтаксиса. Последние исследования связаны с изучением вариативности аспектуальных аффиксов в русском языке, «благодаря появившимся сверхбольшим диахроническим корпусам текстов стало возможным детальное количественное описание процессов эволюции глагольных аффиксов» [Галеев, 2025]. В других исследованиях такие метрики, как *n*-граммы слов, средняя длина слова и предложения используются при сравнении стилистических характеристик для верификации авторов художественных текстов на русском, французском и английском языках [Lagutina, 2021].

Новизна исследования состоит в том, что впервые на материале больших корпусных данных уточняются и визуализируются типологические ожидания относительно позиции прилагательного в именной группе в английском, русском и французском языках. В то время как диахроническая динамика лексики изучается достаточно активно, синтаксические структуры, особенно высокочастотные паттерны, реже становятся предметом количественных исследований. Предложенный в данной работе компаративный подход, сопоставляющий три языка с различным типологическим строем, позволяет выявить как универсальные, так и уникальные траектории развития атрибутивной конструкции.

Практическая значимость исследования видится в возможности применения его результатов и методологии в преподавании теоретической грамматики сопоставляемых языков, в спецкурсах по корпусной и компьютерной лингвистике, а также в лексикографической практике при описании синтаксических и семантических особенностей прилагательных. Предложенный алгоритм анализа является воспроизводимым и может быть экстраполирован на другие языки и другие синтаксические конструкции.

В теоретическую базу исследования входят классические и современные научные труды. Во-первых, это отдельные исследования, посвященные системному изучению имени прилагательного и его позиции в именной группе [Кунакужина, 2005; Улитова, 2016]. В этих работах, однако,

обычно анализируется один язык, что в полной мере не позволяет показать картину диахронической динамики. *Во-вторых*, современные исследования в области прикладной корпусной лингвистики, ориентированные на диахронический анализ, демонстрирующие общие методологические преимущества применения больших корпусных данных к проверке и уточнению лингвистических гипотез. К таким преимуществам относятся операционализация наблюдений, их визуализация и воспроизводимость результатов [Соловьев, 2022]. Под операционализацией наблюдений понимается обеспечение способа их измерения и квантификации (сведения к количественным параметрам), при котором они поддаются опытной проверке¹. Эти исследования также показывают широкий спектр практических направлений применения: семантический поиск, извлечение информации и обучение нейросетей [Solovyev, 2022]. В частности, корпус Google Books Ngrams зарекомендовал себя как инструмент для выявления и описания динамики частотного (лексического) «ядра» языка [Shevlyakova, 2021], а также для исследования корреляций семантических сдвигов с социокультурными трансформациями [Solovyev, 2024]. В качестве исходных предпосылок принимаются классические положения о синтаксическом статусе и позиционной организации прилагательного в составе именной группы для русского, английского и французского языков. Так, в русском языке «в субстантивных словосочетаниях прилагательное предшествует существительному»². Во французском языке немаркированной считается постпозиция прилагательного: «основной позицией прилагательного как части речи в современном языке»³, причем «в постпозиции может быть любое прилагательное, тогда как в препозиции – только качественное <...> слово, находящееся в постпозиции, приобретает статус прилагательного»⁴. В английском языке прилагательное «обычно находится в препозиции по отношению к существительному, окказионально – в постпозиции»⁵, из чего вытекает способность английского сближаться по описываемому свойству с русским и французским языками. *В-четвертых*, теоретическую рамку работы

составляют современные исследования в области лингвистических факторов, влияющие на место прилагательного в именных группах европейских языков. В них упоминаются фонетический, исторический, синтаксический, стилистический и лексико-семантический [Куртжемиль, 2020]. Упомянутая выше позиционность прилагательного относительно существительного сохраняется в большинстве употреблений, однако «бывают исключения и случаи, когда в силу какого-либо фактора, положение прилагательного меняется» [там же, с. 91].

Таким образом, немаркированная позиция прилагательного различается типологически: для французского характерна постпозиция, для русского и английского – препозиция. Эти положения трактуются как нормативные обобщения и служат отправной точкой для дальнейшей корпусной проверки и интерпретации.

Материалом исследования частотности паттернов *adj + noun* и *noun + adj* послужил корпус Google Books, созданный на основе оцифровки около 30 млн книг крупнейших библиотек мира, на его базе с 2009 года функционирует общедоступный Google Books Ngram (n-граммы длиной <6> с многоязычными подкорпусами – английским (включая британский, американский и художественную литературу), немецким, французским, русским, испанским, итальянским, ивритом и китайским – и тремя версиями (2009, 2012, 2019) с улучшенными OCR и метаданными. В третьей версии англоязычный подкорпус превышает 2 трлн токенов, русскоязычный – 90 млрд (примерно в 60 раз больше, чем НКРЯ). Диахронический корпус охватывает 1470–2019 годы и снабжен частеречной разметкой. Это крупнейший в мире диахронический размеченный корпус (big data / long data), свободно скачиваемый для последующей обработки; веб-интерфейс Ngram визуализирует годовые частотные профили n-грамм⁶. Однако у данного корпуса обнаруживается недостаток, который может повлиять на верифицируемость полученных данных: отсутствие снятия омонимии [Борзенко, 2024]. Для нашего исследования этот недостаток не является релевантным.

В задачи настоящего исследования входит:

- 1) выявление и количественное описание распределения прилагательных в препозиции и постпозиции в русском, английском и французском языках, что достигается посредством автоматического извлечения биграмм *adj + noun* и *noun + adj*, их нормализации и последующего

¹Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. М.: Экономика, 2004.

²Ковтунова И. И. Порядок слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 2. С. 198.

³Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000, с. 109.

⁴Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000.

⁵Блох М. Я. Теоретическая грамматика английского языка: учебник для студентов филологических факультетов университетов и факультетов английского языка педвузов. М.: Высшая школа, 1983.

⁶Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/> (дата обращения: 20.08.2025).

- частотного анализа с визуализацией временных рядов;
- 2) сопоставление нормированных частот в диахронической перспективе, которое достигается через кластеризацию данных по десятилетиям;
  - 3) описание позиционных предпочтений основных семантических классов прилагательных, для чего использована ручная верификация;
  - 4) проверка теоретических положений о позиционности прилагательных, которая выполняется с использованием сопоставительного корпусного анализа.

Результаты исследования

Результат анализа динамики паттернов *adj + noun* и *noun + adj* в английском, русском и французском языках представлен на рисунке 1. Основные выводы, которые можно сделать исходя из полученных данных, изложены ниже.

Динамика позиции прилагательного в английском языке

Начиная как минимум с XVIII века, доля именных групп *adj + noun* в английском языке становится чрезвычайно высокой и статистически стабильной, примерно 95–97 %. На протяжении последующих трех столетий динамика минимальна: фиксируется лишь слабый рост показателя в середине XIX века, после чего к концу XX века распределение вновь

стабилизируется около 96 %. Эти данные свидетельствуют о нормативной фиксации препозиции прилагательного в именной группе английского языка; препозиция выступает базовой синтаксической нормой, устойчиво воспроизводимой в разных регистрах и периодах. Одна из причин указанной стабильности, вероятно, обусловлена жесткой фиксацией порядка слов, сформировавшейся на фоне утраты падежной парадигмы и общего ослабления синтетизма в английском (в противоположность древнеанглийскому периоду) [Vaugh, 2002]. В таких условиях модель *adj + noun* становится наиболее предпочтительным и узуальным вариантом, что и обеспечивает наблюдаемую диахроническую инвариантность.

Согласно полученным корпусным данным (см. рис. 1), в начале XVIII века доля *adj + noun* достигает 74–75 %. В последующие десятилетия распределение демонстрирует сопоставимую устойчивость: данный показатель колеблется в промежутке 65–71 %. Эти данные позволяют квалифицировать атрибутивную функцию прилагательных как смешанную систему порядка слов: прилагательное в большинстве случаев занимает препозицию, однако структура *noun + adj* сохраняет устойчивое присутствие в пределах оставшихся 25–26 % (см. рис. 2).

Динамика позиции прилагательного в русском языке

Именная группа с прилагательным в русском языке с точки зрения диахронии характеризуется

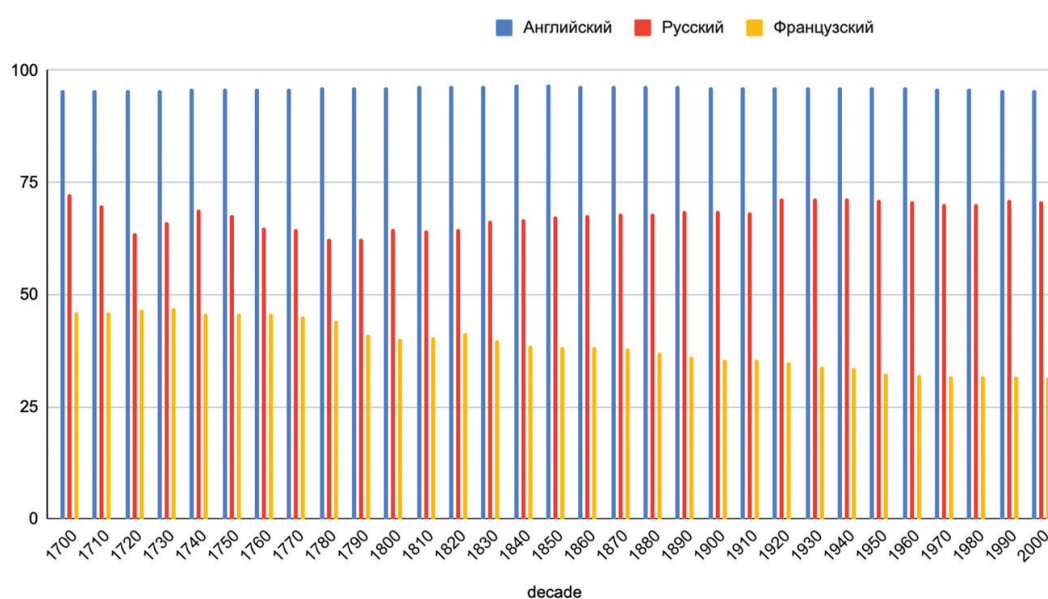

Рис. 1. Доля биграмм *adj + noun* в распределении *adj + noun / noun + adj*, %

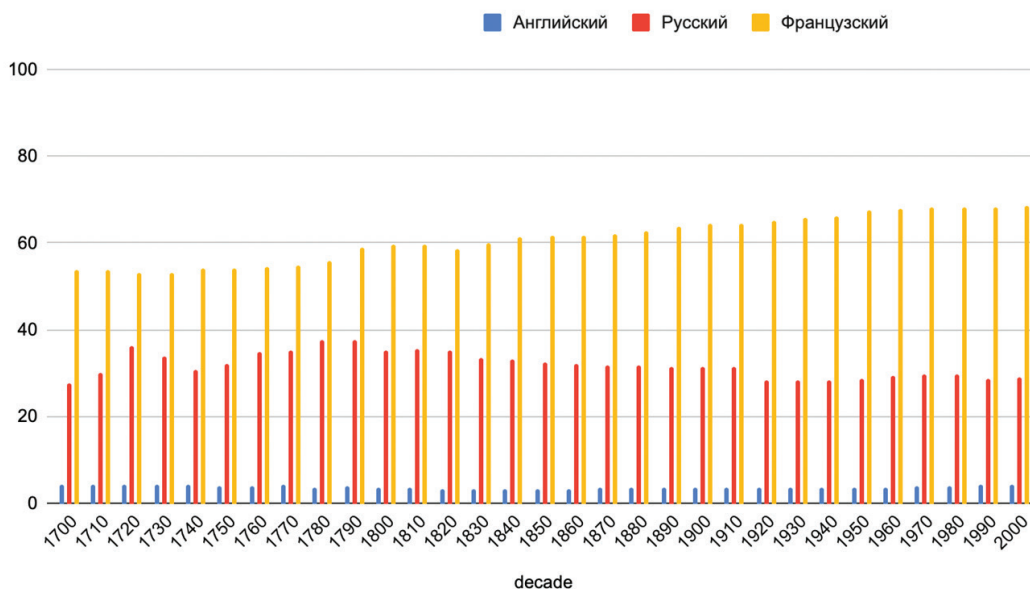

Рис. 2. Доля биграмм *noun + adj* в распределении *adj + noun / noun + adj*, %

стабильным балансом (см. рис. 1): преобладающая препозиция прилагательного сочетается с регулярной постпозицией, а сам порядок слов остается чувствительным к грамматическим и коммуникативным факторам¹. Отметим, что конкретные величины зависят от контекстуальной обусловленности паттернов *adj + noun / noun + adj* в корпусе Google Books (включение / исключение причастных оборотов, относительных / оценочных прилагательных, множественной атрибуции и жанровой стратификации корпуса), однако общая картина смешанной системы и ее стабильности сохраняется.

Данная вариативность напрямую соотносится с морфологическим строем русского языка: развитая падежная парадигма и формальное согласование прилагательного с вершиной именной группы снимают необходимость жесткой линейной фиксации². Наряду с грамматическими параметрами заметную роль играют дискурсивно-прагматические и жанрово-стилистические детерминанты (актуальное членение, фокус / контраст, структурная сложность прилагательного, ритмико-поэтические и канцелярско-деловые нормы), что поддерживает стабильную конкуренцию конструкций *adj + noun* и *noun + adj*.

В сопоставительном плане представляется обоснованным увязывать контраст с английским: там с XVIII века доля *adj + noun* стабильно держится на уровне около 95–97%. В русском, напротив, сохранение флективности и согласования прилагательного и существительного снижает давление на линейный

порядок внутри именной группы, обеспечивая смешанную реализацию атрибутивного порядка.

Динамика позиции прилагательного во французском языке

Французский язык демонстрирует наиболее выраженные диахронические сдвиги в именных группах с прилагательным. В XVI–XVII веках распределение позиционных вариантов было близко к сбалансированному: доля конструкций типа *adj + noun* составляла около 47–50%, что указывает на вариативность двух паттернов линейной организации именной группы (см. рис. 1). Начиная с XVIII века фиксируется устойчивый направленный сдвиг в пользу постпозиции: доля препозиции последовательно снижается: в XIX веке конструкция *adj + noun* охватывает уже около 40% употреблений, а к концу XX века показатель падает до 31–32%. Иными словами, за четыре столетия французский проходит путь от относительно равновесия к явному доминированию модели *noun + adj* (см. рис. 2): сдвиг носит системный характер и может квалифицироваться как перестройка синтаксической нормы.

Данная динамика согласуется с сочетанием нескольких факторов: семантическая специализация позиционных вариантов; жанрово-стилистический сдвиг корпуса Нового и Новейшего времени (рост доли научно-технических и административно-деловых текстов), количественно увеличивающий класс прилагательных, для которых предпочтительна постпозиция [Будагов, 1967];

¹Ковтунова И. И. Порядок слов. под ред. Н. Ю. Шведовой. Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 2.

нормативная кодификация классического французского, закрепляющая постпозицию как немаркированный вариант [Виноградов, 1967]. Совокупное действие этих факторов создает устойчивое давление в пользу постпозиции при сохранении продуктивности препозиции в ограниченных лексико-семантических классах.

Отметим, что точные величины чувствительны к операционализации. Однако вне зависимости от этих параметров негативная динамика доли *adj + noun* представляется стабильной и реплицируемой, что позволяет говорить о диахронически закреплённой нормализации постпозиции в современном французском. В сопоставительном плане это резко контрастирует с английским (жёсткая фиксация препозиции) и русским (устойчиво смешанная система).

Полисемантические биграммы во французском языке

Французский язык демонстрирует уникальное типологическое явление с точки зрения синтаксиса, а именно: позиционную полисемию прилагательных в зависимости от нахождения в

препозиции или в постпозиции относительно одной и той же вершины именной фразы [Балли, 2001].

Далее нами будет проведен анализ динамики таких биграмм, как *собственное имя* (название) / лингвистический термин *имя собственное*: *ancien ami / ami ancien* (*бывший друг / старый друг*); *propre nom / nom propre*; *grand homme / homme grand* (*великий человек / человек высокого роста*). Результаты представлены на рисунках 3–5.

В примере с *ancien ami / ami ancien* препозиция радикально преобладает (см. рис. 3): *ancien ami* существенно выше *ami ancien*. Видны волнообразные подъемы на рубеже XVIII–XIX веков и в 1820–1830-е годы, затем наблюдается долгосрочное снижение на протяжении всего XX века, в то время как постпозиция остается маргинальной в течение всего исследуемого периода. Полисемию здесь особенно эмпирически наблюдаема: *ancien* в препозиции = *бывший*, в постпозиции = *старый / старинный*. Снижение частотности *ancien ami* в XX веке не сопровождается встречным ростом *ami ancien*: речь идет о стилистической динамике самого корпуса Google Books (уменьшение доли эпистолярной и мемуарной прозы, где формула

Рис. 3. Распределение и частотность *ancien ami / ami ancien*

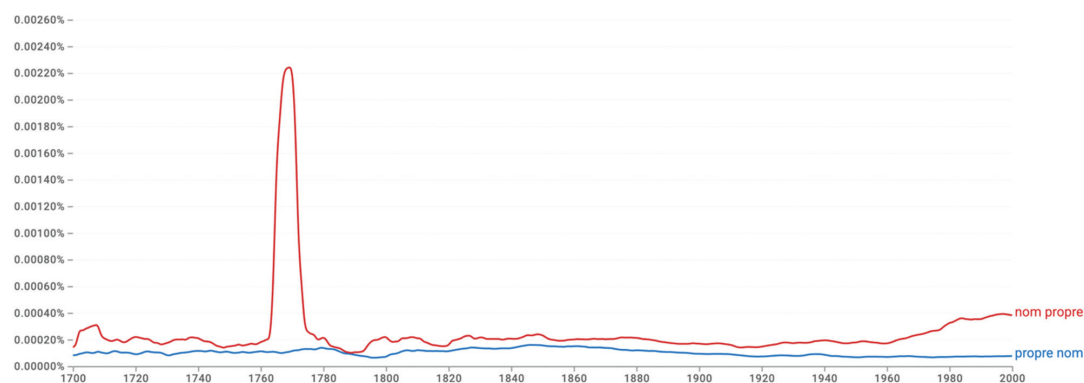

Рис. 4. Распределение и частотность *propre nom / nom propre*

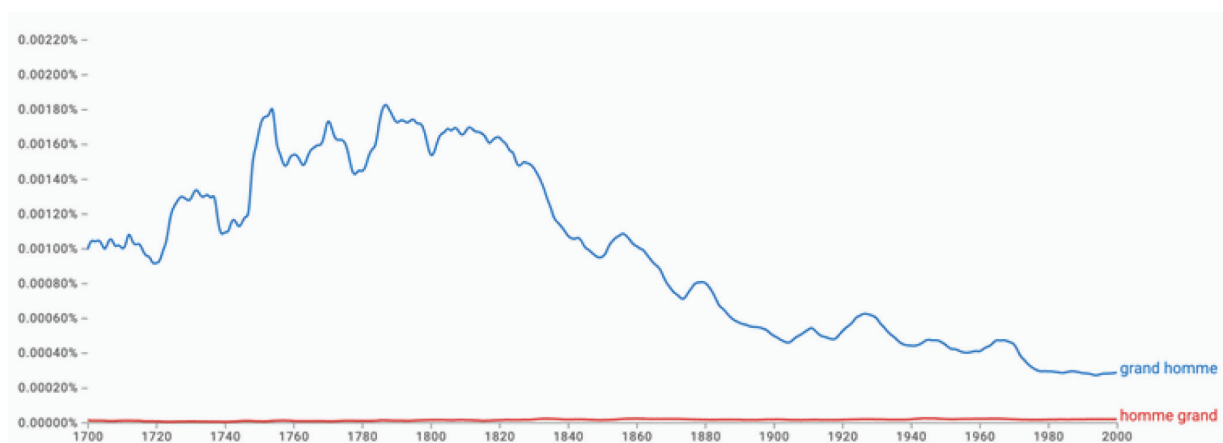

Рис. 5. Распределение и частотность *grand homme* / *homme grand*

ancien ami продуктивна), а не о перераспределении между позициями.

С XVIII века и до конца XX века выше остается номинативно-классифицирующая конструкция *nom propre* (см. рис. 4): в 1760-е виден резкий кратковременный всплеск (вероятно, увеличивается доля «титulyных» словоупотреблений, а также учебной / лексикографической книжной продукции). Во второй половине XX века отмечается постепенный рост *nom propre*, тогда как *propre nom* держится на заметно более низком и стабильном уровне. Это пара с «перевернутой» доминантой: постпозиция соответствует терминологическому значению *имя собственное* (*nom + adj* является немаркированной позицией), тогда как *propre nom* (*собственное имя* – название) – контекстно-прагматическое, чаще бытовое значение прилагательного *propre* «собственный». Динамика согласуется с ростом доли научно-учебной прозы в корпусе XX века.

На всем интервале 1700–2000 годов уверенно доминирует препозиция (см. рис. 5): частота *grand homme* на порядок и более выше, чем *homme grand*. Пик приходится на вторую половину XVIII и начало XIX века, далее отмечается плавное, практически монотонное, снижение, к концу XX века наблюдается стабилизация на низком, но устойчивом уровне. Вариант с постпозицией вариант держится у околонулевых значений. Данный пример демонстрирует классическую позиционную полисемию: *grand* в препозиции в большей части контекстов получает оценочное значение «великий», тогда как *homme grand* – букв. «высокого роста». Данные показывают, что даже на фоне увеличения частотности *nom + adj* именно лексема *grand* остается препозиционно закрепленной. Вероятно, снижение *grand homme* в XIX–XX веках связано не с заменой на *homme grand*, а с общим падением книжной формулы

«великий человек» и появлением новых языковых средств выражения оценки.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что распределение позиции прилагательного в именной группе поддается надежной корпусной верификации и дает воспроизводимую картину типологических различий. Методологически работа подтверждает значимость больших данных для количественного анализа синтаксиса: предложенная процедура извлечения и агрегации данных обеспечивает сопоставимость результатов и их визуальную интерпретируемость.

Анализ позиционно-полисемантических пар во французском языке продемонстрировал устойчивую семантическую специализацию позиций: препозиция обслуживает оценочные значения, постпозиция маркирует описательные и реляционные значения. Диахроническое снижение частот ряда препозиционных биграмм в XX веке связано преимущественно с жанровой реорганизацией корпуса, а не с их вытеснением постпозиционными эквивалентами.

Перспектива исследования видится в переходе к синтаксически аннотированным корпусам для оценки влияния жанра, регистра и класса прилагательных, а также к рассмотрению синтаксических зависимостей, учете триграмм с множественными атрибутами, сопоставлении результатов с нормативными источниками и историческими словарями.

Тем самым полученные данные уточняют типологические ожидания относительно позиции прилагательного в именной группе и показывают, как семантика, морфология и дискурс формируют диахроническую динамику прилагательного в рамках именной группы в английском, русском и французском языках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богоявленская Ю. В. Коллокации с адъективным колоративным компонентом *bleu* во французском языке (на материале лексикографических и корпусных данных) / Ю. В. Богоявленская, Д. А. Палийчук // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 5. С. 29–50.
2. Матвеева Е. М. Сопоставительный анализ способов выражения причинности французским предлогом *de* и русским *от* // Российский лингвистический бюллетень. 2025. № 8 (68). С. 1–6.
3. Галеев Т. И. Динамика изменения глагольной парадигмы под влиянием вторичной имперфективации в русском языке / Т. И. Галеев, В. В. Бочкарев, В. Д. Соловьев // Русистика. 2025. Т. 23. № 2. С. 241–256.
4. Lagutina K. V. Comparison of Style Features for the Authorship Verification of Literary Texts // Modeling and Analysis of Information Systems. 2021. Vol. 28. № 3. P. 250–259.
5. Кунакужина Н. В. Систематика и прагматика места прилагательного в именной синтагме: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.
6. Улитова А. С. Порядок слов в атрибутивных словосочетаниях в памятниках русской деловой и книжной письменности XVII века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
7. Соловьев В. Д. Дело об аспектуальных парах открывается вновь / В. Д. Соловьев, В. В. Бочкарев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 78. С. 67–98.
8. Solovyev V. Computational linguistics and discourse complexology: Paradigms and research methods / V. Solovyev, M. Solnyshkina, D. McNamara // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 2. P. 275–316.
9. Shevlyakova A. A corpus-based study of adjectives that describe people / A. Shevlyakova, V. Solovyev, V. Bochkarev // CEUR Workshop Proceedings: Proceedings of the International Conference “Internet and Modern Society”. Rheinisch-Westfälische Technische Hochschule Aachen University, 2021. Vol. 2813. P. 88–100.
10. Solovyev V. Using the Google Books Ngram Corpus to Study Social Evolution. Social Evolution & History. 2024. Vol. 23. № 2. P. 144–164.
11. Куртжемилъ Э. С. Влияние синтаксической позиции на семантику имени прилагательного во французском и английском языках / Э. С. Куртжемилъ, Д. Р. Фатхулова // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2020. № 2 (55). С. 87–91.
12. Борзенко Е. О. Методы корпусного анализа частотности и динамики языковых единиц в 2024 году // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия III. Филология. 2024. № 80. С. 11–22.
13. Vaughn A. C. A History of the English Language / A. C. Vaughn, T. Cable. 5th edition. London: Routledge, 2002.
14. Ковтунова И. И. Порядок слов // Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой: в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 2.
15. Будагов Р. А. Литературные языки и литературные стили. М.: Высшая школа, 1967.
16. Виноградов В. В. Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М.: Наука, 1967.
17. Балли Ш. Французская стилистика. 2-е изд., стереотип. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

REFERENCES

1. Bogoyavlenskaya, Yu. V., Paliychuk, D. A. (2025). Collocations with Adjective ‘Bleu’ in French: A Study Based on Lexicographic and Corpus Data. *Nauchnyi dialog*, 14(5), 29–50. (In Russ.)
2. Matveeva, E. M. (2025). Comparative Analysis of the Ways of Expressing Causality by the French preposition *de* and the Russian particle *ot*. *Russian Linguistic Bulletin*, 8(68), 1–6. (In Russ.)
3. Galeev, T. I., Solovyov, V. D., Bochkarev, V. V. (2025). Dynamics of changes in Russian verbal paradigm under the influence of secondary imperfectivation. *Russian Language Studies*, 23(2), 241–256.
4. Lagutina, K. V. (2021). Comparison of Style Features for the Authorship Verification of Literary Texts. *Modeling and Analysis of Information Systems*, 28(3), 250–259.
5. Kunakuzhina, N. V. (2005). *Sistematika i pragmatika mesta prilagatel'nogo v imennoj sintagme = The systematics and pragmatics of adjective position in the noun phrase: PhD thesis in Philology. St. Petersburg.* (In Russ.)
6. Ulitova, A. S. (2016). *Porjadok slov v atributivnyh slovosochetaniyah v pamjatnikah russkoj delovoj i knizhnoj pismennosti semnadcatogo veka = Word order in attributive phrases in 17th-century Russian administrative and book writing: PhD thesis in Philology. Moscow.* (In Russ.)
7. Solovyev, V., Bochkarev, V. (2022). The case for aspectual pairs reopened. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 78, 67–98. (In Russ)
8. Solovyev, V., Solnyshkina, M., McNamara, D. (2022). Computational linguistics and discourse complexology: Paradigms and research methods. *Russian Journal of Linguistics* 26(2), 275–316.

9. Shevlyakova, A., Solovyev, V., Bochkarev, V. (2021). A corpus-based study of adjectives that describe people. CEUR Workshop Proceedings: Proceedings of the International Conference "Internet and Modern Society", 2813, 88–100.
10. Solovyev, V. (2024). Using the Google Books Ngram Corpus to study social evolution. *Social Evolution & History*, 23(2), 144–164.
11. Kurtzhemil, E. S., Fatkhulova, D. R. (2020). The effect of syntactic position on the semantics of the adjective in French and English. *Vestnik Bashkirskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta im. M. Akmully*, 2(55), 87–91. (In Russ.)
12. Borzenko, E. O. (2024). Methods of Corpus Analysis of the Frequency and Dynamics of Linguistic Units. *St. Tikhon's University Review. Series III. Philology*, 80, 11–22. (In Russ.)
13. Baugh, A. C., Cable, T. (2002). *A History of the English Language*. 5th edition. London: Routledge.
14. Kovtunova I. I. (1980). Porjadok slov = Word order. In Shvedova, N. Yu. (Ed.), *Russian grammar (vol. 2): in 2 vols.* Moscow: Nauka. (In Russ.)
15. Budagov, R. A. (1967). *Literaturnye jazyki i literaturnye stili = Literary Languages and Literary Styles*. Moscow: Vysshaia shkola. (In Russ.)
16. Vinogradov, V. V. (1967). *Problemy literaturnyh jazykov i zakonomernostej ih obrazovanija i razvitija = Issues of literary languages and the patterns of their formation and development*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
17. Bally, C. (2001). *Francuzskaja stilistika = French stylistics*. 2nd edition, stereotyped. Moscow: URSS. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гирфанов Раян Ренатович

аспирант кафедры прикладной и экспериментальной лингвистики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Тимофеев Никита Сергеевич

аспирант кафедры прикладной и теоретической лингвистики
Тюменского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Girfanov Raian Renatovich

PhD student
at the Department of Applied and Experimental Linguistics
Kazan (Volga Region) Federal University

Timofeev Nikita Sergeevich

PhD student
at the Department of Applied and Theoretical Linguistics
University of Tyumen

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

05.11.2025
12.12.2025
28.01.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'373

Фонопрагматические особенности функционирования общих вопросов в устной речи (на материале англоязычного дискуссионного подкаста)

М. А. Демина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
demina.malvina@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется интонационное оформление общих вопросов в английской устной диалогической речи. В фокусе внимания находятся инвертированные и неинвертированные интеррогативные структуры в речи ведущей англоязычного дискуссионного подкаста, адресованные гостю программы. Цель работы – изучение интонационных средств, служащих для передачи вопросительности, а также имплицативного смысла. Результаты лингвистического, слухового и компьютерно-акустического анализа свидетельствуют о сложной взаимосвязи интонационных средств и вопросительной семантики высказываний, которая, с одной стороны, отражает эпистемологическую ценность вопроса, с другой – передает дополнительные эмоционально-модальные оттенки смысла. Полученные данные подтверждают также коммуникативную значимость мелодического регистра речи в аспекте восприятия вопросительного высказывания.

Ключевые слова: вопросительное высказывание, общий вопрос, устная речь, фонопрагматический подход, интонация, тон, мелодический регистр

Для цитирования: Демина М. А. Фонопрагматические особенности функционирования общих вопросов в устной речи (на материале англоязычного дискуссионного подкаста) // Вестник Московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 44–51.

Original article

Phonopragmatic Functioning of General Questions in Spoken English Discourse (based on a discussion podcast)

Malvina A. Demina

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
demina.malvina@gmail.com*

Abstract. This article examines the intonation of general questions in spoken English discourse. The focus is on inverted and non-inverted interrogative structures used by the host of a discussion podcast. The aim of the work is to study the intonation means used to convey interrogativeness, as well as implicative meaning. The results of linguistic, auditory, and computer-acoustic analyses reveal a complex relationship between intonation and interrogative semantics of utterances, which, on the one hand, reflects the epistemological value of the question and, on the other, conveys additional emotional and modal nuances of meaning. The findings also confirm the communicative significance of the melodic register of speech in terms of perceiving an utterance as interrogative.

Keywords: interrogative utterance, general question, spoken discourse, phonopragmatic approach, intonation, tone, melodic register

For citation: Demina, M. A. (2026). Phonopragmatic functioning of general questions in spoken English discourse (based on a discussion podcast). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 44–51. (In Russ.)

Введение

В современной лингвистике коммуникативная ценность вопросительных высказываний рассматривается шире, чем простой запрос неизвестной информации. Сегодня умение задавать вопросы – важнейшее условие успешной коммуникации и благополучного социального взаимодействия. В разговорном плане вопросы представляют собой первый элемент диалогического единства и тем самым закладывают основу межличностного общения.

Изучение интонационного оформления вопросов также актуально для описания устной неподготовленной речи, поскольку затрагивает такие важнейшие основы межличностной коммуникации, как взаимопонимание и вежливость. Современные исследования подтверждают, что живому общению свойственны отклонения от канонов грамматического строя, эллиптические структуры, косноязычные обороты, хезитация и другие особенности, которые в звучащей речи дополняются и уточняются сопутствующими интонационными средствами [Hedberg, 2017; Couper-Kuhlen, 2015].

Особенно актуальным в этой связи представляется рассмотрение неинвертированных вопросов в англоязычной речи, в которых отсутствуют грамматические маркеры выражения вопросительности. Наблюдения за современным использованием английского языка показывают, что вопросы с прямым порядком слов являются частотным и регулярным явлением в устном общении, на что указывается во многих лингвистических исследованиях последних лет [Bolden, 2023; König, 2024; Lindstädt, 2024; Воробьева, 2021]. При этом отдельный интерес представляет тот факт, что в интенциональном плане такие высказывания безошибочно воспринимаются носителями как интеррогативные.

В этой связи новизна данной работы заключается в применении фонопрагматического подхода¹ к интерпретации интонационного оформления вопросов, который ориентирован на установление фонетических проявлений иллюкутивной силы интеррогативного высказывания и выявление дополнительных имплицативных эмоционально-модальных оттенков смысла.

При этом в задачи исследования входит:

- 1) описание особенностей интонационного оформления общих вопросов в устном общении на примере речи ведущей англоязычного дискуссионного подкаста;

¹В основе фонопрагматического подхода лежит представление о стратегическом использовании фонетических средств говорящим, направленном на реализацию коммуникативного намерения и передачу других имплицативных значений [Демина, 2011].

- 2) выявление закономерностей употребления нисходящего и восходящего мелодического контура в инвертированных и неинвертированных вопросительных высказываниях в рассматриваемом материале;
- 3) определение интонационных компонентов, указывающих на имплицативные оттенки смысла в вопросительных высказываниях.

Результаты исследования дополняют теоретическое описание прагматического функционирования интонационных моделей в англоязычной речи и вносят вклад в разработку проблемы коммуникативного выражения категории вопросительности в английском языке.

Материал исследования может быть использован в лингводидактических целях. Проблема интонационного оформления вопросительных высказываний является чувствительной для всех изучающих английский язык и напрямую связана с такими явлениями, как разборчивость, понятность речи и вежливое взаимодействие на иностранном языке. Полученные результаты представляют также ценность в аспекте корректной интерпретации сказанного в условиях межкультурного взаимодействия.

Концепция прототипического вопроса

В прагматическом плане вопрос представляет собой высказывание, реализующее запрос информации. Вместе с тем такое простое и конкретное определение не отражает всю сложность и неоднозначность проявления вопросительности в коммуникации. В этой связи в качестве отправной точки в исследованиях предлагаются критерии *прототипического* вопроса, которые учитывают грамматическую и содержательную стороны эталонного инварианта интеррогативного высказывания. В данной концепции рассматриваются такие параметры, как качество запрашиваемой информации, автономность вопроса и грамматическая форма высказывания [Haan, 2001].

Согласно информационному критерию, интеррогативные высказывания, запрашивающие новую информацию, считаются более прототипическими, чем вопросы об уже известных данных. Интересно, что при этом специальные вопросы считаются более прототипическими, чем общие, так как запрашивают более конкретную и «качественно новую» информацию, чем простое подтверждение или отрицание пропозиционального содержания.

Критерий автономности рассматривает степень зависимости вопросительного высказывания от контекста. В этом смысле более прототипическими считаются вопросы, не обусловленные предшествующим контекстом и предыдущими репликами.

Критерий грамматической формы признает более прототипическими интеррогативные структуры, которые выражают иллокутивную силу при помощи вопросительного синтаксиса. С этой точки зрения, общий вопрос с частичной инверсией грамматической основы считается более прототипическим, чем неинвертированный общий вопрос. Таким же образом прямой вопрос считается более прототипическим, чем косвенный.

Описанная концепция предлагает своего рода градацию типичности вопроса, в которой эталонным считается прямой специальный вопрос с инвертированным порядком слов, запрашивающий неизвестную информацию и не зависящий от предшествующего коммуникативного контекста. Такие вопросы максимально конкретны, прозрачны и понятны собеседнику, но при этом стоит признать, что они встречаются достаточно редко в живом общении на английском языке. Чаще всего собеседники делают выбор в пользу других периферийных способов задать интересующий вопрос, избегая прямой, очевидной, открытой вопросительности высказывания. Данный факт провоцирует научный интерес к изучению именно неканонических вопросительных высказываний, которые более предпочтительны в реальном общении.

Вопросы в устном неформальном общении

Традиционная, широко распространенная в лингводидактике классификация вопросительных предложений представляет собой формальное деление на специальные, общие, альтернативные и разделительные вопросы [Sadock et al., 1985]. Данная классификация, однако, не представляется столь функциональной для описания реализации вопросительности в естественной устной речи, в которой часто имеют место наложения реплик, перебивание собеседника или не сформулированные до конца мысли. Подобные явления, свойственные устному общению, часто провоцируют нарушения канонического вопросительного синтаксиса, приводя к тому, что интеррогативность реализуется исключительно интонационными средствами, на которые вынуждены ориентироваться собеседники.

В этой связи специалисты в области просодии разговорной англоязычной речи предлагают классификацию вопросительных актов по их интерактивной роли в развитии вербального взаимодействия, считая такой подход более применимым к живому общению. Так, Е. Купер-Кулен выделяет в устной неформальной коммуникации следующие типы вопросов:

- 1) вопросы, поднимающие какую-то тему или проблему в разговоре;
- 2) вопросы, продолжающие и развивающие уже обозначенную тему;
- 3) вопросы, подтверждающие получение информации;
- 4) вопросы, заданные с целью удостовериться в услышанном и предлагающие подтвердить информацию;
- 5) вопросы уточняющего характера, сигнализирующие полное непонимание или недопонимание [Couper-Kuhlen, 2015].

Стоит отметить, что первый тип вопросов вызывает нарекания у ряда исследователей. Подобные высказывания можно услышать, например, в телевизионных и радиопрограммах, а также подкастах, в которых ведущие предлагают гостям темы для обсуждения, формулируя их в виде вопросов. В таких случаях большинство заданных ведущими вопросов относится к «тематическим» [Hedberg, 2017]. Ряд исследователей считает, что в прагматическом плане такие вопросы не являются истинными интеррогативными актами, поскольку не запрашивают информацию, подтверждение или опровержение сказанного, а инициируют дискуссию [Banuazizi, 1999; Lindstädt, 2024].

Е. Купер-Кулен отмечает, что интонационно подобные «тематические запросы», несмотря на то что соблюдают правила вопросительного синтаксиса, оформляются чаще всего нисходящим тоном, который в этом случае сигнализирует то, что у спрашивающего есть основания полагать, что пропозициональное содержание его высказывания верно [Couper-Kuhlen, 2015].

В этом отношении известная оппозиция восходящего и нисходящего тона применительно к вопросительным высказываниям может отражать степень осведомленности коммуниканта, задающего вопрос. Представляется, что эта «эпистемологическая уверенность» может носить градуальный характер, т. е. проявляться в большей или меньшей мере, на что указывает конфигурация тона на коммуникативном центре в интеррогативном высказывании, а также высотный уровень его реализации. Таким образом, можно предположить, что интонация, с которой произнесен вопрос, дает понять, насколько говорящий осведомлен в обсуждаемой теме.

Материал и методы исследования

Источником речевого материала для данного исследования служит выпуск англоязычного подкаста продолжительностью около 60 минут, представляющий собой обсуждение тем социального и научно-популярного характера. Анализируемый

выпуск проведен в формате интервью-дискуссии и представляет оживленное общение ведущей программы и приглашенного специалиста. Стоит отметить конфронтационный курс взаимодействия коммуникантов, на который указывают данные предварительного лингвистического анализа, подтверждающие наличие в речи обоих собеседников дискурсивных маркеров конфликтного общения.

Корпус, подвергнутый слуховому анализу и детальному аннотированию с указанием элементов интонационного контура, включает 114 высказываний вопросительного характера, адресованных гостю в студии, из которых были отобраны реплики с синтаксическими и интонационными маркерами общих вопросов, а также неинвертированные высказывания, воспринятые респондентом как вопросительные. Речь ведущей подкаста характеризуется стандартным британским произношением.

Конфигурация интонационного контура в отобранных фразах была верифицирована с помощью программного обеспечения PRAAT (версия 6.2.22). В отдельных случаях производились измерения начала и конца тонов в Гц для более точного определения характера и регистра мелодического движения. Нотационные символы, используемые в статье для передачи интонационной картины, активно применяются в лингводидактических целях и подробно описаны в учебных пособиях, разработанных на кафедре фонетики английского языка Московского государственного лингвистического университета¹.

Результаты и дискуссия

Проведенный анализ вопросительных реплик ведущей подкаста показал, что подавляющее большинство интеррогативных высказываний в ее речи относится к общим вопросам: 36 % – *инвертированные* и 22 % – *неинвертированные* (табл. 1). Предпочтение общих инвертированных и неинвертированных вопросов специальным, по всей видимости, обусловлено тем, что они представляют меньшую угрозу социальному имиджу общающихся.

Таблица 1

Типы вопросительных высказываний в речи ведущей подкаста

Тип вопроса	%
Общий (инвертированный)	36
Общий (неинвертированный)	22
Специальный	28
Альтернативный	5
Разделительный	9

¹Веренинова Ж. Б. Фонетическая база английского языка в сопоставлении с фонетической базой русского языка. М.: Рема, 2012.

Что касается интонационного оформления *инвертированных* общих вопросов, то распределение терминальных тонов в анализируемом корпусе представляет определенный интерес (табл. 2).

Таблица 2

Интонационное оформление инвертированных общих вопросов

Тон	%
Нисходящий	75
Восходящий	20
Ровный	5

Уверенное доминирование нисходящего тона в общих вопросах ведущей в какой-то мере обусловлено их интерактивной ролью в дискуссии. В частности, нисходящий контур используется в вопросах, поднимающих или продолжающих какую-либо тему (примеры 1–2). Как отмечалось выше, подобные высказывания часто не рассматриваются исследователями как истинно вопросительные, поскольку не запрашивают неизвестную информацию, а предлагают тему к обсуждению.

- 1) 'Do you a'gree with 'people who 'hold that ^broadly ,gender \is a ,social ,construct?
- 2) And 'when you 'say your *viewers and \readers \ 'are you *thinking *here of a ^specific ,group of ,people?

Как отмечалось выше, для «тематических» вопросов нисходящий тон является закономерным, предсказуемым и в какой-то степени ожидаемым. Вместе с тем в речи ведущей подкаста нисходящий тон встречается и в других вариантах общих вопросов, не относящихся к «тематическим» (примеры 3–5).

- 3) 'Isn't a 'strong co'llection of \ideas, \ in a ,sense, ,always an ,ide,ology?
- 4) [\Would 'that]^2 'make it in'herently \,wrong?
- 5) And do ^you feel any responsi,bility there?
- 6) Do you 'think you \ever fall into that ,trap?

В примерах 3–6, на наш взгляд, нисходящий тон транслирует уверенность в истинности пропозиционального содержания высказывания и вместе с тем выражает оценочное мнение. Употребление отрицательных грамматических форм, местоимений второго лица, интенсификаторов и слов с негативной семантикой, сопровождаемое контрастным нисходящим тоном в примерах 3–6, создает

²Квадратные скобки включают участки наложения реплик коммуникантов.

впечатление о заранее сформулированном мнении, уже вынесенном суждении, которое, словно на допросе, требует только признания со стороны оппонента. Подобное интонационное оформление вопросительных высказываний, наряду с лексико-грамматическим наполнением фраз, позволяет охарактеризовать данные случаи как примеры конфронтационного коммуникативного поведения по отношению к собеседнику.

Примеры 3–6 являются, безусловно, контекстно-зависимыми вопросами и в этом смысле не представляют собой прототипические реализации. Их контекстуальный конфронтационный посыл согласуется с более широким и абстрактным значением, описанным классиками британской интонологии. В частности, Дж. Уэллс признает восходящий тон ожидаемым и нейтральным в общих вопросах [Wells, 2006], например:

- 'Are you ,ready?
- 'Have you 'been there ,long?
- 'Has he a ,greed to it?

Однако фонетист указывает и на возможность употребления нисходящего тона в данном типе высказываний. В то же время характеризует такие вопросы, как настойчивые и требовательные, например:

- Did 'you 'take the \,money?
- 'Can you \,prove that?

Случаи употребления восходящего тона в инвертированных общих вопросах (20 %) в проанализированном материале можно охарактеризовать как достаточно специфические. Вопреки ожиданиям, данные интеррогативы нельзя назвать нейтральными, так как восходящий тон указывает в них на дополнительные смысловые оттенки и, в нашем представлении, выступает фонопрагматическим маркером конфронтационного развития общения. Подтверждением данной мысли служит также то, что восходящий тон в речи ведущей нередко сопровождается переходом к более сниженному регистру общения и разговорному стилю, что находит отражение и на лексико-грамматическом уровне. Так, примеры 7–9 демонстрируют скептическое и даже пренебрежительное отношение к высказанному собеседником мнению.

- 7) But 'would it 'necessarily 'be ↗such a *'bad i'dea?
- 8) 'Wouldn't it be 'possible }} to 'figure *something 'out?
- 9) Un'fairness \,does 'that 'figure?

Отдельно стоит отметить употребление восходящего тона низкого регистра в речи ведущей подкаста, который, в нашем представлении, сопровождается вербальной атакой на оппонента и требует его незамедлительной реакции и разъяснений (примеры 10–12).

- 10) Am ,I the *'average *woman?
- 11) 'Does that }} *ring a *bell with ,you?
- 12) 'Is there ,more *to it than *that?

Низкий восходящий тон является высокоэкспрессивным средством выражения эмоционального отношения к собеседнику. Такие вопросы звучат недоуменно, вносят оттенки недоверия и превосходства в дискуссию и выводят на первый план эмоционально-оценочный компонент значения. Говорящий выступает в доминирующей роли, навязывает свое видение реципиенту, заставляет его взаимодействовать по обозначенной коммуникативной траектории и не оставляет возможности не участвовать в развитии темы.

Вопросительные высказывания, произнесенные ведущей подкаста с ровным тоном (5 %), звучат особенно равнодушно, незаинтересовано и небрежно, контрастируя с накаленным эмоциональным фоном дискуссии и реакциями собеседника, и в этом смысле также выступают атрибутом конфликтного речевого поведения.

К группе неинвертированных общих вопросов (табл. 1) относятся примеры, в которых отсутствует вопросительный синтаксис, т. е. грамматически такие высказывания оформлены как утвердительные, однако они воспринимаются как интеррогативные и за ними следует реакция-ответ респондента. Подобные реплики также направлены на подтверждение или опровержение пропозиционного содержания, поэтому функционируют в устной речи как общие вопросы. Вопросительные конструкции с неинвертированным порядком слов, в частности в функции переспроса, описываются исследователями как экспрессивное средство общения, обладающее большим потенциалом для выражения различных эмоциональных реакций (например сомнения, несогласие, удивление, недоумение и др.), сопутствующих собственной семантике вопроса [Воробьева, 2021]. Прагматический потенциал вопросительных предложений как синтаксических средств выражения субъективной модальности в публичном коммуникативном пространстве также обсуждается в исследованиях современно-го медиадискурса [Ванько, 2023].

Маркером вопросительности в неинвертированных общих вопросах, на наш взгляд, выступает

исключительно интонационное оформление реплики-стимула, которое позволяет реципиенту интерпретировать услышанное высказывание как интеррогативное. В таких случаях восходящий терминальный контур может выполнять компенсаторную функцию и указывать на наличие эпистемологической значимости высказывания, выражая запрос о подтверждении ранее сказанного (примеры 13–14) или заинтересованность в получении неизвестной информации (примеры 15–16).

- 13) [ʃThat's 'it?]
- 14) We... we ʌdon't ʌknow ʌ 'after 13'5 ʌyears?
- 15) ['Ove→rall,] ʌ ʌfeminism is a [repre,hensible ide'ology?]
- 16) But ʌthen } what ʌyou ,have }} ʌisn't an 'ide'ology 'or?

В приведенных примерах восходящий тон реализуется в высоком регистре, что, в нашем представлении, сообщает об ожидании реакции собеседника, который не имеет права проигнорировать такое очевидное вопросительное звучание высказывания. При этом сочетание прямого порядка слов и высокого восходящего тона ставит под сомнение высказанное мнение и звучит как своеобразный вызов собеседнику, который вынужден оправдываться за свои слова.

Отдельный интерес представляют неинвертированные высказывания, произнесенные с нисходящим терминальным тоном, тем не менее задающиеся говорящим и интерпретирующиеся реципиентом как вопросительные (примеры 17–19).

- 17) 'You ʌwould con,sider your,self a [,classic ʌliberal?]
- 18) 'That's ʌall that's ʌdriving it?
- 19) So ,get a ʌgrip on your,self?

Стоит отметить, что в проанализированном материале большинство неинвертированных, грамматически законченных структур, использованных в вопросительной функции, оформляется нисходящим тоном (65 %). Подобные вопросы можно рассматривать как уточняющие. Финальный нисходящий тон в этих случаях может передавать высокую степень уверенности говорящего в истинности пропозиционального содержания высказывания и низкую заинтересованность в ответе респондента. Вместе с тем в примерах 17–19 присутствует также контрастный нисходящий тон, реализованный как неполное падение на коммуникативном центре. Такое интонационное оформление в сочетании с лексическо-грамматическими средствами может намекать на ограниченность и несостоятельность

доводов собеседника, дискредитировать его позицию и выступать дискурсивным признаком конфликтной траектории взаимодействия. Эмфатическое неполное падение выделяет наиболее значимый компонент ремы в высказывании, подчеркивая, какая именно часть предыдущего сообщения вызывает сомнения и возражения.

Вопрос о том, почему подобные высказывания, оформленные как утверждения и в синтаксическом, и в интонационном плане, воспринимаются как интеррогативные в процессе общения на английском языке, остается открытым и требует детального изучения. Одной из предпосылок для восприятия высказывания как вопросительного, предположительно, является высота реализации тонального движения. В примерах 17–19 контрастное неполное падение на коммуникативном центре актуализирует неоконченность, открытость и неоднозначность содержания и дает сигнал реципиенту о том, что вопросительное высказывание используется во вторичной функции, сочетая интеррогативный смысл с выражением оценочности и сомнения в услышанном. На рисунке 1 представлена реализация неполного падения на модальном глаголе в примере 17, который выступает самым значимым компонентом высказывания.

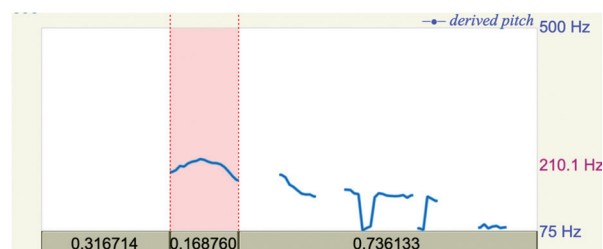

Рис. 1. Траектория ЧОТ во фразе: «'You ʌwould con,sider your,self...»

Неполное падение в примере 17 реализуется в более высоком регистре (225–183 Гц), чем терминальный нисходящий тон (135 Гц), что способствует интерпретации всего высказывания как вопросительного и эпистемологически значимого. Похожая реализация неполного падения присутствует в примерах 18 и 19, в которых этот тон на словах ʌall (261–223 Гц) и ʌgrip (203–180 Гц) также не достигает низкого регистра, указывая на семантическую неоднозначность. Данное наблюдение позволяет предположить, что в общении на английском языке коммуниканты ориентируются не только и не столько на направление движения тона, сколько на его конфигурацию и уровень, интерпретируя высокий регистр как неоконченность мысли и обращенность к собеседнику.

Заключение

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что изучение роли интонационных средств в передаче иллокутивной силы вопросительного высказывания представляется тернистым путем. Полученные данные подтверждают мысль об автономности интонационного оформления вопросов, которое не закреплено за конкретными коммуникативными типами в устной речи.

В реальном общении интонация общих вопросов в большей степени мотивирована уровнем осведомленности говорящего. Так, нисходящий тон сигнализирует высокую вероятность истинности пропозиционального содержания вопроса: с помощью интонации говорящий передает свою уверенность в сказанном и ожидает подтверждения высказанной мысли в большей степени, чем отрицания. Такая интонационная модель звучит нейтрально, например, в «тематических» вопросах, поднимающих какую-то дискуссионную проблему, но маркировано в высказываниях, запрашивающих неизвестную информацию. Вместе с тем стоит оговориться, что синтаксис инвертированных общих вопросов в английском языке фактически делает восходящую интонацию избыточным средством интеррогативности, что также может служить объяснением низкой частотности модели с восходящим тоном в реальном общении.

И нисходящие, и восходящие тоны могут использоваться как средства конфронтации

в общих вопросах. В этом смысле вопросительные высказывания употребляются во вторичной функции: их характеризует не столько информативность, сколько экспрессивность. При этом если нисходящий тон занижает эпистемологическую значимость пропозиционального содержания высказывания и уровень ожидания ответа от реципиента, то восходящий тон навязывает участие в общении собеседнику, вынуждая его реагировать на реплику-стимул. Нисходящий тон неполного падения может также использоваться контрастно, акцентируя внимание на определенном компоненте ремы. Низкий и высокий восходящие тоны звучат провокационно в интеррогативах, участвуя в передаче не только вопросительного смысла, но и эмоционально-оценочного значения.

В неинвертированных общих вопросах на первый план выходит коммуникативная значимость высотных уровней реализации тонов. Более высокий регистр и восходящих, и нисходящих контуров актуализирует неоконченность и адресованность высказывания, помогая реципиенту интерпретировать его как интеррогативное.

Перспектива дальнейшего изучения непростои проблемы интонационного выражения вопросительности и имплицативных эмоционально-модальных оттенков в интеррогативных высказываниях видится в рассмотрении цельных диалогических единств с привлечением более широкого контекста взаимодействия коммуникантов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Hedberg N. The meaning of intonation in yes-no questions in American English: A corpus study / N. Hedberg, J. M. Sosa, E. Görgülü // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2017. Vol. 13 (2). P. 321–368.
2. Couper-Kuhlen E. Some truths and untruths about final intonation in conversational questions // *Questions. Formal, functional and interactional perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. 2015. P. 123–145.
3. Bolden G. Chapter 1. Introduction: Polar questions and their responses / G. Bolden, J. Heritage, M.-L. Sorjonen // *Responding to polar questions across languages and contexts*. Amsterdam: John Benjamins Pub Co, 2023. P. 1–39.
4. König K. Requesting confirmation and reconfirmation across languages: An introduction / K. König, M. Pfeiffer // *Contrastive Pragmatics*. 2024. Vol. 5 (1–2). P. 1–26.
5. Lindstädt H. Can you believe that? The prosody of non-genuine polar questions in English: master's thesis. University of Cologne Faculty of Arts and Humanities. Department of Linguistics, 2024.
6. Воробьева Е. Н. Корпусное исследование простых неинвертированных местоименных вопросительных конструкций в английском языке // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 2. С. 477–485.
7. Демина М. А. Телевизионные новости как тип дискурса (лингвистический и прагматический аспекты) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2011. Вып. 627. С. 200–210.
8. Haan J. *Speaking of questions: An exploration of Dutch question intonation*. Utrecht: LOT, 2001.
9. Sadock J. M. *Sentence types* / J. M. Sadock, A. M. Zwicky // *Language Typology and Syntactic Description*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 155–196.
10. Banuazizi A. Is that a real question?: Final rises, final falls and discourse function in yes-no question intonation / A. Banuazizi, C. Creswell // *CLS 35-1: Papers from the main session*. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1999. P. 1–13.

11. Wells J. English Intonation: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
12. Ванько Т. Р. Реализация субъективной модальности в синтаксисе политического онлайн-медиадискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 3 (871). С. 39–45.

REFERENCES

1. Hedberg, N., Sosa, J. M., Görgülü, E. (2017). The meaning of intonation in yes-no questions in American English: A corpus study. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 13(2), 321–368.
2. Couper-Kuhlen, E. (2015). Some truths and untruths about final intonation in conversational questions. In *Questions. Formal, functional and interactional perspectives* (pp. 123–145). Cambridge: Cambridge University Press.
3. Bolden, G., Heritage, J., Sorjonen, M.-L. (2023). Chapter 1. Introduction: Polar questions and their responses. In *Responding to polar questions across languages and contexts* (pp. 1–39). Amsterdam: John Benjamins Pub Co.
4. König, K., Pfeiffer, M. (2024). Requesting confirmation and reconfirmation across languages: An introduction. *Contrastive Pragmatics*, 5(1–2), 1–26.
5. Lindstädt, H. (2024). Can you believe that? The prosody of non-genuine polar questions in English: master's thesis. University of Cologne Faculty of Arts and Humanities. Department of Linguistics.
6. Vorobyova, Y. N. (2021). Corpus-Based Research of Simple Non-Inverted Pronominal Interrogative Constructions in English. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23(2), 477–485. (In Russ.)
7. Demina, M. A. (2011). Television news as a type of discourse: Linguistic and pragmatic aspects. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 627, 200–210. (In Russ.)
8. Haan, J. (2001). *Speaking of questions: An exploration of Dutch question intonation*. Utrecht: LOT.
9. Sadock, J. M., Zwicky, A. M. (1985). Sentence types. In T. Shopen (ed.) *Language Typology and Syntactic Description* (pp. 155–196). Cambridge: Cambridge University Press.
10. Banuazizi, A., Creswell, C. (1999). Is that a real question?: Final rises, final falls and discourse function in yes-no question intonation. *CLS 35-1* (pp. 1–13): papers from the main session. Chicago: Chicago Linguistic Society.
11. Wells, J. (2006). *English Intonation: An Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
12. Vanko, T. R. (2023). Realization of subjective modality in the syntax of political online media discourse. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(871), 39–45. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демина Мальвина Александровна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета
доцент Департамента иностранных языков и межкультурной коммуникации
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Demina Malvina Aleksandrovna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Phonetics
Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University;
Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	15.11.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.12.2025	approved after reviewing
принята к публикации	28.01.2026	accepted for publication

Мифологема «зеркало» в немецких, японских и русских паремиях (на материале паремий о правде и лжи)

А. Л. Колесникова¹, О. Б. Абакумова²

^{1,2}*Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, Орёл, Россия*

¹*anna-perevod@yandex.ru*

²*abakumova-ob@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставительного лингвокультурологического исследования мифологема «зеркало» как единицы «языка» культуры в трех неблизкородственных языках (немецком, японском и русском). Целью исследования стало изучение архетипических и этноспецифических моделей восприятия таких важных нравственных концептов, как «правда» и «ложь», закодированных в немецких, японских и русских паремических фондах сопоставляемых лингвокультур. Материалом послужили 21 немецкая, 32 японских и 34 русских паремий. Исследование проводилось с применением интегративного лингвокультурологического метода, методов паремиологической идентификации, аппликации и тематических ролей. Проведенный анализ позволил выявить универсальное и специфическое в отношении носителей неблизкородственных языков и культур к правде и лжи через ситуацию общения с зеркалом, классификацию признаков мифологема, а также приемы анимизма, фетишизма, аллегории и символизма в мифологических представлениях о зеркале в сопоставляемых лингвокультурах.

Ключевые слова: мифологема «зеркало», паремии, лингвокультура, немецкий язык, японский язык, русский язык

Для цитирования: Колесникова А. Л. Мифологема «зеркало» в немецких, японских и русских паремиях (на материале паремий о правде и лжи) / А. Л. Колесникова, О. Б. Абакумова // Вестник Московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 52–61.

Original article

Mythologeme of Mirror in German, Japanese and Russian Paremia (based on paremic units about truth and lie)

Anna L. Kolesnikova¹, Olga B. Abakumova²

^{1,2}*Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russia*

¹*anna-perevod@yandex.ru*,

²*abakumova-ob@mail.ru*

Abstract. The paper covers the problems and results of cross-cultural study of bringing out and describing specific realization of mythologeme of mirror as a unit of the “language” of culture based on the data of German (21), Japanese (32) and Russian (34) paremia about truth and lie. The study employs a linguocultural method, along with methods of paremiological identification, application and thematic roles. The conducted analysis helped to reveal the universal and national specific in the attitude of nonrelative cultures and languages to such moral concepts as “truth” and “lie” through the situation of communicating with mirror, classification of features of mythologeme and the ways of its presentation, like animism, fetishism, allegory and symbolism, in the three different linguo-cultures.

Keywords: mythologeme of mirror, paremia, linguo-culture, German, Japanese, Russian

For citation: Kolesnikova, A. L., Abakumova, O. B. (2026). Mythologeme of mirror in German, Japanese and Russian paremia about truth and lie. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 52–61. (In Russ.).

Введение

Актуальность работы определяется потребностью в более глубоком изучении мифологемы как ментальной единицы сознания, единицы «языка» культуры, отражающей как универсальный, так и культурно-детерминированный взгляд на мир представителей лингвокультурного сообщества. За последние пять лет исследования мифологемы проводились в области лингвокультурологии, семиотики и семантики, рекламного дискурса, литературоведения, в истории и социологии. В Институте языкознания Российской Академии наук прошла международная конференция «Метафоризация и мифологизация в языке и культуре», посвященная 95-летию профессора В. Н. Телия (5–7 ноября 2025 года). По мнению отечественных исследователей данной области, в настоящее время процесс функционирования мифологем в текстах различного типа описан недостаточно подробно и требует дальнейшего изучения [Меньшикова, 2022; Бондарев, 2023; Бочина, 2023].

Достижение поставленной цели исследования предполагает решение следующих задач:

- изучить существующие определения мифологемы и обосновать свое понимание термина;
- представить классификацию признаков мифологемы «зеркало», которые находят отражение в немецких, японских и русских пословицах и других паремических текстах, выявить в них как общие, так и национально-специфические культурные смыслы;
- выявить средства выражения мифологемы «зеркало» в отобранных паремиях.

В исследовании применялись следующие методы:

- общенаучные методы – анализ, синтез, дедукция, индукция, интерпретация, моделирование;
- научно-научные (лингвистические) – метод фразеологической и паремиологической идентификации, аппликативный метод, комплексный лингвокультурологический метод, анализ текста / дискурса, метод тематических ролей, сравнительно-сопоставительный анализ паремий.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проводится сопоставление и выявление универсального и специфического в проявлениях мифологемы через ситуацию общения с зеркалом, отраженную в паремических дискурсах о правде и лжи носителей трех неблизкородственных языков и культур (немецкой, русской и японской), в описании общих и специфических

признаков мифологемы «зеркало» и связанных с ними культурных смыслов, а также средств выражения мифологемы в паремиях.

По мнению швейцарского психолога Карла Густава Юнга и венгерского филолога Карла Керени, которые первыми применили этот термин, мифологема – это всем известный мифологический сюжет, который «служит материалом для нового творчества» [Юнг, 1996, с. 13]. Сравнивая мифологему с архетипом, К. Юнг предлагал рассматривать архетипы как неизменные, статические универсалии коллективного человеческого существования, а мифологемы – как их смысловую конкретизацию [там же].

«Универсальное в отношении человека с окружающим миром берет начало в мифе как феномене сознания» [Цветаева, 2018, с. 184]. По мнению В. Н. Топорова, мифологема, в отличие от архетипа, этноспецифична. Мифологема не может быть сведена к конкретному мифу, она может быть только реконструирована [Топоров, 1995].

Этот термин получил широкое распространение в работах исследователей в области лингвокультурологии. Так, основатель одной из школ лингвокультурологии В. Н. Телия под мифологемами понимала «мифологические представления о мире, в том числе отображенные в древнейших ритуалах, сложившиеся на основе *анимизма* (одушевления неживого или несуществующего в действительности), *фетишизма* (придания природным и «вещным» объектам действенно-магического смысла) и т. п.» [Телия, 2006, с. 781].

Мифологема определяется авторами «Словаря лингвокультурологических терминов» М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудковым как знак языка культуры, «включающий как понятийное, так и образное содержание, конкретно чувственное воплощение образов коллективного бессознательного. Мифологема является единицей мифологического сознания, актуализируется с помощью вербальных и невербальных символов, обладает лингвокультурной спецификой»¹.

В статье Н. И. Коноваловой «Мифологема как свернутый сакральный текст» собрано восемь основных смысловых составляющих, которые включает понятие «мифологема»:

- 1) большая смысловая единица текста мифа;
- 2) единица, связанная с религиозным культом;
- 3) цитата из текста Библии;
- 4) психоментальный элемент наивного представления о мире;
- 5) образы и сюжеты, связанные с традиционной народной культурой, имеющие статус символов;

¹Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов / М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков. М.: Гнозис, 2017. С. 103–104.

- 6) лексическая единица, выступающая как представитель свернутого текста мифа;
- 7) сюжетная схема, межкультурная идея, встречающаяся в фольклоре разных народов;
- 8) стереотипы и клише массового сознания [Коновалова, 2019].

«Мифологемы разъясняют феномены природных явлений, историю родовых отношений, технологию производственных процессов и *гносеологию познавательной деятельности*» [Бондарев, 2023, с. 116]. По мнению исследователей данного явления, онтологическими свойствами мифологемы выступают сюжетность, ретроспективность, этническая специфика [Меньшикова, 2022].

Подведем итоги и предложим понимание термина, которого будем придерживаться в данной статье: мифологема – это сложившийся на основе древнейших мифов, отраженный в ритуалах и приметах, способами анимизма, фетишизма, вербальных и невербальных символов знак «языка» культуры, включающий как понятийное, так и образное содержание, архетип, актуализированный в текстах культуры, всем известный мифологический сюжет, ключевой герой или важная ситуация, переходящая от текста к тексту и приобретающая в каждой культуре свою этническую специфику.

Философы и лингвисты отмечают, что большинство признаков мифа присущи и обыденному сознанию. Обыденная когнитивная деятельность человека, как и мифологическое познание мира, основана не на логике, а на бытующих в народной культуре стереотипах и характеризуется эмоциональностью, оценочностью, непосредственной реакцией на события и явления действительности. Обыденное сознание опирается на разнообразные жизненные установки, социальный опыт, которые фиксируются чаще всего в паремиологических единицах [Бочина, 2023].

По мнению Т. Г. Бочиной, мифологический метод структурирования мира отражается и в паремиях. Сравнив важнейшие оппозиции мифопоэтической модели мира, представленные в мифах¹, и тематику паремий в известной классификации Г. Л. Пермякова, Т. Г. Бочина делает вывод о практически полном их совпадении: инвариантные тематические пары пословиц в логико-тематической классификации Г. Л. Пермякова, так же как и в мифопоэтической модели мира, представлены бинарными оппозициями и имеют вид: верх – низ, правый – левый, прямой – кривой и др. [Пермяков, 1988; Бочина, 2023].

¹Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 2. С. 161–163.

Мифологема «зеркало» в мифах и сказках. Символика зеркала

Мифологема «зеркало» в западной и восточной культурах символизирует самопознание, правдивость, искренность, просвещение, предсказание².

Исследователь-культуролог М. В. Рон в своей работе выявляет потенциальную возможность зеркала реализовывать гносеологические (зеркало как средство познания и самопознания), аксиологические (зеркало как «носитель ценностных стереотипов»), эстетические и сакрально-символические значения (связаны с мифологическими представлениями о магии отражения, которые определили ритуальную функцию предмета). Аксиологическое значение связано со свойством зеркальной поверхности «беспристрастно и достоверно отражать материальную действительность». Данное свойство определило зеркало как «*метафору правды и истины*, а обманчивая иллюзорность, инверсия, кривизна и туманность отражения закрепили за понятием зеркала также значения *лжи и обмана*» [Рон, 2004, с. 9].

В народных представлениях зеркало является символом «удвоения» действительности, границей между земным и потусторонним мирами. Зеркало наделяется сверхъестественной силой, способностью воссоздавать не только видимый мир, но и невидимый и даже потусторонний. В некоторых славянских странах, например в Болгарии, люди верили, что к небу прикреплено огромное зеркало, отражающее всё сущее на Земле, а Луну называли Божьим зеркалом³.

Мифологемы Зазеркалья (как потустороннего мира), зеркала (как границы между земным и потусторонним миром) и отражения (как души-двойника человека) часто встречаются у многих народов мира. Как и другие границы (межа, порог, водная поверхность), зеркало в славянской мифологии считается опасным предметом и требует осторожного обращения. Для русских раскольников зеркало – вещь запретная, созданная дьяволом⁴. Везде считалось, что разбитое зеркало предвещает несчастье⁵.

Следующий тип мифологических представлений о зеркалах связан с солярной символикой. Данные археологических и этнографических исследований, а также произведения искусства указывают, что у многих древних народов зеркало было атрибутом женского божества: Афродиты в Греции

²Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Гранд: Фаир-пресс, 2001.

³Славянская мифология: энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002. С. 183.

⁴Там же.

⁵Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа: большой толковый словарь / В. И. Зимин, А. С. Спиринов. М.: Цитадель, 2005. С. 427.

и Венеры в Риме, Табити и Кибелы в Скифии, Девы Марии у европейцев, Аматерасу в Японии, Дянь-му и Нюйвы в Китае. Все богини, атрибутом которых являлось зеркало, были связаны с культом Солнца и плодородия^{1,2}.

Еще один тип мифологических представлений о сакральной семантике зеркала связан с верой в пророческую силу предмета. Многочисленные источники указывают на традицию гадания по зеркальному отражению у древних иранцев, этрусков, греков и римлян, славян, а также народов Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока. «В сказаниях и легендах, пословицах и поговорках зеркало предстает в образе «Всевидающего Ока», обладающего знанием о прошлом, настоящем, будущем» [Рон, 2004, с. 14]. Связь сакральной семантики зеркала с мифологемами воды и солнца сформировала веру в пророческую силу зеркал, что определило ритуальную функцию предмета в обряде гадания. «Близость мифологических образов Солнца и Ока основана на их роли в визуальном восприятии мира. Родство понятий Солнца, Глаза и Зеркала находит отражение в этимологии древних языков, а также мифологии и фольклоре» [там же, с. 14]. В связи с этим широкое распространение в фольклоре европейских народов, в мифах, сказаниях и художественной литературе Востока получает образ «Всезнающего Зеркала-Ока», обладающего абсолютным знанием о мире.

В Средние века христианство подвергает критике ценность зеркала-предмета, поскольку для религиозного сознания оппозиция «правое / левое» имеет важное значение. Идеи внешней скромности и совершенства духовной красоты приводят к формированию представлений о зеркале как символе самолюбования, гордыни и любострастия. В произведениях искусства появляются аллегорические образы Гордости, Тщеславия, Похотливости, атрибутом которых является зеркало. Однако в теологии понятие зеркала и идея зеркального отражения символизируют чистоту, правдивость, совершенство. «С “чистым зеркалом”, отражающим Божественную мудрость, сравнивают душу праведного человека, апостольское слово, Священное Писание» [Рон, 2004, с. 15].

В сказке братьев Гримм «Белоснежка» («Schneewittchen») важной деталью сюжета является волшебное зеркало, наделенное способностью разговаривать, которое снабжает главную отрицательную героиню необходимой ей информацией о происходящих событиях. Согласно сюжету данной сказки, зеркало говорит только правду. Сравним

известную сказку А. С. Пушкина о мертвой царевне, где также упоминается зеркало, с которым общается царица, желая узнать правду о своей красоте и окружающих ее людях и событиях. В эпоху романтизма в литературе формируется образ «волшебного зеркала», способного отражать не только реальное, но и ирреальное бытие (Г. Х. Андерсен, Э. Т. А. Гофман). Сказка датского писателя Ганса Кристиана Андерсена «Снежная королева» содержит в своей сюжетной структуре волшебное зеркало, которое искажает реальность. Уместно вспомнить и «Алису в Зазеркалье» Л. Кэрролла.

Философское значение зеркала как символа самопознания и познания жизни было широко распространено в японских мифах и синтоистской религии. В древних преданиях сказано, что бог-создатель Изанаги велел своим детям каждое утро и каждый вечер стоять на коленях перед зеркалом, чтобы они избавились от злобных мыслей и чувств. В синтоистском аду грешникам показывают огромное зеркало, в котором отражаются их грехи и способ наказания. Бронзовое зеркало, которое хранится в главном синтоистском храме, связано с богиней солнца Аматерасу, которая, по преданию, вышла из пещеры, скрывавшей ее божественный свет, восхитившись красотой волшебного зеркала. В Японии, кроме того, зеркало является императорской реликвией, которая передается от императора к императору и несет солнечную символику.

Мифологема «зеркало» в пословицах о правде и лжи

Рассмотрим, как проявляется мифологема «зеркало» в пословицах. В узкое понимание термина паремия Г. Л. Пермяков включает пословицы и поговорки, в широкое – все паремические тексты (пословицы, сказки, загадки, притчи, басни и т. п.) [Пермяков, 1988]. Для выявления и сопоставления характеристик, составляющих содержательное ядро мифологема в анализируемых пословицах, мы используем квалитатив – «падеж, который квалитифицирует имя и является результатом взаимодействия семантики предиката и второго актанта или сирконстанта, характеризующих имя в семантической структуре пословичного предложения-высказывания» [Абакумова, 2013, с. 78].

Зеркало как средство самопознания и познания действительности

В немецких паремиях прослеживается представление о зеркале как об инструменте, который

¹Тресиддер Д. Словарь символов. М.: Гранд: Фаир-пресс, 2001.

²Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т. 2.

отражает всё так, как есть на самом деле, т. е. ассоциируется с концептом «правда / истина».

- **Der Spiegel lügt nicht (sagt immer die Wahrheit)¹**

букв. 'зеркало не лжет / всегда говорит правду'²

В пословице, как можно видеть, используется онтологическая метафора персонификации (см. классификацию концептуальных метафор в [Лаккофф, 2004]), наделяющая неживой предмет способностью к речи. Зеркало объективно и беспристрастно отражает действительность. Пословица используется в ситуациях, когда необходимо признать объективную реальность, какой бы неприятной она ни была. В нашей классификации мы рассматриваем подобные пословицы в категории «квалитатив правдивого отражения реальности».

Несмотря на то, что зеркало является беспристрастным инструментом, отражающим реальность, люди, не желая мириться со своими недостатками, склонны винить в них зеркало.

- **Schlage den Spiegel nicht, wenn die Nase schief steht³**

букв. 'не разбивай зеркало, если нос кривой'

Мы относим данную пословицу в категорию «прескриптив нравственного поведения» [Абакумова, 2013; Колесникова, 2025, с. 59].

Сравним русский аналог: «Не брани зеркало, коли рожа крива» и другие варианты этой пословицы, например: «Не на зеркало пеняй, коли рожа коса», «Сам кос – на зеркало не судачь»⁴ и др. В басне И. А. Крылова «Зеркало и обезьяна» обыгрывается сюжет, в котором обезьяна, увидев свое отражение в зеркале, начинает смеяться и называть плохими словами свое отражение, не понимая, что видит саму себя в зеркале. В связи с этим можно вспомнить немецкий журнал *Der Spiegel* («Зеркало»), в котором журналисты стремятся правдиво передавать информацию о событиях в мире.

- **Je häßlicher das Gesicht, je falscher schilt man den Spiegel⁵**

букв. 'чем страшнее / некрасивее лицо, тем сильнее ругают зеркало'

¹Байер Х. Немецкие пословицы и поговорки / Х. Байер, А. Байер. М.: Высшая школа, 1989.

²Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. – А. К.

³DWDS: электронный словарь немецкого языка. URL: <https://www.dwds.de/wb/dwb/spiegel> (дата обращения: 30.09.2025).

⁴Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. Около 70 000. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.

⁵Байер Х. Немецкие пословицы и поговорки / Х. Байер, А. Байер. 1989.

Значение пословицы можно сформулировать так: «люди склонны винить обстоятельства вместо того, чтобы признать собственные ошибки / вину / неумение». Используется структурная метафора. Мы относим пословицу к категории «квалитатив непривлекательности правды» [Колесникова, 2025, с. 59].

- **Jemandem den Spiegel vorhalten / jemandem den Spiegel vors Gesicht halten⁶**

букв. 'держат перед кем-л. зеркало / держать у кого-то перед лицом *зеркало*'; 'указывать кому-то на зеркало'

Расширение семантики слова зеркало за счет его метафорического переосмысления (аппликативный метод В. П. Жукова) приводит к появлению фразеологизма со значением: «показать кому-л. его *настоящее* лицо, указать кому-л. на его недостатки»⁷.

- **Eine hässliche Frau fürchtet den Spiegel⁸**

букв. 'страшная / некрасивая женщина боится зеркала'

Значение: «Люди стараются избежать того, что может указать на их недостатки и вызывать неприятные эмоции». В прямом смысле пословица указывает на страх человека увидеть в зеркале свою некрасивую внешность. В нашей классификации это категория «квалитатив нежелательности, опасности». В переносном, расширительном, смысле данная пословица может относиться к любой ситуации, где человек избегает правды или критики, не хочет или не готов принять правду.

Сравним японский аналог: 悪女は鏡を疎む⁹ *акудзё ва кагами-о утому* (букв. 'некрасивая женщина избегает / сторонится зеркал'). Человек избегает правды или критики, не хочет или не готов принять правду. Сравним с русским аналогом *Кривой зеркало не любит*¹⁰ и его вариантами *Правда глаза колет*, *Правда рогатиной торчит*, которые так же относим к категории «квалитатив нежелательности, опасности (правды)».

В немецких и японских пословицах на первый план выходит гендерный компонент, в то время как в русских нет разграничения по полу.

⁶Бинович Л. Э., Гришин Н. Н. Немецко-русский фразеологический словарь / Л. Э. Бинович, Н. Н. Гришин; под ред. д-ра Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1975.

⁷Там же.

⁸Байер Х. Немецкие пословицы и поговорки / Х. Байер, А. Байер. 1989.

⁹故事ことわざ辞典. 鈴木棠三・広田栄太郎. 東京堂, 1956 = Словарь пословиц и старинных выражений. Судзуки Тодзо, Хирота Эйтаро: Изд-во Токиодо, 1956.

¹⁰Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. Около 70 000. 2010.

Хотя зеркало выступает инструментом трансляции правды, интерпретация результата отражения реальности может зависеть от интерпретирующего.

- **Am Spiegel ist keine Frau hässlich¹**
букв. 'перед зеркалом ни одна женщина не страшная'

Данная пословица указывает на субъективный характер правды / интерпретации отраженной в зеркале внешности. В нашей классификации это категория «квалитатив субъективной интерпретации / оценки (внешности)».

- **Es hat noch kein Spiegel einer Frau gesagt, dass sie häßlich ist²**
букв. 'еще ни одно зеркало не сказала женщине, что она некрасива'

Зеркало лишь отражает внешность. Но оно не дает оценку «красивый / некрасивый». Человек часто видит в зеркале то, что хочет видеть, а не объективную реальность. В расширенном понимании значения пословицы можно говорить не только о внешности, но и о любой жизненной ситуации. Сравним русский аналог: «У каждого своя правда. И твоя правда, и моя правда»³. Русское языковое сознание допускает рассмотрение разных точек зрения.

Зеркало как искаженное отражение реальности

- **Ein falscher Spiegel gibt kein richtiges Bild⁴**
букв. 'неправильное / кривое зеркало не даст правильной картинки / не покажет истинную картину'

Эту пословицу относим к категории «квалитатив искажения реальности». Сравним русский аналог: *В кривом зеркале и рот на боку.*

- **Der Spiegel lügt, der Schein betrügt⁵**
букв. 'зеркало лжет, внешность / внешнее впечатление обманывает'

Метафора персонификации. Значение пословицы можно представить так: «Отражение в зеркале или первое впечатление бывают обманчивыми; не всегда реальность такая, какой она выглядит (на

первый взгляд)». Русские аналоги для передачи такого смысла могут и не включать в свою структуру слово *зеркало*. Например: «Не всё то золото, что блестит». Это категория «квалитатив (внешней) обманчивости».

Близкое, но всё же не тождественное значение имеет японская пословица 知恵の鏡も曇る⁶ *тиэ-но кагами мо кумору* (букв. 'даже зеркало разума / мудрости мутнеет'). Словосочетание 知恵の鏡 *тиэ-но кагами* 'зеркало разума / мудрости' означает «ясный ум». Значение пословицы: «Когда удача отворачивается / наступают тяжелые времена, разум / даже ясный ум притупляется / мутнеет». Иногда в начале этой пословицы добавляют *в ницете*. В трудный период даже умный человек может принимать неверные решения. В данном контексте зеркало символизирует четкость, ясность ума, рассудка. Данную категорию мы обозначили как «квалитатив неясности, нечеткости, неправильности».

明鏡も裏を照らさず⁷ *мэйкё: мо ура-о тэрасадзу* (букв. 'даже ясное / четкое зеркало не может отражать заднюю сторону / изнанку'). Значение: «Даже мудрый / умный человек может что-то упустить из виду / не принять во внимание». Синоним данной пословицы: 知者も一失⁸ *тия мо иссицу* (букв. 'и мудрец может ошибиться'). Сравним русский аналог: «И на старуху бывает проруха». Мы относим подобные паремии к категории «квалитатив ограниченности возможностей».

Разбитое зеркало как предсказание несчастья, символ разрушенных отношений

(«квалитатив предсказания несчастья»)

«В связи с тем, что зеркало было связано с множеством религиозных представлений, испортить его означало вызвать несчастье»⁹ – 破鏡¹⁰ *хакё:* (букв. 'разбитое зеркало'). Значение: «1) разбитое зеркало; 2) развод, супруги расстаются». Согласно преданию, давным-давно одна супружеская пара была вынуждена жить в разлуке. Они разделили зеркало на две части, и каждый взял половину как доказательство своей любви на память. Позже жена вступила в связь с другим мужчиной. Тогда

⁶故事ことわざ辞典 鈴木棠三・広田栄太郎 東京堂, 1956 = Словарь пословиц и старинных выражений. Судзуки То:дзо; Хирота Эйтаро: Изд-во Токиодо, 1956.

⁷Там же.

⁸Там же.

⁹Мещеряков А. Н. Книга японских символов. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 2003. С. 204.

¹⁰故事ことわざ辞典 鈴木棠三・広田栄太郎 東京堂, 1956 = Словарь пословиц и старинных выражений. Судзуки То:дзо; Хирота Эйтаро: Изд-во Токиодо, 1956.

¹Байер Х. Немецкие пословицы и поговорки. 1989.

²Там же.

³Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц. 2010.

⁴Байер Х. Немецкие пословицы и поговорки. 1989.

⁵Там же.

половина зеркала, которая была у жены, превратилась в сороку и улетела к мужу, раскрыв ее неверность, что привело к разводу¹.

Пояснение: существует японское предание, объясняющее происхождение выражения 半鏡が鵲となる ханкё: *ga kasasagi to naru* (букв. 'половина зеркала становится сорокой'). Данное выражение символизирует то, что истина (особенно о неверности) всегда раскрывается, а также отражает древние верования в мистические свойства зеркал и их связь с судьбой, с отношениями; «квалитатив разоблачения неверности, расставания». Ср. рус. Зеркало разбилось – разобьется любовь. Тайное всегда становится явным².

Схожая по смыслу поговорка: 破鏡再び照らさず³ *хакё: футатаби тэрасадзу* (букв. 'разбитое зеркало не сможет снова давать отражение'). Значение: «Разрушенные отношения невозможно восстановить, утраченное доверие нельзя вернуть». Часто используется в контексте необратимости разрыва (например, в дружбе, любви или сотрудничестве); «квалитатив необратимости / невозможности восстановления разрушенного», ср.: 落花枝に帰らず *ракка эда-ни казрадзу* (букв. 'опавший цветок не вернуть на ветку').

В немецкой культуре есть суеверие, связанное с разбитым зеркалом: *Zerbrochener Spiegel bringt sieben Jahre Pech*⁴ (букв. 'разбитое зеркало приносит семь лет неудачи').

Зеркало как граница между мирами

- **Der Spiegel der Geschichte ist der beste Wahrsager**⁵

букв. 'зеркало истории – лучший предсказатель, ключ к пониманию будущего'

Метафора персонификации «зеркало – предсказатель». История является зеркалом, в котором отражаются достижения и ошибки прошлого, и ключом, открывающим путь к осмысленному будущему. Изучение исторических закономерностей и прошлого опыта позволяет наиболее точно предвидеть будущее; «квалитатив связи между мирами / общения с прошлым и будущим».

¹Онлайн-словарь японского языка. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%A0%B4%E9%8F%A1-599999> (дата обращения: 30.09.2025).

²Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц. 2010; Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа. 2005.

³故事ことわざ辞典. 鈴木棠三・広田栄太郎. 東京堂, 1956 = Словарь пословиц и старинных выражений. 1956.

⁴Focus online. URL: https://praxistipps.focus.de/zerbrochener-spiegel-das-steckt-hinter-dem-aberglauben_139625 (дата обращения: 30.09.2025).

⁵Байер Х. Немецкие пословицы и поговорки. 1989.

文学は時代の鏡である *бунгаку ва дзидай-но кагами дэ ару* (букв. 'литература – зеркало эпохи'). Появление данного выражения связано с японским литературным жанром исторического повествования 歴史物語 *рэкиси моногатари*, в частности с циклом исторических сочинений Средневековья; «квалитатив отражения прошлого».

「大鏡」 *Окагами* «Великое зеркало» – это серия жизнеописаний императоров и высших сановников из рода Фудзивара с 850 по 1025 год. В нем два мудрых старца, от имени которых ведется повествование, отождествляют свой «беспристрастный рассказ со всеведующим, всевещающим зеркалом» о жизни императоров⁶. Сравним русское «Юности честное зерцало», которое содержит свод правил нравственного поведения для молодежи.

Идея зеркала как границы между мирами представлена в книге Губарева В. Г. «Королевство кривых зеркал», которая была успешно экранизирована в одноименном художественном фильме. По сюжету девочка Оля знакомится с девочкой Яло, которая является ее отражением и воплощает внутренние недостатки Оли и негативные черты характера. Попав в Зазеркалье, Оле удастся понять свои недостатки и избавиться от них.

Зеркало как отражение общения души человека с Богом

鏡は神の正体⁷ *кагами ва ками-но сё:тай* (букв. 'зеркало – воплощение Бога'). Зеркало используется в синтоистских храмах как вместилище Бога, чтобы верующие могли обратиться к нему.

Зеркало как средство общения с потусторонним миром

Общеизвестно и отражено в литературной традиции обрядовое употребление зеркала при гаданиях (главным образом святочных), которые совершаются в специальном («нечистом») месте (в бане, на печи и т. п.) и в особое («нечистое») время (вечер, полночь)⁸.

Согласно данным словаря немецких суеверий (1987) «Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens», в Германии также есть гадания, связанные с зеркалом. Например, девушки кладут зеркало под подушку, чтобы суженный выглянул

⁶Мещеряков А. Н. Книга японских символов. 2003. С. 202.

⁷Японский словарь старинных выражений, суеверий, пословиц. URL: <https://ndlsearch.ndl.go.jp/> (дата обращения: 30.09.2025).

⁸Славянская мифология. 2002. С. 183.

из него. Кроме того, в доме, где находится покойник, завешивают зеркала, чтобы зеркало не «удвоило» покойника, т. е. чтобы не умер кто-то еще в доме¹.

В Японии существует суеверие, связанное с зеркалом: японцы верят, что в зеркале остается душа хозяина, и новый владелец зеркала может ей навредить. По этой причине в антикварных лавках не продают зеркала. С другой стороны, старые зеркала не покупают, так как боятся, что душа старого хозяина, оставшаяся в зеркале, также может навести порчу².

Оппозиция «необходимость – ненужность»

В японской лингвокультуре выявляется представление о зеркале как о важном инструменте для заботы о внешнем виде, прежде всего для женщин: 鏡は女の魂³ *кагами ва онна-но тамасий* (букв. 'зеркало – дух / душа женщины'). Значение пословицы: «зеркало настолько важная для женщины вещь, что его можно сравнить с душой / назвать душой». Мы относим к категории «квалитатив важности, необходимости; гендерный квалитатив». Пословица имеет в виду, что женщине важно следить за своим внешним видом.

В немецкой культуре, наоборот, зеркало отвлекает женщину от важных дел (например, шитья или другой работы по дому), если в него часто или долго смотрятся.

- **Eine Frau, die oft in den Spiegel schaut, spinnt nur wenig⁴**

букв. 'женщина, которая часто смотрится в зеркало, мало прядет'

Пословица порицает привычку женщины любоваться собой в зеркале вместо того, чтобы делать работу. Категория «квалитатив отвлечения от работы».

В немецкой и русской лингвокультурах зеркало встречается в паремиях, которые указывают на ненужные, бессмысленные действия.

- **Was soll dem Blinden ein Spiegel?⁵**

букв. 'зачем слепому зеркало?'

Значение пословицы можно сформулировать так: «Зеркало является инструментом для визуального отражения, поэтому оно не имеет ценности, бесполезно для незрячего человека». Расширение семантики компонента «слепой» приводит к возможности характеристики ситуации как бесполезной, лишенной всякого смысла. Категория «квалитатив ненужности, бесполезности, бессмысленности», ср. рус. Выменял слепой у глухого зеркало на гусли⁶.

Заключение

Проведенный анализ реализации мифологемы «зеркало» в немецких, русских и японских паремиях позволил выявить такие характерные качества, характеристики, закодированные во внутренней форме пословиц и в текстах паремий, как средство трансляции правды, истины, границы между мирами, средство общения с высшими силами и силами зла, а также средство искажения истины и передача недостоверной информации о человеке или действительности. Были выявлены и описаны такие качества мифологемы, связывающие ее с мифом, как сюжетность, ретроспективность, архетипичность и культурная специфика. Мифологема «зеркало» включена в сюжеты паремических текстов как один из ключевых компонентов и способствует развитию концептуальной информации о таком базовом бинарном аксиологическом концепте, как «правда – ложь». Анализ позволил подтвердить, что мифологема «зеркало» реализует свой содержательный потенциал по-разному в сопоставляемых лингвокультурах: в большинстве случаев через анимизм, концептуальную метафору персонификации в немецких пословицах и фразеологизмах передается идея о том, что правда может быть, как объективной, так и субъективной, она имеет человеческую природу и поэтому может быть искажена; через фетишизм, расширение значения примет и пословиц-максим в русских паремиях транслируется необходимость видеть правду, какой бы она не была, и не стараться переложить свою вину на окружающих; в японских пословицах и притчах чаще всего через аллегория, эталоны и символы отражается посыл о необходимости духовного общения человека с Богом, следования правильному образцу и избавления от недостатков. Мифологема в паремиях связана с определенным событием, способствует культурной интерпретации паремических текстов и правильной инференции слушающим интенции говорящего.

⁶Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц. 2010.

¹Handwörterbuch des deutschen Aberglaubens. URL: <https://archive.org/details/handworterbuch-des-deutschen-aberglaubens-vollständig-band-01-bis-10-berlin-1987/page/n3/mode/1up> (дата обращения: 30.09.2025).

²Мещеряков А. Н. Книга японских символов. 2003.

³故事ことわざ辞典. 鈴木棠三・広田栄太郎. 東京堂. 1956 = Словарь пословиц и старинных выражений. 1956.

⁴Байер Х. Немецкие пословицы и поговорки. 1989.

⁵Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Меньшикова Е. Е. Мифологемы Байкала в рекламном туристическом нарративе // Молодой ученый. 2022. № 11 (125). С. 1–4.
2. Бондарев А. П. Мифологемы мифа и типологемы истории // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 114–122.
3. Бочина Т. Г. Пословица на века молвится: избранные труды по русской паремиологии. Казань: Издательство Казанского университета, 2023.
4. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов. М.: Совершенство, 1996.
5. Цветаева Е. Н. Ментально-вербальное воплощение мифологемы «древо» в немецком языке в диахронии / Е. Н. Цветаева, Е. И. Карпенко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 8 (799), С. 181–191.
6. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Прогресс – Культура, 1995.
7. Телия В. Н. Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий. М.: АСТ-Пресс книга, 2006. С. 776–782.
8. Коновалова Н. И. Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 209–215.
9. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
10. Рон М. В. Метаморфозы образа зеркала в истории культуры: автореф. дис.... канд. культурологии. СПб., 2004.
11. Абакумова О. Б. Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб.: Алеф-Пресс, 2013.
12. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
13. Колесникова А. Л. Пословичный концепт «правда / макото» и лингвокультурные коды в русских и японских поговорках / А. Л. Колесникова, О. Б. Абакумова // Славистика (Славяне в контексте мировой культуры). СПб.: Издательско-полиграфическая ассоциация высших учебных заведений, 2025. С. 54–62.

REFERENCES

1. Menshikova, E. E. (2022). Mifologemy Baikala v reklamnom turisticheskom narrative = Mythologemes of Baikal in advertising tourist narrative. *Young Scientist*, 11(125), 1–4. (In Russ.)
2. Bondarev, A. P. (2023). Mifologemy mifa i tipologemy istorii = Mythologemes of myth and typologemes of history. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 13(881), 114–122. (In Russ.)
3. Bochina, T. G. (2023). Poslovitsa na veka molvitsa: izbrannye trudy po russkoi paremiologii = Proverb is spoken for ages: selected works in Russian paremiology. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta. (In Russ.)
4. Jung, K. G. (1996). *Dusha i mif: shest' arhetipov* = Soul and myth: six archetypes. Moscow: Sovershenstvo. (In Russ.)
5. Tsvetaeva, E. N., Karpenko, E. I. (2018). Verbal and Mental Embodiment of the 'Tree' mythologem in German Language (Diachronic Perspective). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 8(799), 181–191. (In Russ.)
6. Toporov, V. N. (1995). *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovania v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* = Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in mythopoetics: Selected works (pp. 776–782). Moscow: Progress–Kultura. (In Russ.)
7. Telia, V. N. (2006). Posleslovije. Zamysel, tseli i zadachi frazeologicheskogo slovaria novogo tipa = Postface. Project, aims and goals of new phraseological dictionary. In *Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenije. Upotreblenije. Kulturologicheskij kommentarij* = Big Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural Commentary. Moscow: AST-Press Kniga. (In Russ.)
8. Konovalova, N. I. (2013). Mifologema kak svernutyj sakral'nyj tekst = Mythologeme as a Concise Sacred Text. *Political Linguistics*, 4, 209–215. (In Russ.)
9. Permyakov, G. L. (1988). *Osnovy strukturnoi paremiologii* = The basics of structural paremiology. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Ron, M. V. (2004). *Metamorfozy obraza zerkala v istorii kul'tury* = metamorphoses of the mirror image in the history of culture: abstract of PhD thesis in culturology. St. Petersburg. (In Russ.)

11. Abakumova, O. B. (2013). Poslovitsy v jazyke, soznanii i kommunikatsii = Proverbs in Language, Consciousness and Communication. St. Petersburg: Aleff-Press. (In Russ.).
12. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). Metaphors we live by. Trans. from Engl. by A. N. Baranov. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
13. Kolesnikova, A. L., Abakumova, O. B. (2025). Poslovichnyj kontsept "pravda/makoto" i lingvokul'turnyje kody v russkikh i japonskikh paremiyakh = Proverbial Concept 'Truth/Makoto' and linguo-cultural codes in Russian and Japanese proverbs. In Slavistika (Slavijane v kontekste mirovoj kul'tury) = Slavistiks (The Slavs in the context of world culture) (pp. 54–62). St. Petersburg: Publishing and Printing Association of Higher Educational Institutions. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Колесникова Анна Леонидовна

старший преподаватель кафедры немецкого языка
Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева
соискатель кафедры английской филологии
Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

Абакумова Ольга Борисовна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры английской филологии
Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kolesnikova Anna Leonidovna

Senior Lecturer at the Department of German Language
Orel State University named after I. S. Turgenev
PhD student of the Department of English Philology
Orel State University named after I. S. Turgenev

Abakumova Olga Borisovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Professor at the Department of English Philology
Orel State University named after I. S. Turgenev

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

02.11.2025
14.12.2025
28.01.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'367.625(417.1)

Конструкции с множественными модальными глаголами как синтактико-дискурсивный феномен (на материале ольстерско-шотландского диалекта)

А. Е. Павленко¹, Н. В. Гукалова²

¹Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Россия, alex_pavlenko@inbox.ru

²Южный федеральный университет, Таганрог, Россия, nadegda-ni@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – оценить конструкции с множественными модальными глаголами в письменной и устной формах ольстерско-шотландского диалекта и возможность их толкования как дискурсивных сигналов. Материалом послужили данные электронного корпуса CoBISE и собранный нами корпус текстов. Использовались методы наблюдения, описания, сравнения, а также метод контент-анализа. Результаты исследования: такие конструкции, как *will can*, *may can*, *can will* и др. отмечаются в обиходной речи, но редки в языке литературы. Функционально и семантически близкая к ним конструкция *will/can maybe do* демонстрирует более высокую частотность в обеих формах. Конструкции с множественными модальными глаголами, а также конструкцию с *maybe* можно охарактеризовать как дискурсивные сигналы, т. е. как явления, выходящие за пределы грамматики предложения и распространяющиеся на грамматику текста.

Ключевые слова: конструкции с множественными модальными глаголами, шотландский язык, ольстерско-шотландский диалект, дискурс, дискурсивный сигнал

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00049, <https://rscf.ru/project/24-28-00049>. Авторы выражают благодарность проф. Т. С. Сорокиной за ценные замечания и рекомендации. Мы также хотели бы выразить благодарность доктору Стивену Коутсу за помощь в доступе к его публикациям по данной проблематике.

Для цитирования: Павленко А. Е. Конструкции с множественными модальными глаголами как синтактико-дискурсивный феномен (на материале ольстерско-шотландского диалекта) / А. Е. Павленко, Н. В. Гукалова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 62–70.

Original article

Multiple Modals as a Phenomenon Between Syntax and Discourse (the evidence of Ulster-Scots)

Alexander E. Pavlenko¹, Nadezhda V. Gukalova²

¹A. P. Chekhov Institute of Taganrog (branch) Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog, Russia alex_pavlenko@inbox.ru

²Southern Federal University, Taganrog, Russia, nadegda-ni@yandex.ru

Abstract. The aim of this study was to estimate the presence of multiple modals in written and spoken Ulster-Scots and their potential for being interpreted as discursive signals. The CoBISE corpus, grammar guides, and a self-compiled corpus of dialect texts served as the material. The methods of observation, description, comparison, and content analysis were used. Results: such combinations as *will can*, *may can*, *can will*, etc. are present in everyday speech but are rare in the language of literature.

The closely related combination *will/can maybe do* demonstrates higher frequency in both forms. Both multiple modals and combinations with *maybe*, can be characterized as discursive signals, i.e. phenomena which extend beyond the grammar of a sentence to that of a text.

Keywords: multiple modals, Ulster-Scots dialect, the Scots language, discourse, discursive signal

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Science Foundation; research project № 24-28-00049, <https://rscf.ru/project/24-28-00049>. We are grateful to Prof. T. S. Sorokina for her valuable comments on a draft version of this article. We would also like to thank Dr. Stephen Coates for his kind assistance in accessing his publications on this topic.

For citation: Pavlenko, A. E., Gukalova, N. V. (2026). Multiple modals as a phenomenon between syntax and discourse (the evidence of Ulster-Scots). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 1(907), 62–70. (In Russ.)

Введение

Конструкции с множественными модальными глаголами (далее КММГ) – *will can, will could, may can, might could, can will, could will* и др. – представляют собой известную особенность некоторых вариантов шотландского (Scots) и английского языков. Главной проблемой в изучении КММГ является то обстоятельство, что коммуникативные ситуации, в которых можно ожидать использования КММГ, относительно редки, что обуславливает низкую частотность данного явления в устной и письменной речи. Новизна исследования обусловлена тем, что на территории Британских островов в различных вариантах указанных языков (включая ольстерско-шотландский / Ulster-Scots) КММГ изучены меньше, чем в американском английском, и существуют многочисленные лакуны в их описании. Недостаточно описаны их генезис, ареал распространения, синтаксические особенности, семантика, прагматистические стратегии использования и сама номенклатура подобных конструкций [Nagle, 2003]. Насколько нам известно, не предпринималось ранее и попыток описания КММГ как межуровневого явления с акцентом на его дикурсивную природу.

Что касается описания КММГ исключительно в ольстерско-шотландском диалекте, этой проблеме до сих пор была посвящена всего одна работа, в которой кратко освещается история вопроса, упоминаются доступные первичные источники и намечаются возможные пути дальнейших исследований [Павленко, 2025]. Кроме того, присутствие КММГ в североирландском материале в целом, без разделения его на ирландский английский и ольстерско-шотландский, кратко рассматривает С. Коутс [Coats, 2023]. Такая недостаточная изученность данного явления в ольстерско-шотландском диалекте, наряду с высоким интересом к последнему, вызванным существенными

изменениями в общественной жизни Северной Ирландии после подписания Белфастского соглашения в 1998 году, и обуславливает актуальность нашего исследования.

С точки зрения лингвистической прагматики КММГ (по крайней мере, значительная их часть) употребляются для осторожного и деликатного выражения своих желаний или оценок, а также при стремлении произвести благоприятное впечатление на адресата. Природу данной особенности исследователи пытались истолковать как явление лексико-грамматического характера, причем одни выделяли его грамматическую составляющую, а другие – лексическую [Falk, 1984; Boertien, 1986; Di Paolo, 1989].

Представляется, однако, что КММГ имеют более сложную межуровневую природу и должны рассматриваться не только как синтаксические конструкции, но и как явления уровня дискурса, в духе представлений о взаимодействии и взаимозависимости грамматики предложения и грамматики текста [On the rise of discourse markers, 2021]. КММГ имеют не только лексико-грамматическое, но и дискурсивное измерение, в силу мотивированности их использования и роли в построении текста.

Исходя из вышеизложенного, был поставлен ряд задач:

- 1) провести оценку и поиск первичных источников, исследование которых могло бы продемонстрировать роль и место КММГ в письменной и устной формах ольстерско-шотландского диалекта; определить круг доступных первичных источников, к которым были отнесены научные работы, содержащие данные количественного и качественного характера, учебно-справочные грамматические описания и массив художественных и нехудожественных текстов, репрезентирующих как устную,

- так и письменную формы ольстерско-шотландского диалекта;
- 2) отобрать корпус художественных и нехудожественных текстов (отрывков текстов) объемом более 400 тыс. токенов, написанных на ольстерско-шотландском диалекте;
  - 3) провести сплошную выборку указанных конструкций с модальными глаголами и выявить примеры с ними;
  - 4) проанализировать количественные и качественные параметры данных выборки и оценить их способность передавать реальную картину бытования КММГ в письменной и устной формах ольстерско-шотландского диалекта;
  - 5) определить содержание понятия «дискурсивный сигнал» и предпринять попытку соотнести его с феноменом КММГ.

При решении этих задач использовались методы наблюдения, сплошной выборки, описания, сравнения, а также элементы количественного и качественного контент-анализа.

В статье предпринимается попытка охарактеризовать феномен КММГ и дать его истолкование в терминах дискурса на материале использования КММГ в рассматриваемом идиоме в том виде, как он представлен в имеющихся его описаниях, а также на материале отобранного нами корпуса аутентичных текстов.

Особенности употребления конструкций с множественными модальными глаголами в ольстерско-шотландском диалекте

В последние годы появляются новые виды источников, позволяющих изучать различные аспекты естественной устной речи представителей различных регионов Британских островов, входящих в состав Соединенного Королевства и Ирландской Республики. К таким источникам относится Корпус разговорного английского языка Британских островов (the Corpus of British Isles Spoken English – CoBISE), представляющий собой собрание текстов геолоцированных и расшифрованных видеозаписей заседаний местных органов власти Великобритании и Ирландии (см. [Coats, 2022; Coats, 2023])¹.

С. Коутс указывает, что в текстах расшифровок видеозаписей заседаний местных советов Северной Ирландии было выявлено всего девять примеров подобных конструкций. К сожалению,

¹К сожалению, данный ресурс в настоящее время недоступен с территории России, однако значимые его данные содержатся в некоторых недавних публикациях.

большинство (восемь) примеров недоступно, так как в период между 2019 и 2021 годами соответствующие видеозаписи, по его словам, были объявлены объектами собственности [Coats, 2023]. Данные КММГ представлены почти исключительно конструкциями с первым элементом *will/ll – would/d: will/ll can, will/ll could, will/ll would, would may*. Каждая из упомянутых конструкций встречается в североирландском субкорпусе CoBISE всего 2 раза [там же]. Кроме того, однократно встречается конструкция *can will*.

Отмечается, что в североирландском субкорпусе КММГ менее частотны, чем в других его субкорпусах. Дальнейшее расширение этого субкорпуса может обеспечить исследователей новыми данными. Примеров, на основе которых можно было бы судить о функционировании КММГ как на уровне предложения, так и на уровне дискурса, Коутс не приводит. Он также указывает, что по доступным ему данным корпуса CoBISE, общая частотность КММГ в североирландском субкорпусе на 1 млн слов составляет 1,38 [там же]. Это наименьшее значение по сравнению с субкорпусами остальных британских регионов, из которых максимальное значение предсказуемо демонстрирует Шотландия – 2,4 – хотя на втором месте, весьма неожиданно и с небольшим отрывом, оказывается Уэльс [там же].

Таблица 1

Северная Ирландия – типы КММГ²

Тип КММГ	Количество токенов
<i>will/ll can, will/ll could, will/ll would, would may</i>	по 2 токена на каждый тип КММГ
<i>can will</i>	1

Следует отметить, что корпус CoBISE рассматривает разговорный английский во всем его территориальном многообразии в том виде, в котором он может быть представлен в официальной обстановке заседаний британских и ирландских местных советов. В условиях диалектного континуума, существующего на территории Северной Ирландии (как, впрочем, и ряда других регионов), трудно точно охарактеризовать полученные из упомянутого корпуса примеры КММГ (когда они будут доступны) и уже имеющиеся количественные данные как относящиеся к ольстерско-шотландскому диалекту или к каким-либо вариантам ольстерского английского. Однако этот корпус во многом мог бы прояснить и уже проясняет общую картину употребления КММГ в разговорной речи.

²Прив. по: [Coats, 2023, с. 705].

Главный вывод, следующий из ознакомления с таблицей 1, заключается в том, что КММГ до сих пор присутствуют в речи жителей Северной Ирландии, что эти конструкции относительно мало частотны, а набор их типов на современном этапе, по всей вероятности, невелик.

Описывая употребление КММГ в Северной Ирландии, мы уже прибегали к данным учебно-справочной грамматики «Ulster-Scots: a grammar of the traditional written and spoken language» (1997)¹. В нашем распоряжении имеется еще один источник подобного рода – грамматический справочник «Ulster Scots: a short reference grammar» Й. Дж. Парсли².

Й. Парсли отмечает, что в ольстерско-шотландского диалекте модальные глаголы *dowe* и *may* были вытеснены глаголами *can* и *could*. При этом *micht* сохраняется, но на современном этапе в устной и письменной формах диалекта он подвергся переосмыслению в качестве наречия. Модальный глагол *ocht tae* исчез во всех вариантах разговорного шотландского языка и был заменен глаголом *sud*³. Параграф 5.14 данной грамматики посвящен конструкциям с двойными модальными глаголами и в нем констатируется тот факт, что совместное употребление двух модальных глаголов в шотландском языке (очевидно, подразумевается его ольстерский вариант. – А. П., Н. Г.) возможно. В большинстве случаев в качестве первого элемента таких сочетаний выступают глаголы *sud*, *wad* или *will*, а в качестве второго – *can*, *daur*, *maun* или *need*, например:

He sud can be thaer.

Gif she canna mynd it, she wad maun wryt it out (англ. 'If she cannot remember it, she would have to write it down').

He wad daur cum ower, an her heir (англ. 'He would dare to come over, if she were here').

He will can dae it neist week (англ. 'He will be able to do it next week').

He will need tak it suin (англ. 'He will be wanting to take it soon' / 'He will be better taking it soon')⁴.

Й. Парсли полагает, что в Ольстере использование конструкций с двойными модальными глаголами переживает упадок, однако оно является примечательной и полезной местной особенностью⁵ грамматики шотландского языка и может использоваться во всех жанрах письменной речи. Он

¹Robinson P. S. Ulster-Scots: a grammar of the traditional written and spoken language. Belfast: Ullans Press, 1997.

²Parsley I. J. Ulster Scots: a short reference grammar. Bangor: Ultonia Publishing, 2012.

³Там же.

⁴Parsley I. J. Ulster Scots. 2012. С. 101.

⁵Букв. 'useful'(). – А. П. и Н. Г.

добавляет, что, являясь аграмматичными в большинстве диалектов английского языка, двойные модальные глаголы, тем не менее, представляют собой характерную особенность диалектов Северной Англии и региона Аппалачей в США. Перевод их на английский язык (имеется в виду литературный его вариант. – А. П., Н. Г.) обычно требует замены второго модального глагола на немодальный глагол [там же].

Любопытна и симптоматична характеристика КММГ в ольстерско-шотландском диалекте, как «примечательных и полезных» конструкций, данная Й. Парсли. Констатируя факт их упадка в разговорной речи, этот автор, являющийся языковым активистом, демонстрирует заинтересованный и конструктивный подход к данной особенности. Такое позитивное отношение к КММГ само по себе является социолингвистическим фактом, заслуживающим внимания.

Составив некоторое представление об особенностях КММГ в ольстерско-шотландском диалекте по данным вышеупомянутых работ мы решили выяснить в какой степени она встречается в языке североирландской художественной литературы. Для этого нами был собран корпус текстов, написанных на ольстерско-шотландском диалекте, объемом около 401 100 слов. В него вошли следующие источники, отражающие ольстерско-шотландскую литературную традицию за четыре века ее существования:

- 1) антология «Ulster-Scots Writing: an Antology», 2008 год (ред. Ф. Фергюсон), включающая 39 поэтических текстов и отрывков прозы, отражающих ольстерско-шотландскую литературную традицию с XVII по XXI век (около 308 160 слов);
- 2) исторический роман У. Дж. Литтла «Бетси Грей или сердца Дауна» («Betsy Gray or Hearts of Down»), написанный в духе шотландской «Огородной школы» в 1896 году (около 56 541 слов);
- 3) подборка поэзии, отрывков прозы и драматургии XIX–XX веков на ольстерско-шотландском диалекте, составленная У. Хатчинсоном в 2013 году⁶ (около 5 153 слов);
- 4) сборник поэзии ольстерского поэта и лингвиста Дж. Фентона «Thonner an thon: an Ulster-Scots collection», включающий 39 стихотворений и 3 отрывка прозы (около 5 971 слов);
- 5) расшифровки аудиозаписей речи пожилых носителей ольстерско-шотландского диалекта, размещенных на

⁶Hutchinson W. (selection and commentary). A Selection of Ulster-Scots writing // Études Irlandaises. 2013. Vol. 38-2. URL: <http://journals.openedition.org/etudesirlandaises/3689> (дата обращения: 17.06.2025).

сайте Ольстерско-шотландской Академии¹ (21 текст, по форме и содержанию, относящиеся к воспоминаниям, повествованию или сказу и декламации поэзии, около 25 280 слов).

Тексты корпуса – проза и поэзия, а также расшифровки устной речи – были подвергнуты сплошной выборке с целью выявления КММГ в том виде, как они описаны в литературе. Симптоматично то, что таким образом удалось найти всего один пример, который можно охарактеризовать как КММГ – *could (never) will*. Он был обнаружен в тексте стихотворения североирландской поэтессы начала XIX века Сары Лич «Об убийстве мыши во время жатвы», в котором автор вступает в диалог с Р. Бернсом по мотивам его широко известного стихотворения «К мыши»:

Poor feckless thing, why did I kill thee?
The muse sic death *could never will* thee –
When some few grains o' oats wad fill thee...
The lib'ral lan' Has often left an ear o't till thee ...
(*Ulster-Scots writing, 2008, p. 207*).

Бедное беспомощное создание, зачем же я тебя
убила?
Муза *никогда не могла бы пожелать* тебе такой
смерти –
Тем более, что всего несколько овсяных зерен тебя
бы насытили...
Свободная земля часто оставляет тебе колосок...²

В данном примере *could* представляет собой эпистемический модальный глагол, характеризующийся семой «возможность». *Will* в том же примере представляет собой деонтический модальный глагол с семами «намерения», «желания» или «готовности». Данная КММГ использована с отрицательным наречием *never* и ее русским эквивалентом в данном случае является (*никогда не*) *могла бы пожелать (тебе)*. Любопытно, что найденный нами пример соотносится с КММГ *can will*, отмеченным С. Коутсом в североирландских источниках, что, вероятно, подтверждает жизнеспособность данной конструкции [Coats, 2023].

Очевидно, что в данном случае КММГ *could... will* используется автором как выразительное средство, о чем свидетельствует выбор архаичного полнозначного лексико-семантического варианта глагола *will*, характеризующегося семами «намерения», «желания» или «готовности», который гармонично сочетается со столь же архаичной формой

косвенного местоимения 2-го лица ед. ч. *thee*. КММГ *could... will* выступает в качестве средства обеспечивающего прагмастилистическую цельность данного поэтического текста, помогая автору в намеренной его архаизации.

Каких-либо других КММГ в собранном корпусе нам не встретилось ни в текстах художественной прозы, изобилующих отрывками прямой речи персонажей, ни в изученных расшифровках аудиозаписей речи старожилов-носителей диалекта. Этот факт, по крайней мере, косвенно, свидетельствует о крайне низкой частотности КММГ и о немногочисленности ситуаций и контекстов, в которых их можно было бы ожидать. Это говорит о том, что североирландские авторы либо не считают КММГ характерным для ольстерско-шотландского диалекта явлением, либо воспринимают его как стигматизированную и непристижную особенность просторечия и всячески избегают их использования.

Конструкции, подобные *will dare to do* мы здесь игнорируем как в равной степени грамматичные и для шотландского языка, и для литературного английского, хотя по своей природе они также могут быть отнесены к КММГ, например:

Nae man that kens ye will dare to charge ye wi' even
pretendin' kindness an' respect... (*Ulster-Scots writing, 2008, p. 266*).

Собранный нами материал подтверждает приведенные в упомянутых справочно-учебных грамматиках сведения о том, что в ольстерско-шотландском диалекте сравнительно широко распространены сочетания модальных глаголов *will, would, may, might* с модальным словом *maybe*, которое в письменных источниках имеет несколько вариантов написания, например:

1. For then I could baith write and spell, An' speak, and leuk, grammatical, Av' would sic rhyming blethers tell *T ween truth and lies, As Maister Dick, or e'en yoursel'; Might may-be please (*Ulster-Scots writing, 2008, p. 129*).
2. You would may be seek anither (*Ulster-Scots writing, 2008, c. 159*).
3. Wow, but says I, Tam's writin an' my inditin', may maybe mak bad waur (*Ulster-Scots writing, 2008, p. 259*).
4. I hadna thocht my puir letter wad be sae speedily effectwal; but sin' it has been sae, ye'll maybe prent it (*Ulster-Scots writing, 2008, p. 267*).

Мы отмечаем этот факт, в связи с тем что модальное слово *maybe* выполняет те же функции, что и начальный модальный глагол *may / might* в

¹Transcripts of the audio samples of old-age Ulster-Scots speakers provided by Ulster-Scots Academy. URL: <http://www.ulsterscotsacademy.com/audio/index.php> (дата обращения: 20.06.2025).

²Здесь и далее перевод наш. – Авт.

КММГ и можно предположить, что сочетания *модальный глагол + модальный глагол + инфинитив* и *модальный глагол + наречие maybe + инфинитив* являются взаимозаменяемыми и конкурирующими употреблениями, что требует отдельного рассмотрения и проверки.

КММГ как подтип дискурсивного сигнала

Как уже отмечалось, КММГ имеют межуровневую природу и представляют собой синтактико-дискурсивное явление. Они служат примером того, как в рамках отдельно взятого коммуникативного акта принципы, присущие всем непосредственно вовлеченным уровням языка, тесно взаимодействуют, а вовсе не функционируют «по очереди» при переходе с одного уровня на другой [Haselow, 2021].

В связи с вышесказанным представляется целесообразным использовать по отношению к сочетаниям *модальный глагол + модальный глагол + инфинитив* (равно как и *модальный глагол + maybe + инфинитив*) обобщенное понятие «дискурсивный сигнал» (ДС), предложенное К. Баццанеллой, которое она определяет как: «...те элементы, которые, отчасти лишаясь своего изначального значения, принимают значения, необходимые для того, чтобы подчеркнуть структурированность дискурса, соединить между собой фразовые, внутрифразовые, межфразовые и надфразовые элементы и эксплицитировать положение высказывания в межличностном пространстве, выявляя интерактивность структуры текста» [Bazzanella, 1995, с. 225].

По-видимому, все КММГ в той или иной степени не являются нейтральными в прагмастилистическом плане и выступают в качестве дискурсивных сигналов. Представляется, однако, что КММГ неравнозначны с точки зрения их вовлеченности в организацию дискурса, т. е. *выполнения / невыполнения функций дискурсивных сигналов*.

Вероятно, к дискурсивным сигналам можно отнести и большинство конструкций с первым элементом *will*, например: *will can*, где *will* выступает в качестве десемантизированного вспомогательного глагола будущего времени. Напомним, что С. Коутс говорит о реальном присутствии конструкций с *will / would* в разговорной речи на территории Северной Ирландии [Coats, 2023].

Мотивация выбора формы *will can do* вместо литературной *will be able to do* может быть двоякой. Во-первых, в ее основе может лежать так называемая экономия языковых средств, а именно: выбор в пользу одного слова (т. е. *can*) вместо трех (т. е. *be able to*); во-вторых, прагмастилистические

характеристики КММГ, обусловленные ее статусом в устной речи в данном ареале¹. Использование КММГ, по-видимому, сигнализирует о стремлении говорящего к тому, чтобы его речь звучала «проще», привычнее и доверительнее, что должно вызвать у адресата благоприятный отклик. В целом, конструкцию *will + модальный глагол + смысловой глагол* можно охарактеризовать как территориальный вариант формы будущего времени, выступающей как дискурсивный сигнал. Очевидно, что восприятие конструкций *will can do* и *will be able to do* слушателем не является одинаковым. Другие, в том числе более сложные, прагмастилистические задачи, вероятно, решаются с помощью иных, «специализированных», КММГ.

На основе собранных данных можно сделать некоторые предположения. Многие дискурсивные сигналы представлены наречиями и / или модальными словами и конструкциями, в состав которых последние входят. Но явления просторечия и других нелитературных вариантов английского языка, а также идиомов, составляющих англо-шотландский континуум, до сих пор мало попадали в сферу внимания специалистов в области дискурса. Между тем в подобных идиомах могут встречаться и, в действительности, встречаются, дискурсивные сигналы, нехарактерные и / или аграмматичные для нормы. К таким дискурсивным сигналам можно отнести КММГ и сочетания типа *модальный глагол + maybe + инфинитив*, которые представляют собой явления сходные и взаимозаменяемые в функционально-семантическом плане.

По всей видимости, по своей природе эти употребления находятся друг к другу ближе, чем принято думать. Действительно, сочетания *may + can + do* и *can + maybe + do* в функционально-семантическом плане максимально близки. Можно, также, предположить, что модальный глагол *may* в КММГ подвергся переосмыслению и фактически используется как наречие или модальное слово.

Согласно сложившимся представлениям, типичные и общепризнанные дискурсивные сигналы – это функционально, семантически и просодически обособленные элементы в составе предложения, тогда как КММГ фактически представляют собой (по крайней мере, внешне) составное глагольное сказуемое, осложненное еще одним модальным глаголом (редко, двумя). Существование синонимичных КММГ сочетаний с модальным словом *maybe* подчеркивает дискурсивную природу КММГ и наводит на мысль о том, что «дополнительный» модальный глагол в их составе, действительно, мог

¹Так принято или не принято говорить в определенном наборе ситуаций.

подвергнуться переосмыслению, например, как модальное слово.

Знакомство с КММГ на материале шотландского языка, включая его североирландский вариант, подтверждает тот факт, что КММГ – это сложное и многообразное явление, а составляющие его языковые единицы демонстрируют слишком существенные отличия в функциональном и семантическом плане, чтобы дать им единую и однозначную характеристику в дискурсивном, прагматическом и социолингвистическом ключе. Повторим, что в этой связи нам на помощь приходит понятие «дискурсивный сигнал», удачно описывающее все разновидности КММГ как явление, по своей природе выходящее за пределы грамматики предложения и распространяющееся на дискурс. Как указывают К. Федриани и А. Сансó [Fedriani, 2017], дискурсивные сигналы представляют собой «гетерогенный класс элементов, выражающих различные процедурные значения в межличностном, текстуальном и субъективном планах» [Бонола, 2020, с.138]. Причем, согласно этим авторам, к дискурсивным сигналам можно отнести прагматические маркеры – *please, danke, if I may*; дискурсивные маркеры – *but, anyway, still* и модальные частицы – *ja, eben, doch* [там же, с. 139].

Ключевым моментом данной классификации дискурсивных сигналов является то, что объединяемые в рамках данного понятия упомянутые выше категории не являются четко разграниченными группами, а скорее представляют собой череду переходов или континуум [там же]. При этом ряд свойств оказывается общим для всех трех разновидностей дискурсивных сигналов, а именно: для дискурсивных маркеров, прагматических маркеров и модальных частиц, в равной степени оказываются характерны отсутствие истинностного значения, процессуальные функции, зависимость от сферы действия, полифункциональность, вариативность позиции, специфические интонационные контуры

[там же]. Думается, что в качестве субкатегории дискурсивных маркеров, возможно, с некоторыми ограничениями, необходимо рассмотреть и КММГ, а также упомянутые конструкции с модальным словом *maybe*, которые никогда ранее не описывались в терминах дискурса.

Заключение

Можно констатировать, что дискурсивные сигналы изучались до сих пор преимущественно на материале литературной нормы английского и других языков, а материал просторечия, территориальных диалектов, региональных и миноритарных языков привлекался мало. Между тем, системы этих идиомов содержат некоторые особенности, которые способны расширить наши представления о природе дискурсивных сигналов. Одной из таких черт, по-видимому, являются КММГ – феномен территориальной и социальной вариативности, у которого было относительно меньше шансов попасть в поле зрения специалистов в области изучения дискурса, чем у особенностей литературной нормы.

Думается, что в дальнейшем исследования КММГ, рассматриваемых как самостоятельный подтип дискурсивных сигналов, можно посвятить их индивидуальному описанию и определению их статуса в рамках данной группы функционально близких единиц и / или комплексов, а также выяснению его возможной роли в организации дискурса. Не исключено, что некоторые «дополнительные» модальные глаголы, подвергшиеся переосмыслению в составе КММГ, могут быть охарактеризованы, например, как модальные слова или модальные частицы. Данное явление должно быть изучено более глубоко также в типологическом и в сравнительно-историческом ключе, чтобы лучше уяснить его природу и описать аналоги в родственных и неродственных языках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nagle S. Double Modals in the Southern United States: Syntactic Structure or Syntactic Structures? // *Modality in Contemporary English. Topics in English Linguistics* / ed. by R. Facchinetti, M. G. Krug, F. R. Palmer. Berlin – New York: De Gruyter Mouton, 2003. Vol. 44. P. 349–371.
2. Павленко А. Е. Множественные модальные глаголы в ольстерско-шотландском диалекте – желаемое или действительное? (в поисках подхода к проблеме) / А. Е. Павленко, Н. В. Гукалова // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2025. № 4 (898). С. 70–75.
3. Coats S. Double modals in contemporary British and Irish speech // *English Language and Linguistics*. 2023. № 27 (4). P. 693–718.
4. Falk Ye. N. The English Auxiliary System: a lexical functional analysis // *Language*. 1984. № 60. P. 483–509.
5. Boertien H. S. Constituent structure of double modals // *Language Variety in the South: Perspectives in Balack and White* / Ed. by M. B. Montgomery, G. Bailey. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1986. P. 294–318.
6. Di Paolo M. Double modals as single lexical items // *American Speech*. 1989. № 64. P. 195–224.

7. On the rise of discourse markers // B. Heine, G. Kaltenböck, T. Kuteva, H. Long // *Studies at the Grammar-Discourse Interface. Discourse markers and discourse-related grammatical phenomena*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. Vol. 219. P. 23–55. (Studies in Language Companion Series (SLCS))
8. Coats S. The Corpus of British Isles Spoken English (CoBISE). A New Resource of Contemporary British and Irish Speech // *2022 Digital Humanities in the Nordic and Baltic Countries Publications*. Uppsala, March 15–18, 2022. P. 187–194.
9. Lyttle W. G. *Betsy Gray or Hearts of Down*. Newcastle Co. Down, N. Ireland: Mourne Observer Ltd. Printers and Publishers, 1896.
10. Fenton J. *Thonner an thon: an Ulster-Scots collection*. Belfast: The Ullans Press, 2000.
11. Haselow A. Grammar, discourse, and the grammar-discourse interface / A. Haselow, S. Hancil // *Studies at the Grammar-Discourse Interface. Discourse markers and discourse-related grammatical phenomena*. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. Vol. 219. P. 1–20. (Studies in Language Companion Series (SLCS))
12. Bazzanella C. I segnali discorsivi // *Grande grammatica italiana di consultazione: 3 voll.* / (a cura di) L. Renzi, G. Salvi, A. Cardinaletti. Bologna: il Mulino, 1995. Vol. 3. Tipi di frase, deissi, formazione delle parole. P. 225–257.
13. Fedriani C. Introduction. Pragmatic markers, discourse markers and modal particles. What do we know and where do we go from here? / C. Fedriani, A. Sansò // *Pragmatic markers, discourse markers and modal particles. New perspectives*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017. P. 1–33.
14. Бонола А. Изучение дискурсивных и прагматических маркеров в итальянской лингвистике: направления и методы / А. Бонола, Н. Стоянова // *Вопросы языкознания*. 2020. № 1. С. 124–147.

REFERENCES

1. Nagle, S. (2003). Double modals in the southern United States: Syntactic structure or syntactic structures? In *Modality in Contemporary English* (pp. 349–372). Berlin – Boston: De Gruyter Mouton.
2. Pavlenko, A. E., Gukalova, N. V. (2025). Multiple Modals in Ulster-Scots – Wishful Thinking or Reality? (In Search of an Approach to the Problem). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(898), 70–75. (In Russ.)
3. Coats, S. (2023). Double modals in contemporary British and Irish speech. *English Language and Linguistics*, 27(4), 693–718.
4. Falk, Ye. N. (1984). The English Auxiliary System: a lexical functional analysis. *Language*, 60, 483–509.
5. Boertien, H. S. (1986). Constituent structure of double modals. In *Language Variety in the South: Perspectives in Balack and White* (pp. 294–318). Tuscaloosa, AL: University of Alabama Press.
6. Di Paolo, M. (1984). Double modals as single lexical items. *American Speech*, 64, 195–224.
7. Heine, B., Kaltenböck, G., Kuteva, T., Long, H. (2021). On the rise of discourse markers. *Studies at the Grammar-Discourse Interface. Discourse markers and discourse-related grammatical phenomena*. Studies in Language Companion Series (SLCS), 219, 23–55.
8. Coats, S. (2022). The Corpus of British Isles Spoken English (CoBISE). A new resource of contemporary British and Irish speech. In *2022 Digital Humanities in the Nordic and Baltic Countries Publications* (pp. 187–194): proceedings of the 6th Digital Humanities in the Nordic and Baltic Countries Conference (DHN2022). Uppsala.
9. Lyttle, W. G. (1896). *Betsy Gray or Hearts of Down*. Newcastle Co. Down, N. Ireland: Mourne Observer Ltd. Printers and Publishers.
10. Fenton, James. (2000). *Thonneran thon: an Ulster-Scots collection*. Belfast: The Ullans Press.
11. Haselow, A., Hancil, S. (2021). Grammar, discourse, and the grammar-discourse interface. *Studies at the Grammar-Discourse Interface. Discourse markers and discourse-related grammatical phenomena*. Studies in Language Companion Series (SLCS), 219, 1–20.
12. Bazzanella, C. (1995). I segnali discorsivi. In *Grande grammatica italiana di consultazione* (vol. 3. Tipi di frase, deissi, formazione delle parole): in 3 vols. Bologna: il Mulino.
13. Fedriani, C., Sansò, A. (2017). Introduction. Pragmatic markers, discourse markers and modal particles. What do we know and where do we go from here? In *Pragmatic markers, discourse markers and modal particles. New perspectives* (pp. 1–33). Amsterdam: John Benjamins.
14. Bonola, A., Stoyanova, N. (2020). Discourse and pragmatic markers in Italian linguistics: Trends and methods. *Voprosy Jazykoznanija*, 1, 124–147. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ**Павленко Александр Евгеньевич**

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры английского языка Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиал)
 Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Гукалова Надежда Владимировна

ассистент Института компьютерных технологий и информационной безопасности
 Южного федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS**Pavlenko Aleksandr Evgen'evich**

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
 Professor at the Department of English Philology
 A. P. Chekhov Institute of Taganrog (branch) of Rostov State University of Economics "(RINH)"

Gukalova Nadezhda Vladimirovna

Lecturer at the Institute of Computer Technology and Information Security
 Southern Federal University

Статья поступила в редакцию	11.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	19.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Музыка и театр как сферы-источники формирования лексикона визуального искусства в современном немецкоязычном искусствоведческом дискурсе

Т. С. Поздеева

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
tanyablago00@mail.ru*

Аннотация. Цель исследования – выявить и проанализировать лексические единицы из области музыки и театра, используемые в текстах о визуальном искусстве (живописи, скульптуре, архитектуре). Для обнаружения соответствующих языковых единиц применены методы контекстуального и компонентного анализа. Материалом для исследования послужили современные научно-популярные и публицистические искусствоведческие тексты на немецком языке. Научная новизна заключается в рассмотрении лексикона визуального искусства как отдельной лексической подсистемы с позиции системного подхода. В результате исследования было установлено, что интеграция лексики из области аудиальных и синтетических видов искусства в лексикон визуального искусства – процесс закономерный и продуктивный. Переход лексических единиц происходит в результате семантической деривации, а цель такого трансфера – реализация идеи динамизма и драматизма и преодоление статичности визуального искусства.

Ключевые слова: лексикон визуального искусства, музыка, театр, семантическая деривация, расширение значения, метафорический перенос, искусствоведческий дискурс

Для цитирования: Поздеева Т. С. Музыка и театр как сферы-источники формирования лексикона визуального искусства в современном немецкоязычном искусствоведческом дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 71–77.

Original article

Music and Theatre as Sources of Formation of the Lexicon of Visual Art in Modern German-Language Art Discourse

Tatiana S. Pozdeeva

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
tanyablago00@mail.ru*

Abstract. The purpose of the study is to identify and analyze lexical units from the musical and theatrical fields used in texts about visual art (painting, sculpture, architecture). The methods of contextual and component analysis were used to identify the relevant lexical units. The research material includes contemporary popular science and media texts in German about art. The scientific novelty lies in the consideration of the lexicon of visual art as a separate lexical subsystem from the perspective of a systematic approach. The study reveals that the integration of lexical units serving auditory and synthetic arts into the lexicon of visual art is a natural and productive process. The transition of lexical units occurs in the process of semantic derivation, and the goal of this transfer is to implement the idea of dynamism and dramatic tension and overcome the static nature of visual art.

Keywords: lexicon of visual art, music, theater, semantic derivation, expansion of meaning, metaphorical transfer, art discourse

For citation: Pozdeeva, T. S. (2026). Music and theatre as sources of formation of the lexicon of visual art in modern German-language art discourse. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 1(907), 71–77. (In Russ.)

Введение

В результате постоянного развития информационно-коммуникационных технологий и вследствие визуального поворота в современном обществе возрастает роль зрительно воспринимаемой информации и вместе с этим визуального искусства, воплощающегося в визуальных образах, главенствующая роль которых в развитии современной культуры и искусства всё чаще отмечается исследователями: визуальность воспринимается как «базовый модус существования» человеческой культуры, а не просто как дополнение к вербальным формам репрезентации мира [Дроздова, 2017, с. 3].

В связи с этим особенно динамично и разнопланово развивается лексикон визуального искусства, средствами которого в различных текстах описываются, характеризуются и интерпретируются произведения соответствующих видов искусства, что определяет актуальность исследования его структуры, содержания, функций и динамики развития. Разработке данных проблем посвящены современные научные исследования немецкоязычного искусствоведческого дискурса [Жаркова, 2011], семантических процессов в языке искусства [Мальцева, 2023; Мальцева, 2025], межсистемного заимствования лексем [Вицинская, 2009].

Особый интерес для рассмотрения представляют языковые единицы в составе этого лексикона, источник которых не визуальное искусство, а иные сферы знания или деятельности. Их выявление и анализ составляют цель исследования, что предполагает решение следующих задач:

- определить понятие «лексикон»;
- определить предметную область лексикона визуального искусства;
- методами контекстуального и компонентного анализа выявить в немецкоязычных искусствоведческих текстах о визуальном искусстве лексические единицы, относящиеся к семантическим полям «Театр» и «Музыка»;
- проанализировать выявленные языковые единицы и определить причины, пути и цели их перехода в лексикон визуального искусства.

Источниками материала для исследования послужили современные научно-популярные и публицистические немецкоязычные тексты о визуальном искусстве (статьи в искусствоведческих журналах, научно-популярные книги об искусстве) общим объемом более 500 страниц, из которых было отобрано более 50 контекстов с искомыми языковыми единицами.

Практическая значимость исследования структуры лексикона визуального искусства состоит в возможности применения материалов

и результатов исследования в преподавании немецкого языка, при переводе искусствоведческих текстов, при составлении описаний произведений искусства на немецком языке. Кроме того, материалы статьи могут быть использованы в качестве основы для разработки специализированного двуязычного глоссария, в котором будут систематизированы случаи перехода лексических единиц из разных сфер в лексикон визуального искусства.

Понятие лексикона

Традиционно под лексиконом в широком смысле понимается вся совокупность слов, входящих в состав какого-либо языка. В более узком смысле лексиконом называется совокупность слов, лексика, характерная для какой-либо сферы применения¹.

Так, можно говорить о политическом, научном, философском, военном и многих других видах лексикона. При этом лексикон является не просто списком слов, это сложная изменяющаяся система. Согласно Ю. Н. Караулову, лексикон представляет собой «вербальную сеть», в узлах которой находятся слова, а в связях – отношения между ними, отражающие структуру знаний носителей языка [Караулов, 1987].

В данном исследовании рассматривается лексикон визуального искусства, который представляет собой совокупность лексических единиц, характерных для коммуникации любого вида о визуальном искусстве в рамках искусствоведческого дискурса.

С позиции системного подхода лексикон имеет полевою структуру, соответственно, в нем можно выделить ядро и периферию [Полевые структуры в системе языка, 1989]. Ядро содержит лексику, наиболее приближенную к понятийному признаку; периферия, в свою очередь, является «зоной взаимного наложения и взаимодействия полей» [Якимов, 2011, с. 598]. На периферии находятся лексические единицы, которые могут одновременно относиться к другим семантическим полям. Важно отметить, что в пространстве лексикона нет строгих границ, так как оно состоит из явлений, способных к взаимопроникновению.

В лексиконе визуального искусства в ядро входят лексемы, основное значение которых напрямую связано с визуальным искусством (картина, скульптура, живопись, пейзаж, натюрморт, рельеф, барельеф, перспектива, цвет и т. д.). Периферия включает в себя единицы, значение которых в первую очередь отражает другие области, однако эти единицы используются и для описания произведений визуального искусства в текстах соответствующей тематики.

¹Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Виды искусства как предметные области лексикона

В искусствоведческой литературе существуют различные устоявшиеся классификации и типологии видов искусства, разделяющие их по тем или иным признакам. Так, по онтологическим признакам выделяются пространственные, временные и пространственно-временные виды искусства, по типу используемой знаковой системы – изобразительные, неизобразительные и смешанные [Лавринова, 2010]. Начиная с XX века всё более широкое распространение получает классификация видов искусства в зависимости от способа их чувственного восприятия реципиентом. В качестве причин этого искусствоведы отмечают «антропоцентричность современной культуры», ее превращение в культуру «чувственного типа», развитие цифровых технологий [Ковалева, 2018, с. 9]. В рамках данной классификации выделяются визуальные, аудиальные и синтетические виды искусства.

Визуальные искусства – это те виды искусства, которые воплощаются в реальных зрительно воспринимаемых образах и не подразумевают аудиального сопровождения. К ним относятся живопись, скульптура, графика (классические изобразительные искусства), архитектура, фотография, дизайн и некоторые другие виды современного искусства. Аудиальными называются те виды искусства, которые воспринимаются или могут восприниматься на слух: музыка и литература. К синтетическим относятся виды искусства, которые объединяют в себе аудиальные и визуальные составляющие. Таковыми являются, например, театр и кинематограф. Каждому из видов искусства соответствуют определенные группы лексических единиц. При этом все виды искусства так или иначе связаны между собой, могут взаимодействовать друг с другом и заимствовать друг у друга отдельные свойства, ведь все они отражают те или иные стороны действительности через художественные образы. Это взаимодействие проявляется и на лексическом уровне в искусствоведческих текстах: в рассматриваемом лексиконе встречаются лексические единицы, отражающие и другие виды искусства, в частности, музыку и театр.

Лексические единицы из музыкальной сферы

Несмотря на то, что музыка относится к аудиальному искусству, она способна вступать в определенное взаимодействие с искусством визуальным. Искусствоведы отмечают, что «музыка всегда стремилась к изобразительности, некой визуализации звуковых

образов» [Полозов, 2021, с. 9]. В свою очередь, визуальное искусство также обладает потенциалом к синтезу с музыкой с целью расширения своих изобразительно-выразительных возможностей.

Музыка относится к динамичным искусствам, развертывающимся во времени. Произведения визуального искусства по своей природе, наоборот, статичны, однако и им не чужда динамика. Она может проявляться в повторяемости форм, линий, цветов, элементов, из которых состоят произведения, в потенциальной процессуальности изображенного.

Всё это обуславливает наличие в искусствоведческих текстах лексических единиц из музыкальной сферы, используемых авторами для описания или характеристики произведений визуального искусства.

Так, произведения живописи сопоставляются с музыкальными произведениями:

Schinkels Zeichnung ist zu einem Ölgemälde ausgeführt worden, das – im Sinne einer Verschwisterung aller Künste – als *eine Symphonie romantischer Motive* bezeichnet werden könnte¹. – Рисунок Шинкеля был превращен в картину маслом, которую в смысле сближения всех искусств можно было бы назвать симфонией романтических мотивов².

Произведениям визуального искусства, как и произведениям музыкальным, может быть свойственна ритмичность, что находит отражение в использовании соответствующих лексем (*Rhythmus, Rhythmisierung, rhythmisch*). Однако если речь идет о музыке, то ритм характеризует ее организацию во времени, а если о произведениях визуального искусства, то ритм описывает их организацию в пространстве:

- ein Bau, dessen lebendiger *Rhythmus der Formen* immer wieder fasziniert (*W. Schäfke. Schnellkurs Gotik*) – здание, живой *pumm* форм которого не перестает завораживать;
- deren Vierung dem Bau *den Rhythmus* vorgibt (*Schäfke W. Schnellkurs Gotik*) – чье средокрестие задает *pumm* всему зданию;
- *im Rhythmus* kubischer Räume (*Geschichte der bildenden Kunst in Österreich*) – в *pumme* кубических пространств;
- die Strebepfeiler zu Gliederung und *Rhythmisierung* des Raumes nach innen gezogen (*Schäfke W. Schnellkurs Gotik*) – контрфорсы обращены внутрь, чтобы структурировать и *pummизировать* пространство;

¹Held Heinz G. Schnellkurs Romantik. DuMont Buchverlag, 2003. S. 48.

²Здесь и далее перевод наш. – Т. П.

- seine *rhythmischen* Flächenmuster (*Dewiel Lydia L. Schnellkurs Jugendstil*) – ритмичные узоры на его поверхности;
- eine *rhythmisch* gegliederte Fassade (*Schäpfke W. Schnellkurs Gotik*) – ритмично структурированный фасад

Визуальное искусство, воспринимаемое органами зрения, не способно звучать, однако применительно к нему в искусствоведческих текстах используются лексемы (дериваты), значение которых связано со звуком. В своем составе они содержат компонент *-klang* (звук):

in später Romanik mit ersten *Anklängen* von Early English (*Schäpfke W. Schnellkurs Gotik*). – в позднероманском стиле с первыми нотками / отголосками раннеанглийского стиля.

...Türme und Abschluss des Schiffs in Einklang zu bringen (*Schäpfke W. Schnellkurs Gotik*). – ...чтобы гармонизировать / привести в созвучие башни и конец нефа.

К музыкальной сфере относится изначально и лексема *Motiv*, которая в составе сложных слов в отношении визуального искусства обозначает составную часть композиции, постоянно используемую в произведении (в живописи, архитектуре): *das Turmmotiv, das Architekturmotiv*.

Проведение параллели между визуальным искусством и музыкальным произведением заметно и в словосочетании *die synkopisch versetzten Stichkappen* (**синкопически смещенные люнеты**). Термин «синкопа» в музыке означает смещение акцента с более сильной доли такта на более слабую, которое вызывает несовпадение ритмического акцента с метрическим¹. Такое смещение создает ощущение неожиданности и «сдвига» в ритме. Использование лексемы *synkopisch* подчеркивает, что названный архитектурный элемент не просто перемещен куда-либо, а смещен в непривычное, необычное для него место, вероятно, для того чтобы сделать архитектурный план всего сооружения более интересным, уникальным, не похожим на аналогичные строения.

Лексические единицы из театральной сферы

Театр, будучи синтетическим искусством, исторически развивался в тесной связи с искусством визуальным: живописью, скульптурой и архитектурой. Их союз берет начало в Античности, когда они

представляли собой единое целое. В эпоху Возрождения архитекторы стали создавать здания, специально адаптированные для театральных постановок, а художники – писать декорации и создавать сценические костюмы. В эпоху барокко этот синтез достиг апогея: архитектурные сооружения превратились в сцену для перформанса, а живопись – в инструмент создания иллюзорных пространств. Эта глубокая историческая связь обусловила проникновение лексических единиц из сферы театра в лексикон визуального искусства.

Так, в искусствоведческих текстах визуальное искусство как сфера деятельности сопоставляется в целом с театром, а произведения живописи, скульптуры и архитектуры, их элементы буквально называются сценами, инсценировками, спектаклем, зрелищем и т. п., например:

Der Bildrahmen, an dem der Vorhang augenscheinlich befestigt ist, verwandelt das Bild in *ein heiliges Theater*, in dem moderne Betrachter *ein Theater der Kunst* wiedererkannten (*Belting H. Das unsichtbare Meisterwerk: die modernen Mythen der Kunst*). – Рама картины, к которой, по-видимому, прикреплен занавес, превращает картину в *священный театр*, в котором современные зрители узнают *театр искусства*.

Wir befinden uns also *auf der Bühne jenes "Theaters" der Kunst*, in welchem die Kunstgeschichte *wie eine große Oper in mehreren Akten* aufgeführt wurde (*Belting H. Das unsichtbare Meisterwerk: die modernen Mythen der Kunst*). – Итак, мы оказываемся *на сцене* того «театра» искусства, где история искусства разыгрывалась подобно грандиозной опере в нескольких актах.

Ein letztes Mal wird das Gebiet <...> zur *Bühne* für die Werke eines Künstlers (*Schäpfke W. Schnellkurs Gotik*). – В последний раз регион <...> становится *сценой* для творчества художника.

..., dass *Macht und Reichtum der Herzöge von Burgund der Kunst eine weite Bühne öffneten* (*Schäpfke W. Schnellkurs Gotik*). – ...что власть и богатство герцогов Бургундских открыли широкую *сцену* для искусств.

Dergleichen effektvolle *Inszenierungen* haben ganz offensichtlich *ein opernhafte Gepräge* (*Held Heinz G. Schnellkurs Romantik*). – Такие эффектные *инсценировки* имеют явно *оперный характер* (о живописном произведении).

die brillante barocke *Inszenierung* der Rückseite des Hauptaltars (*Schäpfke W. Schnellkurs Gotik*) – великолепная барочная *инсценировка* на задней стороне главного алтаря.

¹Харлап М. Г. Синкопа // Музыкальная энциклопедия. Т. 5. М., 1981.

...die Gleichgültigkeit, mit der die Lebewesen dem Schauspiel beiwohnen (Held Heinz G. Schnellkurs Romantik). – ...безразличие, с которым живые существа присутствуют при этом зрелище (об изображенном на картине).

Ihre neue Bilderserie zeigt die Wirklichkeit als Schauspiel seltsam entrückter Poesie¹. – Ее новая серия картин изображает реальность как разыгрывание странной неземной поэзии.

Bis heute ist die Westfassade des Straßburger Münsters ein faszinierendes Schauspiel (Schäpfke W. Schnellkurs Gotik). – По сей день западный фасад Страсбургского собора остается завораживающим зрелищем.

seine „Gregorsmesse“, ein Spektakel an physiognomischer Beobachtung des Alterns (Schäpfke W. Schnellkurs Gotik). – его «Месса Григория», зрелище физиогномического наблюдения за старением.

Die Kampfszene füllte das Mittelschiff der Kirche (Schäpfke W. Schnellkurs Gotik). – Сцена битвы заполнила центральный неф церкви (о скульптуре).

die dramatische Bewegung der Szene, die emotionale Psychologie der Mimik, theatralisch brillant (Schäpfke W. Schnellkurs Gotik). – Драматичное движение сцены, эмоциональный психологизм мимики, театрално великолепный (о рельефах собора).

Пути перехода и функции лексических единиц из разных сфер в лексиконе визуального искусства

Лексические единицы из рассмотренных сфер музыки и театра попадают в лексикон визуального искусства в ходе семантической деривации, которая понимается и как процесс, и как результат развития семантики и описывает связь между разными значениями одного слова [Пархоменко, 2012]. Наблюдаются такие семантические процессы, как метафорический перенос и расширение значения исходных лексем. Расширение значения происходит, например, в случае со словом *Rhythmus*. Его исходное значение узко и привязано к конкретной сенсорной модальности и виду искусства: оно описывает временную организацию в музыке (акценты, длительность нот, темп). Производное значение переносит это понятие в совершенно иную сферу, слово начинает употребляться в более широком диапазоне контекстов, относящихся теперь к различным видам

визуального искусства. Ядро значения – «повторяющаяся, упорядоченная последовательность, создающая гармонию» – сохраняется, но область референции расширяется. Этот пример также демонстрирует такой семантический процесс, как деспециализация термина: специальная единица выходит за рамки терминологического поля, за пределы узкотерминологического употребления [Морозова, 2004], изменяется сфера ее функционирования, и происходит ее адаптация для описания межсенсорного опыта.

Расширение значения произошло и у слова *Einklang*, исходное значение которого – «совместное звучание двух или более тонов одинаковой высоты», а производное – «согласие, гармония между кем-либо, чем-либо»². Значение расширилось от конкретного акустического феномена до концептуального сходства в любой области (искусство, идеи, мнения); при этом, как и в случае со словом *Rhythmus*, сохранилось семантическое ядро, связанное с идеей соответствия, сходства, гармонии. Так как значение слова *Einklang* уже давно расширилось и закрепилось в языке, искусствоведы свободно используют его для описания визуальных и пространственных феноменов, не создавая окказионализмов.

В случае с такими лексемами, как *Symphonie*, *Bühne*, *Spektakel*, *Theater* наблюдается метафорический перенос: конкретные понятия из сферы музыки или театра употребляются в переносном значении; они переносятся по аналогии в сферу визуального искусства для образного описания более абстрактных, но схожих по каким-либо характеристикам явлений, что отражает лежащую в основе семантической деривации способность человека соизмерять, ассоциировать разные категории в соответствии с масштабом своих знаний и представлений [Лапшина, 1996], а также способность лексикона репрезентировать «стоящие за языковыми единицами структуры представления экстралингвистического (энциклопедического) знания»³.

Рассмотренные лексические единицы используются в искусствоведческих текстах, посвященных визуальному искусству, для создания определенного эффекта. Посредством использования языковых единиц из театральной и музыкальной сфер реализуется идея драматизма и динамизма в статике: статичное визуальное искусство сопоставляется со зрелищным театральным и динамичным музыкальным искусством, оно начинает разворачиваться не только в пространстве, но и во времени. С помощью создаваемых в тексте синестетических образов беззвучное, немое визуальное искусство начинает «звучать», что

²Duden. Einklang. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Einklang>. (дата обращения: 20.10.2025).

³Кубрякова Е. С. Ментальный лексикон // Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 97–99.

¹URL: <https://www.kunstforum.de/artikel/im-dschungel-der-bilder-und-anderswo> (дата обращения: 07.08.2025).

значительно усиливает впечатление от произведений, а также эффект присутствия и вовлеченность реципиента. Таким образом, проанализированные элементы лексикона визуального искусства выполняют в текстах эвристическую функцию (т. е. используются для выявления и вынесения на первый план, профилирования конкретных свойств и характеристик произведений искусства), а также воздействующую (прагматическую) функцию.

Кроме того, они могут способствовать созданию определенного культурного и исторического фона. Пример тому – описание барочной церкви с использованием театральные лексем (см. выше). Барокко – это искусство иллюзии, движения, драмы и театральности. Говоря о сценических эффектах, инсценировках и спектаклях при описании барочной архитектуры, искусствоведы помещают произведения в их естественный культурно-исторический контекст.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что лексикон визуального искусства представляет собой открытую, динамичную и гетерогенную систему, формирование и развитие которой происходит в том числе за счет взаимодействия с другими видами искусства. Это наглядно демонстрируют лексические единицы из сфер музыки и театра, которые по праву можно отнести к сферам-источникам формирования лексикона визуального искусства в современном немецкоязычном

искусствоведческом дискурсе. Анализ лексических единиц из сфер театра и музыки демонстрирует, что они переходят в лексикон визуального искусства в результате метафорического переноса и расширения значения лексем. Несмотря на то, что эти языковые единицы формируют периферию лексикона визуального искусства, они выполняют важные функции в искусствоведческих текстах, а именно: создают необходимый образ при описании произведения визуального искусства, привлекают внимание читателя и отражают отсутствующее на первый взгляд сходство между визуальным искусством, музыкой и театром, заключающееся в присущих им всем – реально или потенциально – динамизме и драматизме. Интеграция лексики из смежных, аудиальных и синтетических, видов искусства в лексикон визуального искусства является не случайным, а закономерным и продуктивным процессом. Она отражает глубинное стремление к синтезу искусств и служит эффективным механизмом для более глубокого, образного и многогранного анализа и интерпретации произведений, расширяя тем самым выразительные возможности самого языка искусствоведения.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление в лексиконе визуального искусства лексических единиц из других тематических областей, помимо музыки и театра, а также более глубокое изучение процессов семантической деривации, способствующих переходу лексики из одной лексической подсистемы языка в другую.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дроздова А. В. Визуализация повседневности в современной медиакulturе: дис.... д-ра культурологии. М., 2017.
2. Жаркова У. А. Воплощение знаковой природы изобразительного искусства в искусствоведческом дискурсе (на материале немецкоязычных музейных каталогов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33. С. 49–52.
3. Мальцева Е. И. Семантические процессы в терминосистеме искусствоведения // Германистика – 2022: *pove et pova*: материалы V Международной научной конференции, Москва, 07–09 декабря 2022 года / Редколлегия: А. А. Клиновская [и др.]. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2023. С. 190–192.
4. Мальцева Е. И. Опыт описания лексической многозначности в метаязыке искусства // Германистика – 2024: *pove et pova*: материалы VII Международной научной конференции, Москва, 27–29 ноября 2024 года. М.: МГЛУ, 2025. С. 249–251.
5. Вицинская И. А. К проблеме транстерминологизации и межотраслевых терминов в немецкой музыкальной терминологии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 559. С. 45–52.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
7. Полевые структуры в системе языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин, Е. И. Беляева [и др.]; науч. ред. З. Д. Попова. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1989.
8. Якимов П. А. Структура и признаки семантического поля (на материале семантического поля «Бог») // Вестник Орловского государственного университета. 2011. № 16 (135). С. 597–599.
9. Лавринова Н. Н. Видовое многообразие искусства // Аналитика культурологии. 2010. № 16. С. 162–171.
10. Ковалева Е. В. Визуальные и аудиальные искусства: к вопросу о классификации видов искусств / Е. В. Ковалева, Д. С. Мякишева // Евразийский союз ученых. 2018. № 5-2 (50). С. 7–10.

11. Полозов С. П. Музыкальность живописи как взаимодействие музыкального и изобразительного искусства // Вестник Саратовской консерватории. Вопросы искусствознания. 2021. № 2 (12). С. 9–14.
12. Пархоменко Т. Н. К вопросу о семантической деривации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. Т. 4. № 4 (52). С. 87–90.
13. Морозова Л. А. Терминознание: основы и методы. М.: Прометей, 2004.
14. Лапшина М. Н. Семантическая деривация в когнитивном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1996.

REFERENCES

1. Drozdova, A. V. (2017). *Vizualizatsiya povsednevnosti v sovremennoy mediakulture = Visualization of the everyday in modern media culture: Senior doctoral thesis in culturology*. Moscow. (In Russ.)
2. Zharkova, U. A. (2011). The embodiment of the iconic nature of fine art in art discourse (on the material of German-language museum catalogues). *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 33, 49–52.
3. Maltseva, E. I. (2023). *Semanticheskie protsessy v terminosisteme iskusstvovedeniya = Semantic change in theory of art terminological system*. In *Germanistika – 2022: nove et nova* (pp. 190–192): proceedings of the V international scientific conference. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
4. Maltseva, E. I. (2025). *Opyt opisaniya leksicheskoy mnogoznachnosti v metazyazyke iskusstva = The description of lexical ambiguity in the metalanguage of art*. In *Germanistika – 2024: nove et nova* (pp. 249–251): proceedings of the VII international scientific conference. Moscow: Moscow State Linguistic University. (In Russ.)
5. Vitsinskaya, I. A. (2009). A study of trans-term formation and inter-industry terms in German music terminology. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 559, 45–52. (In Russ.)
6. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost = Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Popova, Z. D., Sternin, I. A., Belyaeva, E. I. et al. *Polevye struktury v sisteme yazyka = Field structures in the language system* (1989). Ed. by Z. D. Popova. Voronezh: Izdatelstvo Voronezhskogo universiteta. (In Russ.)
8. Yakimov, P. A. (2011). Structure and signs of the semantic field (on the material of the semantic field “God”). *Vestnik of Oryol State University*, 16(135), 597–599. (In Russ.)
9. Lavrinova, N. N. (2010). *Vidovoe mnogoobrazie iskusstva = The diversity of art*. *Analitika kulturologii*, 16, 162–171. (In Russ.)
10. Kovaleva, E. V., Myakisheva, D. S. (2018). *Vizualnye i audialnye iskusstva: k voprosu o klassifikatsii vidov iskusstv = Visual and auditory arts: on the classification of art types*. *Eurasian Union of Scientists*, 5–2(50), 7–10. (In Russ.)
11. Polozov, S. P. (2021). *Muzikalnost zhivopisi kak vzaimodeystvie muzykalnogo i izobrazitelnogo iskusstva = Musicality of painting as an interaction of musical and visual art*. *Vestnik of the Saratov Conservatory. Art History Issues*, 2(12), 9–14. (In Russ.)
12. Parkhomenko, T. N. (2012). *K voprosu o semanticheskoy derivatsii = On semantic derivation*. *Vestnik of Kemerovo State University*, 4–4(52), 87–90. (In Russ.)
13. Morozova, L. A. (2004). *Termino-znanie: osnovy i metody = Terminology: fundamentals and methods*. Moscow: Prometey. (In Russ.)
14. Lapshina, M. N. (1996). *Semanticheskaya derivatsiya v kognitivnom aspekte = Semantic derivation in the cognitive aspect: abstract of senior doctoral thesis in Philology*. St. Petersburg. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поздеева Татьяна Сергеевна

преподаватель кафедры лексикологии и стилистики немецкого языка факультета немецкого языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pozdeeva Tatiana Sergeevna

Lecturer at the Department of Lexicology and Stylistics of the German Language Faculty of the German language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

09.11.2025
17.12.2025
28.01.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 81'42 + 81.43

Визуальная репрезентация взаимодействия лингвокультурных концептов в русском и немецком детективе

А. В. Раловец

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
kravtsova1996@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в визуальной репрезентации многоуровневой взаимосвязи концептов в русских и немецких детективных текстах. Выявление особенностей текстового взаимодействия концептов осуществлялось на основе лингвопрагматического, контекстуального и дефиниционного подходов. При помощи метода визуализации с использованием программы RAWGraphs представлено графическое изображение семантических связей между концептами в пространстве двуязычного детективного дискурса. Анализ эмпирических данных показал различия в концептуально-семантической организации произведений. Немецкий детектив характеризуется более рациональным подходом к расследованию, тогда как русский детектив отличается повышенной экспрессивностью и эмоциональной насыщенностью.

Ключевые слова: детективный текст, концептуальная репрезентация, лингвокультурный концепт, компьютерная визуализация, авторская интенция

Для цитирования: Раловец А. В. Визуальная репрезентация взаимодействия лингвокультурных концептов в русском и немецком детективе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 78–85.

Original article

Visual Representation of the Interaction of Linguocultural Concepts in Russian and German Detective Fiction

Anna V. Ralovets

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
kravtsova1996@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to a comparative analysis of concepts and their representations in Russian and German detective texts. The aim of this study is to visually represent the multi-level interconnection of concepts within the analyzed works. The identification of features in the textual interaction of concepts was carried out using linguo-pragmatic, contextual, and definitional methods of analysis. Through the visualization method using the RAWGraphs software, a graphical representation of semantic links between concepts in the space of bilingual detective discourse is presented. The analysis of empirical data revealed differences in the conceptual-semantic organization of the works. The German detective genre is characterized by a more rational approach to investigation, whereas the Russian detective genre is distinguished by heightened expressiveness and emotional intensity.

Keywords: detective text, conceptual representation, linguocultural concept, computer visualization, authorial intent

For citation: Ralovets, A. V. (2026). Visual representation of the interaction of linguocultural concepts in Russian and German detective fiction. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 78–85. (In Russ.)

Введение

В настоящее время детективная литература сохраняет свою популярность, что объясняется наличием в ней притягательного для широкого читателя элемента тайны, представленного в форме интеллектуальной головоломки, решение которой ведет к раскрытию преступления [Rzerka, 2005]. Ученые рассматривают детективную литературу не только как особое полижанровое явление массовой литературы, но и как отражение глубинных когнитивных процессов определенного этнокультурного социума: «индивиды используют различные концептуальные представления в соответствии с культурными системами, такими как язык и дискурс, знания и убеждения, а также эпистемологические ориентации»¹ [Ojalehto, 2015, с. 249].

Актуальным для современной антропоцентрической лингвистики является обращение к культурным различиям в репрезентации и восприятии концептов в когнитивной системе российских и немецких читателей. Данное направление анализа художественного текста представляется научно значимым, так как «компаративные исследования традиционно применяются как метод получения нового научного знания» [Горожанов, 2021, с. 49]. Исследовательский акцент делается при этом на ценностях и антиценностях, формирующих идеологические установки детективного дискурса. «Ценности выступают в качестве социального ориентира в предметной и социальной действительности, в качестве своеобразной установки по отношению к реальности» [Хлопова, 2022, с. 133]. Противоположностью ценностей выступают антиценности. «Согласно народным представлениям, всякое действие, поступок человека получает некий „отклик“ мира, природы, космоса, а поступок или действие, нарушающее „норму“ (т. е. существующие негласные запреты), нарушает также и равновесие мира и грозит отрицательными последствиями для мира и человека» [Толстая, 2000, с. 374]. Реализация данной антиномии в детективном дискурсе происходит посредством взаимодействия концептов «преступление» («Verbrechen») и «наказание» («Bestrafung»), символизирующих акты злых и добрых намерений преступника и детектива-расследователя соответственно. Эти концепты не только структурируют сюжет, но и проявляются в виде различных маркеров ценностной ориентации текста, отражая соответствующие культурные векторы.

Цель данного исследования состоит в визуальной репрезентации многоуровневой взаимосвязи концептов в текстах русского и немецкого

классического детектива. По наблюдениям ученых, ядерная и периферийная зоны концептосферы «различаются степенью устойчивости, частотности употребления и степенью эмоциональной и оценочной насыщенности» [Огнева, 2010, с. 85]. В рамках настоящего исследования важно отметить, что концепты, присущие детективным текстам, располагаются ближе к ядерной зоне концептуального пространства, поскольку они являются жанро- и смыслообразующими. При этом периферийные зоны занимают лингвокультурные концепты, которые напрямую не связаны с жанровыми характеристиками, однако они играют важную роль в формировании концептуального фона произведения: «будучи трехмерным (как минимум) образованием, культурный концепт включает предметно-образную, понятийную и ценностную составляющие» [Карасик, 2002, с. 105]. Согласно В. И. Карасику, «в этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик, 1996, с. 5].

В рамках детективного дискурса концепты проходят через призму авторского восприятия, представляя собой «ментальное образование сознания писателя, значение которого реализуется в семантико-ассоциативном контексте литературного произведения» [Васильева и др., 2013, с. 299]. При этом лингвопрагматическое исследование пропущенной через авторское сознание вторичной действительности предполагает анализ парадигматических (системных) связей через выявление синтагматических (текстуальных) связей рассматриваемых единиц [Серебрякова, 2002].

Научная новизна работы заключается в синтезе когнитивно-прагматических и визуальных подходов к анализу детективного текста. Большую значимость представляет исследование взаимодействия эмоциональных и рациональных доминант поведения, а также лингвокультурных концептов, что обеспечивает более точное восприятие и моделирование скрытых когнитивных связей.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить ряд задач:

- выделить наиболее значимые лингвокультурные концепты в анализируемых произведениях в аспекте их авторской трансформации;
- визуализировать концепты и особенности их взаимодействия с помощью графического инструмента RAWGraphs;
- проанализировать эмотивную и рациональную сферы детективов на примере таких значимых культурных концептов, как

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Р.

«преступление» и «наказание», символизирующих начало и конец расследования.

Современные компьютерные технологии позволяют накапливать и оперативно обрабатывать большие объемы текстовых данных [Горожанов, 2024; Горожанов, 2022]. Кроме того, многие программы позволяют выйти на новый уровень визуализации когнитивных моделей. Именно поэтому для решения поставленных задач была привлечена программа RAWGraphs, представляющая собой эффективный инструмент для создания сложных визуализаций на основе табличных данных. При составлении визуальных схем культурных концептов дополнительно использовалась программа Ibis X Paint, предназначенная для художественной обработки графических элементов с введением дополнительных цветовых гамм, позволяющих более четко разграничить базовые и периферийные лингвокультурные концепты и адаптировать шрифт на представленных схемах для более легкого их восприятия. Анализ текстовой реализации концептов производился с использованием лингвопрагматического, контекстуального и дефиниционного методов.

Основу эмпирического анализа составили русско- и немецкоязычные тексты, репрезентирующие современное воплощение классического детективного канона: детектив «Тайну прошепчет лавина»¹ (2021) Людмилы Мартовой и роман «Rahnnacht: Klüftingers fünfter Fall»² (2010), («Святочные ночи: пятое дело Клуфтингера»), написанный в соавторстве Фолькером Клюпфелем и Михаэлем Кобром. Привлеченные к анализу произведения обладают коммерческим успехом и популярностью среди читателей.

Концептуальная значимость лексики в плане экспликации приоритетных действий персонажей

Концептуальный слой лексики, описывающей внешний и внутренний образ действия персонажей, позволяет выявить различия в когнитивных установках, характерных для немецкой и русской культурных моделей: от эмоционального восприятия событий до рациональных действий. Языковые репрезентации концептов не только отражают языковую картину мира, но и раскрывают особенности ее восприятия через номинации, присущие определенным культурам. В настоящем исследовании был выбран один релевантный признак, который

¹Мартова Т. Тайну прошепчет лавина. Москва: Эксмо, 2021.

²Kobr M., Klüpfel V. Rahnnacht: Klüftingers fünfter Fall. München: Piper Verlag GmbH, 2010.

позволяет сформировать целостное представление о векторах развития концептов «преступление» и «наказание» в немецком и русском детективе: процессуальная направленность повествования в двух избранных для детального анализа главах, представляющих собой кульминационные точки детективного нарратива, при этом был произведен количественный подсчет релевантных лексем.

Ниже представлена диаграмма сравнения лексики, описывающей образ действий, построенная в программе RAWGraphs (рис. 1): красным отмечена экспликация внутреннего состояния героев русского детектива, выполняющих такие ключевые действия, как нахождение трупа и задержание преступника; более холодный розовый цвет визуализирует внешнее описание образа действий. В немецком детективе по аналогии выбраны цвета синий и голубой для описания внешнего поведения и внутреннего состояния героев соответственно. Такая цветовая аналогия позволяет проследить соотношение между экспликацией внешних форм действия и репрезентацией внутреннего психоэмоционального состояния персонажей, что, в свою очередь, помогает установить контраст между эмоционально насыщенным фоном русского детектива и рациональным мышлением, присущим немецкому произведению (рис. 1):

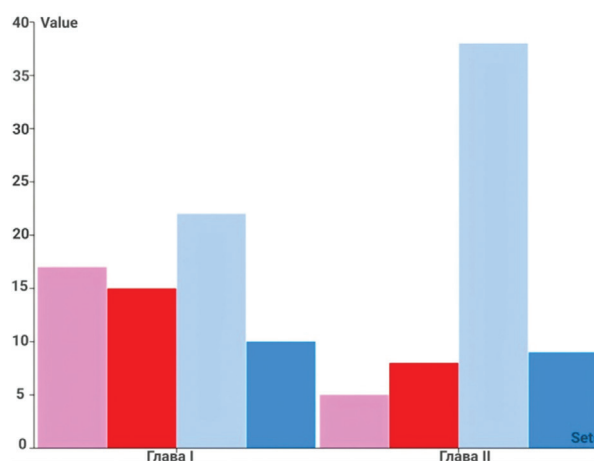

Рис. 1. Соотношение частотности лексики в немецком и русском детективе, описывающей внешний образ действия и внутреннее состояние героев

Проанализированные главы являются кульминацией детективного повествования, в которых эмоциональное напряжение достигает апогея, а действия героев приобретают знаковый характер. Они отмечены на графике цифрами I (глава «Преступление») и II (глава «Наказание»). Сцена обнаружения трупа предполагает наличие чувственных реакций, что позволяет исследовать внутреннее состояние персонажей. В то же время сцена

задержания преступника содержит целенаправленные действия, отражающие внешнюю динамику событий. Выбор именно этих глав позволяет описать контраст между эмоциональными реакциями на трагические события и рациональным процессом расследования.

Так, в первой главе происходят ключевые открытия, знаменующие поворотный момент сюжета – обнаружение трупа. Русский детектив демонстрирует превалирование лексики, передающей действия персонажей, по сравнению с лексикой, описывающей чувственный фон. Эмоциональная реакция героев отходит на второй план, так как все усилия, направлены на спасение пострадавших:

Всё так же, коротко переговариваясь, ритмично махали лопатами люди (Л. В. Мартова. Тайну прошепчет лавина).

Количество лексических единиц, описывающих внутреннее состояние персонажей, составляет 47% (15 из 32), в то время как лексические конструкции, отражающие внешние действия, достигают 53% (17 из 32). Немецкий детектив демонстрирует иные показатели: внешнее описание действий занимает 69% (22 из 32), тогда как экспрессивные формы – лишь 31% (10 из 32). В отличие от русского детектива, в немецком тексте используются сравнения для описания резкой смены:

Nicht anfassen!, schrie er, und der Arzt zog wie von der Tarantel gestochen seine Hand zurück. (V. Klüpfel, M. Kobr. Rauhacht: Klüftingers fünfter Fall). – Не трогайте! – закричал он, и врач резко убрал руку, словно ужаленный тарантулом.

Вторая анализируемая глава повествует о задержании преступника. В русском детективе в кульминационный момент преобладают конструкции, выражающее душевное состояние героев. Например, многие герои, в том числе маленькие дети, смогли восстановить душевное равновесие после задержания преступника:

Растревоженные было дети снова спокойно спали наверху (Л. В. Мартова. Тайну прошепчет лавина).

Конструкции, описывающие внутреннее состояние, достигают 62% (8 из 13), тогда как внешние проявления действий описаны в меньшей степени 38% (5 из 13). В немецком детективе наблюдается противоположная тенденция: здесь свидетельствующие об оперативности принимаемых героями решений. Эмоции при этом отходят

на второй план. Наглядным образом это демонстрирует следующая фраза:

Wie in Zeitlupe trennten sich die ineinander verschlungenen Körper am Boden (V. Klüpfel, M. Kobr. Rauhacht: Klüftingers fünfter Fall). – Словно в кадре замедленной съемки, тела на полу, вцепившиеся в друг друга, начали медленно разъединяться.

В приведенном контексте используется сравнение, наполненное визуальной кинематографичностью. При этом процент лексем внешнего описания действий достигает 83% (38 из 46), а экспрессивных форм – лишь 17% (8 из 46).

Таким образом, в кульминационных главах немецкого текста превалирует лексика, передающая внешние действия главных героев, так как автор делает акцент на процедуре расследования. В русском же детективе преобладает стремление показать чувства героев, что в полной мере соотносится с более эмоциональной картиной мира русского нарратива. Помимо этого, в русском детективе сравнения используются только для экспликации чувственной сферы, что дополнительно подчеркивает важность эмоционального фона.

Сопоставительный анализ взаимодействия лингвокультурных концептов

Эмоционально-экспрессивные лингвокультурные концепты, преобладающие в русском детективном дискурсе, контрастируют с рациональными концептами, характерными для немецкого повествования. Культурные концепты детективного дискурса рассматриваемых детективов представлены ниже (рис. 2):

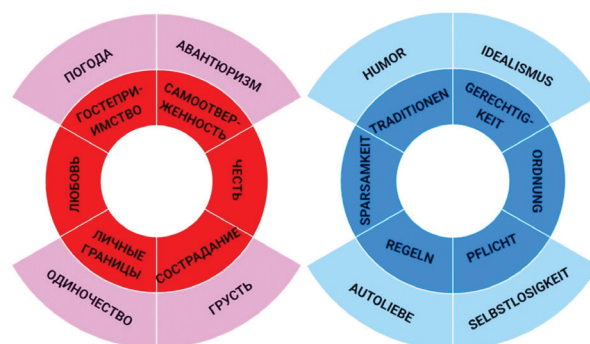

Рис. 2. Лингвокультурные концепты русских и немецких произведений

Центральная зона графика, описывающего русский детектив, окрашена в насыщенный красный цвет, символизирующий выраженность базовых концептов, глубоко укорененных

в национальной культурной памяти. К ним относятся «гостеприимство», «честь», «сострадание», «самоотверженность», «личные границы» и «любовь». Их постоянное присутствие формирует культурную архитектуру текста, обеспечивая нарративную целостность детектива. Менее выраженные периферийные концепты визуализированы в более мягком розовом оттенке, репрезентируя понятия, обладающие более вариативным характером. Такие концепты, как «погода», «авантюризм», «грусть» и «одиночество», расположены на графике в непосредственной близости от тех базовых категорий, с которыми они наиболее тесно связаны.

На правом графике, отражающем культурные концепты немецкого детективного нарратива, представлено два слоя, которые визуально разграничены с помощью цветовой дифференциации: яркий синий цвет обозначает концепты ядерного слоя, а бледно-голубой – периферийные, обладающие более вариативной репрезентацией. Ядерный слой включает в себя наиболее устойчивые культурные категории, ассоциирующиеся с традиционными ценностями немецкого общества: «Traditionen» («традиции»), «Gerechtigkeit» («справедливость»), «Ordnung» («порядок»), «Pflicht» («долг»), «Regeln» («правила»), «Sparsamkeit» («бережливость»). Периферийный слой формируют вариативные и контекстуально зависимые концепты: «Humor» («юмор»), «Idealismus» («идеализм»), «Selbstlosigkeit» («самоотверженность»), «Autoliebe» («любовь к автомобилям»), отражающие эмоциональный и социокультурный фон и дополняющие ядерные показатели.

Индивидуально-авторские трансформации культурных концептов рассматриваемых произведений

Как показал анализ, в российском детективном произведении внимание акцентируется на репрезентации ключевых культурных концептов, отражающих глубинные ценностные ориентиры общества.

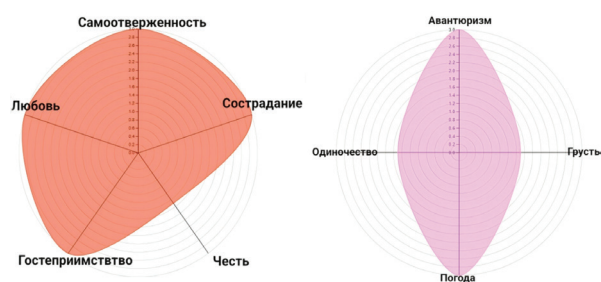

Рис. 3. Индивидуально-авторские трансформации лингвокультурных концептов российского произведения

Исследование демонстрирует высокую степень соответствия таких базовых понятий, как «самоотверженность», «сострадание», «любовь» и «гостеприимство», устоявшимся культурным ожиданиям. Эти концепты получили максимальную оценку соответствия – три балла, что свидетельствует об их устойчивом присутствии в повествовательной структуре, органично вплетенной в развитие сюжета и образную систему героев. Они отображены слева на рисунке (рис. 3).

Особого рассмотрения заслуживает концепт «честь», получивший промежуточную оценку соответствия 1,5 балла. В произведении есть явные примеры проявления данного концепта:

– Она не со мной, но, если что, я *впишусь*, – ответил Эдик. (Л. В. Мартова. *Тайну прошепчет лавина*).

Однако эти слова принадлежат убийце и психопату, поэтому отображение концепта «честь» является противоречивым и отклоняющимся от нормы.

Периферийные концепты «авантюризм» и «погода» демонстрируют полное соответствие социокультурным ожиданиям, закрепившимся в восприятии читателей. На рисунке они отображены справа (рис. 3). В то же время концепты «грусть» и «одиночество» характеризуются частичной реализацией, о чем свидетельствует их оценка в 1,5 балла. «Грусть» и «одиночество» в рамках анализируемого материала носят преимущественно светлый, рефлексивный характер и не достигают уровня экзистенциальной трагедии. Например, концепт «грусть» не связан с негативным опытом персонажей и является способом обретения внутренней свободы:

Айгар *грустил*, но это была *светлая грусть*. Он чувствовал себя так, словно бетонная плита, много лет придавливавшая его к земле, куда-то делась, и он, наконец, *свободен*. Настолько, что, кажется, *оторвется от земли и полетит* (Л. В. Мартова. *Тайну прошепчет лавина*).

В немецком тексте все ключевые концепты – «Traditionen» («традиции»), «Ordnung» («порядок»), «Sparsamkeit» («бережливость»), «Pflicht» («долг»), «Regeln» («правила») – получили максимальные три балла, отражая полное соответствие культурным ожиданиям и их устойчивую репрезентацию в структуре повествования. Вместе с тем концепт «Gerechtigkeit» («справедливость») оценивается на 1,5 балла, что демонстрирует его амбивалентный статус: главный герой осознает недостижимость абсолютной справедливости, что не отменяет усилий, направленных на ее поиск:

Wenn du erst einmal eingesehen hast, dass es *keine gerechte Welt geben kann*, bei so viel Lüge und Korruption, dann wirst du verstehen, dass man einen ehrlichen Bourbon und eine gute Pfeife oder eine Zigarette jedem angeblichen Freund vorziehen sollte (V. Klüpfel, M. Kobr. *Rauhacht: Kluftingers fünfter Fall*). – Как только осознаешь, что *не может быть справедливого мира* при таком количестве лжи и коррупции, понимаешь, что благородный бурбон и хорошая трубка или сигарета больше внушают доверия, чем предполагаемый друг.

Визуальная интерпретация сохраняет холодную синюю палитру, символизирующую рациональность и сдержанность, что характерно для немецкого концептуального пространства. Слева на диаграмме представлены базовые культурные концепты, а справа периферийные культурные концепты немецкого детектива (рис. 4).

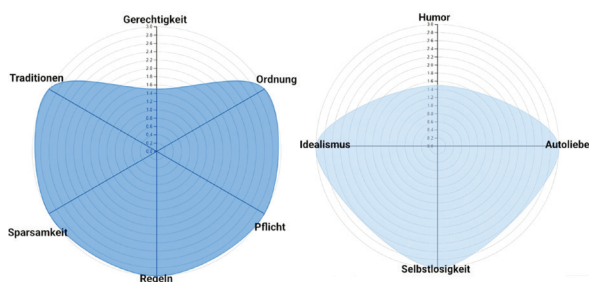

Рис. 4. Индивидуально-авторские трансформации культурных концептов немецкого произведения

Холодный оттенок синего цвета символически подчеркивает рациональность, сдержанность и пониженную экспрессивность чувственной сферы, характерную для немецкоязычного пространства.

Максимальные три балла получили концепты «Autoliebe» («любовь к автомобилям»), «Idealismus» («идеализм») и «Selbstlosigkeit» («самоотверженность»), концепт «Humor» («юмор»), напротив, получил 1,5 балла, что отражает его ограниченную и фрагментарную реализацию. В анализируемом произведении, тематически связанном со святочными ночами, юмор обретает форму гротескного и темного сарказма, что обусловлено жанровой спецификой, символикой тревожности и мрачной атмосферой святочных ночей. В приведенном ниже отрывке Лангхаммер с сарказмом обращается к собеседнику:

Aber es soll nicht einfach ein Theaterstück werden, das Sie sich ansehen. Nein, Sie werden aktiv daran teilnehmen, in eine Rolle schlüpfen, mitemitteln, mitraten <...> und mitsterben (V. Klüpfel, M. Kobr. *Rauhacht: Kluftingers fünfter Fall*). – Но это не должно быть просто спектаклем, который Вы смотрите.

Нет, Вы будете активно участвовать в этом, играть определенную роль, принимать участие, отгадывать загадки <...> и умереть.

Автор использует черный юмор, что вполне соответствует стилистическим канонам. Глагол *mitsterben* употребляется автором в переносном смысле, поскольку гости будут лишь инсценировать смерть.

Таким образом, противопоставление чувственной и рациональной сфер – значимый маркер этнокультурных различий в детективной литературе. Большая часть рассмотренных авторских лингвокультурных концептов совпадает с общепринятыми стереотипами, а отклонения обусловлены жанровыми особенностями детективов и авторскими предпочтениями.

Заклучение

В процессе исследования текстов русского и немецкого детективов были выделены ключевые лингвокультурные концепты, а также установлена их корреляция с ожиданиями читательской аудитории соответствующего этнокультурного сообщества.

Концептуальную значимость для детективного дискурса имеют жанрообразующие концепты «преступление» и «наказание», которые служат индикаторами общественных представлений о справедливости, социальной норме, ценностях и антиценностях. Анализ процентного соотношения лексических репрезентаций рассмотренных концептов выявил типологические различия между двумя моделями детективного повествования: российский детектив ориентирован на описание эмоций главных героев, тогда как немецкий – на рациональные целенаправленные действия, связанные с расследованием. Эти различия были наглядно продемонстрированы с помощью визуализации данных, которая позволила проследить, как культурные концепты формируют структуру и динамику повествования.

Анализ показал прагматическую значимость авторских модификаций концептов «грусть», «одиночество», «честь» в российском детективе, и «Gerechtigkeit» («справедливость») и «Humor» («юмор») в немецком. Концепты «одиночество» и «честь» получили лишь частичную реализацию, эксплицируя авторское понимание внутренней свободы героев, не выступая при этом однозначными индикаторами негативных эмоций. Концепты немецкого детектива также демонстрируют отклонения от стереотипных представлений: «Humor» («юмор») представляет собой гротескный элемент, обусловленный

жанровой спецификой произведения. Концепт «Gerechtigkeit» («справедливость») символизирует недостижимость, но в то же время и значимость абсолютного торжества правосудия. Эта модификация концептов отражает переосмысление лингвокультурных концептов в рамках авторской художественной картины мира.

Перспективы дальнейшего исследования предполагают расширение эмпирического материала, применение компьютерных алгоритмов для автоматического выявления текстовых концептов, а также создание интерактивных лингвокультурных карт и внедрение визуальных инструментов в образовательные платформы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Rzepka C. J. Detective fiction. Cambridge: Polity Press, 2025.
2. Ojalehto B. L. Perspectives on culture and concepts / Ojalehto, D. L. Medin // *Annual Review of Psychology*. 2015. № 66. P. 249–275.
3. Горожанов А. И. Метод компаративного анализа группы текстов (на материале немецкоязычных научных статей) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2021. Вып. 5 (847). С. 48–59.
4. Хлопова А. И. Соотношение ценности и антиценности в немецкой лингвокультуре: Gewalt (насилие) / Freiheit (свобода) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2022. Вып. 1 (891). С. 132–141.
5. Толстая С. М. Преступление и наказание в свете мифологии // В свете мифологии. Логический анализ языка: Язык этики. М.: Язык русской культуры, 2000. С. 373–380.
6. Огнева О. В. Концептосфера языка: структура и принципы организации // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2010. № 24 (202). Филология. Искусствоведение. Вып. 33. С. 83–87.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
8. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: Культурные концепты*. Волгоград – Архангельск: Перемена, 1996. С. 3–16.
9. Васильева Т. И. Антология художественных концептов русской литературы XX века / Т. И. Васильева, Н. Л. Карпичева, В. В. Цуркан. М.: Флинта, 2013.
10. Серебрякова С. В. Дистрибутивные аспекты семантических инноваций слова // *Вестник Ставропольского государственного университета*. 2002. № 4. С. 81–90.
11. Горожанов А. И. Получение значимых данных из неподготовленного текста путем его автоматической обработки авторскими лингвистическими инструментами (на материале электронных китайских СМИ) / А. И. Горожанов, Е. А. Красикова // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2024. № 54. С. 115–138. DOI 10.25076/vpl.54.05.
12. Горожанов А. И. Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смук и Малыш») / А. И. Горожанов, И. А. Гусейнова, Д. В. Степанова // *Вестник Минского государственного лингвистического университета*. Серия 1: Филология. 2022. № 4 (119). С. 7–13.

REFERENCES

1. Rzepka, C. J. (2025). Detective fiction. Cambridge: Polity Press.
2. Ojalehto, B. L., Medin, D. L. (2015). Perspectives on culture and concepts. *Annual Review of Psychology*, 66, 249–275.
3. Gorozhanov, A. I. (2021). Method of Comparative Analysis of a Group of Texts (on the material of German-language research papers). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(847), 48–59. (In Russ.)
4. Khlopova, A. I. (2022). Correlation of value and anti-value in German linguoculture: Gewalt (violence) / Freiheit (freedom). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(891), 132–141. (In Russ.)
5. Tolstaya, S. M. (2000). Prestuplenie i nakazanie v svete mifologii = Crime and punishment. In the light of mythology. In *Logicheskij analiz yazyka: Yazyk etiki* (pp. 373–380). Moscow: Yazyk russkoy kul'tury. (In Russ.)
6. Ogneva, O. V. (2010). The conceptual sphere of language: structure and principles of organization. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 33, 83–87. (In Russ.)
7. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
8. Karasik, V. I. (1996). Kulturnye dominanty v yazyke = Cultural dominants in language. In *Yazykovaya lichnost': Kulturnye koncepty = Language Personality: Cultural Concepts* (pp. 3–16). Volgograd – Arkhangelsk: Peremena. (In Russ.)

9. Vasil'eva, T. I., Karpicheva, N. L., & Tsurkan, V. V. (2013). Antologiya khudozhestvennykh konceptov russkoy literatury XX veka = Anthology of artistic concepts of Russian literature of the XX century. Moscow: Flinta. (In Russ.)
10. Serebriakova, S. V. (2002). Distribyutivnye aspekty semanticheskikh innovatsiy slova = Distributive aspects of semantic innovations of the word. Vestnik Stavropolskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Stavropol State University, 4, 81–90. (In Russ.)
11. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Obtaining meaningful data from an unprepared text by automatically processing with author's linguistic tools (based on the material of electronic Chinese media). Issues of Applied Linguistics, 54, 115-138. DOI 10.25076/vpl.54.05. (In Russ.)
12. Gorozhanov, A. I., Guseinova, I. A., Stepanova, D. V. (2022). Standardized procedure for obtaining statistical parameters of a text (on the material of the stories by J. London "Smoke Bellew. Smoke and Shorty"). Minsk State Linguistic University bulletin. Series 1. Philology, 4(119), 7–13 (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Раловец Анна Вадимовна

аспирант

Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ralovets Anna Vadimovna

PhD student

North-Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию	29.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	26.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Этническая маркированность афроамериканской звучащей речи

Е. Ю. Романова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
catrom@rambler.ru

Аннотация. Цель исследования – попытка установить фонетические характеристики, определяющие региональную и этническую маркированность афроамериканской звучащей речи. Автором проведен трехступенчатый эксперимент по исследованию речи 28 афроамериканцев, включающий слуховой, аудиторский и акустический виды анализа. В результате эксперимента были выявлены специфические особенности вокалической и консонантной систем, наиболее частотные конфигурации шкал и терминальных тонов, средний диапазон и темп речи респондентов. Анализ восприятия афроамериканской речи носителями английского языка позволил определить степень правильности восприятия данного диалекта аудитором с различным уровнем лингвистической подготовки.

Ключевые слова: афроамериканский английский, слуховой анализ, аудиторский анализ, акустический анализ, сегментный уровень, мелодика, диапазон, темп

Для цитирования: Романова Е. Ю. Этническая маркированность афроамериканской звучащей речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 86–94.

Original article

Ethnic Markers of African-American Phonetics

Ekaterina Yu. Romanova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
catrom@rambler.ru

Abstract. The purpose of the research is an attempt to specify the phonetic features that distinguish the regional and ethnic identity of African-American speech. The author conducted a three-stage experiment to study the speech of 28 African Americans, including auditory, perception and electro-acoustic types of analysis. As the result of the study, specific features of vocal and consonantal systems, the most frequent configurations of scales and terminal tones, the average pitch range and tempo of the respondents' speech were revealed. The perception analysis of African-American speech by non-native English speakers made it possible to determine the degree of the correctness of the perception of this dialect by auditors with different levels of linguistic training.

Keywords: African-American English, auditory analysis, perception analysis, electro-acoustic analysis, segmental level, speech melody, pitch range, tempo

For citation: Romanova, E. Yu. (2026). Ethnic Markers of African-American Phonetics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907). 86–94. (In Russ.)

Введение

Вопрос о статусе афроамериканского английского и его месте среди других разновидностей английского языка до сих пор вызывает горячие споры у исследователей-лингвистов. Сами носители предпочитают считать афроамериканский английский самостоятельным вариантом английского языка, в то время как ученые чаще рассматривают его в качестве диалекта. Популяризация афроамериканского английского началась в конце XX века, когда на заседании Школьного совета в Окленде (штат Калифорния) афроамериканский диалект был впервые признан равноправной разновидностью английского языка. Несомненно, афроамериканский английский, возникший в результате взаимодействия британского английского и африканских тональных языков-субстратов, представляет собой неповторимое и самобытное образование на всех уровнях развития.

В ходе проведения исследования автор поставил перед собой следующие задачи:

- на основе трехступенчатого анализа речевых отрывков носителей афроамериканского диалекта выявить звуковые девиации и интонационные особенности, сопоставить их с американской произносительной нормой и дать соответствующую лингвистическую интерпретацию;
- провести аудиторский анализ восприятия афроамериканской речи носителями английского языка и определить степень правильности восприятия данного диалекта аудиторами с различным уровнем лингвистической подготовки.

Актуальность работы определяется возрастающим интересом ученых-лингвистов к развитию региональных и этнических вариантов английского языка в современном многонациональном и мультикультурном мире. Афроамериканский английский занимает особое место среди американских диалектов, он обладает всеми необходимыми языковыми структурами и стилистической вариативностью: от формального стиля публичной речи до уличного сленга и популярной музыки в стиле рэп и хип-хоп, поэтому на протяжении нескольких десятилетий привлекает внимание многих исследователей из разных стран. Например, В. Вольфрам и У. Лабов посвятили ряд работ сопоставлению произносительных норм RP и GA и английских диалектов, включая афроамериканский вариант произношения [Wolfram, 2002; Labov, 2012]. Другие авторы: Э. Томас, Л. Грин, Р. Липпи-Грин, Г. Бейли, Дж. Рикфорд – уделили более пристальное внимание исследованию афроамериканской речи,

однако во многих случаях оно сводится лишь к анализу сегментного уровня, т. е. к выявлению звуковых особенностей речи [Green, 2004; Lippi-Green, 1997; Bailey, 2022].

Так, потребность в расширении и обогащении экспериментальных данных стала причиной проведения автором настоящего исследования, объединяющего анализ сегментного и супraseгментного уровней афроамериканской речи.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые подробно изучается супraseгментный уровень афроамериканской речи, включающий мелодические, диапазоновые и темпоральные особенности чтения и спонтанного монолога.

Практическая ценность исследования выражается в возможности использования материалов и результатов эксперимента для развития навыков восприятия и правильного понимания афроамериканской диалектной речи.

Методика проведения эксперимента

Проведенное автором экспериментальное исследование заключается в анализе звучащей речи носителей афроамериканского варианта английского языка, определении ее соответствия фонетической норме общеамериканского стандарта и выявлении специфических характеристик. В качестве респондентов были отобраны 28 человек (16 мужчин и 12 женщин), принадлежащих к различным возрастным группам (18–94 лет) и проживающих на территории США. В ходе эксперимента были проанализированы записи спонтанной речи, а также чтение текста. Среди участников эксперимента необходимо выделить 6 человек, относящихся к высшему классу американского общества: экономист Томас Соуэлл (Thomas Sowell), ведущая ток-шоу Опра Уинфри (Oprah Winfrey), баскетболист Майкл Джордан (Michael Jeffrey Jordan), астронавт НАСА Мэй Джемисон (Mae Jemison), певец и актер Обри Дрейк (Aubrey Drake Graham), модель Тайра Бэнкс (Tyra Lynne Banks), их речь в данном случае представлена отрывками из интервью.

Экспериментальное исследование включало три этапа:

- слуховой анализ особенностей вокалической и консонантной систем, а также фонетических процессов, характерных для слитной речи;
- аудиторский анализ восприятия афроамериканской речи носителями английского языка;
- акустический анализ мелодико-диапазоновых и темпоральных характеристик афроамериканской речи.

Слуховой анализ сегментного уровня звучания

Специфика *вокалической* системы афроамериканского варианта английского языка представлена следующими особенностями, обнаруженные в ходе эксперимента:

- 1) монофтонгизация дифтонгов /эв/, /аи/, /еи/;
- 2) выпадение безударного гласного или первого безударного слога целиком (*because* → *cause*);
- 3) слияние гласных /i/ → /e/;
- 4) слияние гласных /i/ → /i:/;
- 5) взаимная замена гласных /ʌ/ и /ɒ/ (*much, hurry*);
- 6) назализация гласных перед носовыми согласными [Nelson, 2020].

Внутри консонантной системы экспериментальные данные позволяют говорить о наличии следующих специфических характеристик:

- 1) преобладание безэрного типа произношения;
- 2) выпадение или вокализация финального /l/ с переходом в /u/;

- 3) трансформация зубного звонкого /ð/ в /d/ или /v/, глухого эквивалента /θ/ → в /t/ или /f/ (*north, then, this, with*);
- 4) упрощение финальных консонантных кластеров;
- 5) оглушение финальных /b/, /d/, /g/ (*deserted*);
- 6) произнесение звукосочетания /st/ как /ʃ/;
- 7) выпадение звука /j/ (*superb*) [Labov, 2006].

Интересно, что несмотря на наличие навыка публичных выступлений и умения корректировать свое произношение согласно правилам фонетической нормы, речь представителей афроамериканской элиты также изобилует произносительными девиациями, характерными для речи афроамериканцев в целом (см. табл. 1).

В процентном соотношении выявленные звуковые изменения в речи афроамериканцев привилегированного класса представлены на рисунке 1 (с. 88), где четко прослеживается высокая частотность случаев преобразования зубных согласных /θ/ и /ð/ в альвеолярные /t/-/d/ или губно-зубные /f/-/v/ (17%); продвижения вперед гласного заднего ряда /ɒ/, приобретающего окраску гласного среднего ряда /ʌ/ (21%); редукции

Таблица 1

Звуковые особенности речи афроамериканцев привилегированного класса

Фонетическая характеристика	Пример
Редукция финальных консонантных кластеров <i>pt, st, ld, ct, ft, nd</i>	happened → ['hæpən], understand → [ˌʌndə'stæn], thousand → ['taʊzən], trend → [trɛn], sand → [sæn]
Редукция <i>n't</i> во вспомогательных глаголах	don't → [dɒ]
Замена /θ/ на /t/, /f/ и /ð/ на /d/, /v/	thousand → ['taʊzən], that → [dæt], think → [tɪŋk], this → [dis]
Редукция /r/ после гласных (безэрный тип произношения)	personality → [ˌpɜːsə'nælɪri], for → [fə], dinner → ['dɪnə], perfect → ['pɜːfɪkt], person → ['pɜːsən], better → ['betə], actor → ['æktə], car → [kɑ], colour → ['kʌlə], cover → ['kʌvə], care → [keə], welfare → ['wɛlfə], picture → ['pɪktʃə], weren't → [wɜːnt], transformational → [ˌtrɛnsfɔː'meɪʃənəl]
Повышение гласного /ɔ:/	taught → [tɔt], doors → [dɔrz]
Продвижение вперед /ɒ/ с оттенком /ʌ/	popular → ['pɒpələ], possibility → [pɒsə'bɪləri], column → ['kɒləm], got → [gɒt], constantly → ['kɒnstəntli], model → ['mɒdl], modelling → ['mɒdlɪŋ], contract → ['kɒnˌtrækt], watch → [wɒtʃ], sorry → ['sɒri], problems → ['prɒbləmz]
Повышение /æ/ перед носовыми согласными	pandemic → [pæn'demɪk], can't → [kænt], transformational → [ˌtrɛnsfɔː'meɪʃənəl], sand → [sænd]

Языкознание

/r/ после гласных, характерной для безэрного типа произношения (25 %).

Аудиторский анализ восприятия афроамериканской речи носителями английского языка

Интересными и отчасти неожиданными представляются результаты второго этапа экспериментального исследования, в ходе которого восьми аудиторам предлагалось охарактеризовать звучащую речь восьми носителей афроамериканского диалекта (респондентов) при помощи анкеты, содержащей следующие вопросы (правильные ответы выделены жирным):

- Речь респондента 2 характеризуется преимущественно:
  - безэрным произношением
  - эрным произношением**
  - эрным произношением в безударных позициях
- Монофтонгизация дифтонгов /əv/, /aɪ/, /eɪ/ ярче проявляется в речи респондентов:
  - 6, 7**
  - 8
- Финальный сонант /l/ выпадает в речи респондента:
  - 2
  - 3
  - 6**
- Исходя из речевых особенностей, кто из респондентов может быть связан с актерской деятельностью?
  - 4
  - 7
  - 8**

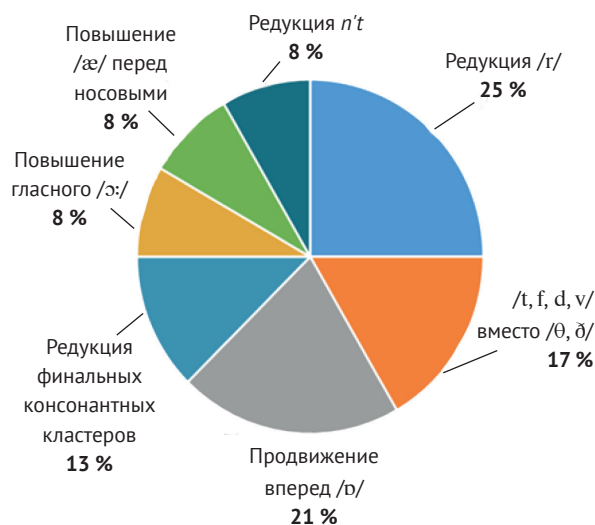

Рис. 1. Частотность выявленных звуковых изменений в речи афроамериканцев привилегированного класса

- Наблюдается ли в речи кого-либо из респондентов замена зубного /ð/ на альвеолярный /d/?
  - да, респондент 1
  - да, респондент 7**
  - нет, ни у кого
- В речи респондента 2 выявлено следующее явление:
  - замена зубного /ð/ на альвеолярный /d/
  - выпадение /j/**
- Определите, кто из респондентов родом из Южной Африки:
  - респондент 1**
  - респондент 3
  - респондент 8

Итак, восемь аудиторов, участвующих в эксперименте, были представлены студентами МГЛУ (аудиторы 1, 2, 3, 4); французами (юристом

Таблица 2

Восприятие аудиторами афроамериканской речи

Аудитор \ Вопрос	Ауд. 1	Ауд. 2	Ауд. 3	Ауд. 4	Ауд. 5	Ауд. 6	Ауд. 7	Ауд. 8
Вопрос 1	-	+	-	-	-	+	-	+
Вопрос 2	+	+	+	+	+	+	+	-
Вопрос 3	-	-	-	+	-	+	-	+
Вопрос 4	+	+	+	+	+	-	+	+
Вопрос 5	-	+	-	-	+	-	-	-
Вопрос 6	-	+	-	+	+	+	+	+
Вопрос 7	+	+	+	-	+	+	+	+

и бизнесменом), свободно владеющими английским языком (аудиторы 5, 6); русскими, не имеющими профильного лингвистического образования (аудиторы 7, 8).

Согласно результатам анкетирования, на вопросы 2, 4, 6, 7 было дано больше правильных ответов, чем на вопросы 1, 3 и 5, что может быть обусловлено слишком быстрым темпом речи респондентов 1 и 7. Кроме того, при ответе на вопрос 1 большинство аудиторов выбрали вариант ответа «в», хотя для анализируемого речевого отрывка в целом характерен ярко выраженный эрный тип произношения. Сложности возникли и с ответом на вопрос 5 из-за недостаточного количества примеров замены зубного /ð/ альвеолярным /d/ в речи респондента, а также выпадения финального сонанта /l/ в ответе на вопрос 3.

Следует отметить, что студенты-лингвисты испытывали трудности в ответе на вопрос 6 при попытке выявить случаи замены зубного /ð/ на альвеолярный /d/ в речи респондента 2. В целом данные аудиторы сделали одни и те же ошибки, отвечая на вопросы 1, 3, 5 и 6, поскольку, обладая достаточно глубокими знаниями фонетики, пытались вникнуть и в другие предложенные варианты ответов.

Неожиданными оказались результаты французских и русских аудиторов, не имеющих профильного лингвистического образования, которые

на интуитивном уровне смогли разобраться в тонкостях фонетической терминологии и выявить некоторые искомые процессы в речи респондентов.

Акустический анализ мелодико-диапазональных и темпоральных характеристик афроамериканской речи

Экспериментальные данные по исследованию супrasegmentного уровня афроамериканской звучащей речи немногочисленны и требуют обновления и дополнения. На сегодняшний день известно, что для носителей афроамериканского английского характерен широкий диапазон голоса с использованием высокочастотных формант [Шевченко, 2015]. Исследователи отмечают тенденцию к повышению уровня ЧОТ при переходе от одного ударного слога к другому, что связано с влиянием западноафриканских тональных языков-субстратов. Мелодика афроамериканского диалекта представлена большим количеством восходящих и ровных финальных контуров во всех типах предложений [Wolfram, 2002].

Однако диапазоновые показатели могут варьироваться в зависимости от материала исследования. Так, Е. А. Бабушкина в своей работе указывает на следующие диагностирующие признаки социально-этнической дифференциации

Таблица 3

Частотность употребления терминальных тонов

Гендер / Возраст	Тоны				
	нисходящий	восходящий	ровный	нисход-восход.	восход-нисход.
М 19	22	–	7	–	2
М 22	14	2	4	–	2
М 22	18	–	16	–	–
М 23	18	–	3	2	4
М 24	10	–	17	1	1
М 24	33	–	30	–	–
М 54	18	–	11	–	–
Ж 19	21	9	45	–	–
Ж 19	20	–	3	–	4
Ж 20	17	4	8	–	4
Ж 23	17	3	22	1	1
Ж 28	17	4	6	2	3
Ж 34	23	–	17	–	–
Ж 67	24	2	23	2	2
Общее	50% (272)	4% (24)	39% (212)	1% (8)	4% (23)

афроамериканской речи: зауженный мелодический диапазон, почти полное отсутствие сложных (нисходяще-восходящих и восходяще-нисходящих) тонов, что демонстрирует мелодическую ограниченность, а также быстрый темп речи [Бабушкина, 2011].

Результаты третьего этапа проведенного автором экспериментального исследования, включающего акустический анализ мелодико-диапазональных и темпоральных характеристик, позволяют сделать собственные выводы об интонационном своеобразии афроамериканской речи. Анализируя особенности конфигураций терминальных тонов, отраженные в таблице 3, можно говорить о значительном преобладании нисходящих моделей (50 % от общего числа) независимо от гендерно-возрастных признаков говорящего или его социального статуса. Второе место по частотности использования занимают ровные тоны (39 %), также выявленные в речи мужчин и женщин всех возрастов. Стоит отметить, что ровные тоны характерны для любой диалектной речи и являются базовыми для американского произносительного стандарта, поэтому данное наблюдение было ожидаемым [Wolfram, 2016]. Единичные случаи употребления сложных нисходяще-восходящих и восходяще-нисходящих тонов (1 % и 4 % соответственно) в анализируемых автором отрезках афроамериканской речи подтверждают

выводы Е. А. Бабушкиной, основанные на проведенных ранее экспериментах [Бабушкина, 2011]. Неожиданным стало практически полное отсутствие восходящих терминальных тонов (4 %), которые в современной английской диалектной речи обладают высокой степенью частотности как результат стихийного распространения интонационной модели «Uptalk» во всех крупных диалектах английского языка.

В таблице 4 наглядно представлены результаты исследования предтерминальных конфигураций, а именно: частотности употребления различных типов шкал респондентами-афроамериканцами. Согласно полученным данным, использование той или иной шкалы во многом зависит от типа речи. Поскольку исследование проводилось на материале чтения и спонтанного монолога, можно говорить о том, что для чтения характерными являются постепенно нисходящая ступенчатая шкала (28 %), позволяющая грамотно оформить прочитанный текст, и нисходящая ступенчатая шкала с нарушенной постепенностью (9 %) как способ выделения ключевой информации. В спонтанной речи чаще отмечалось использование ровной (16 %), смешанной (8 %) и одноударной (35 %) шкал, типичных для организации неподготовленного высказывания. Стоит отметить и единичные случаи употребления постепенно восходящей ступенчатой (2 %) и скользящей (2 %)

Таблица 4

Частотность употребления типов шкал

Гендер / Возраст	Шкалы						
	постепенно нисх.	постепенно восх.	нисход. с наруш. пост.	скользящая	ровная	смешанная	одноударная
М 19	9	–	–	–	3	4	7
М 22	6	2	4	2	5	–	2
М 22	5	–	2	–	4	3	14
М 23	5	–	4	–	–	6	5
М 24	4	–	2	–	11	4	6
М 24	15	–	8	6	9	2	10
М 54	5	–	2	–	7	3	7
Ж 19	14	1	4	–	8	–	21
Ж 19	11	–	2	1	–	3	5
Ж 20	7	1	2	–	3	3	11
Ж 23	5	2	1	–	7	3	10
Ж 28	10	1	–	–	5	2	10
Ж 34	11	–	6	–	–	1	20
Ж 67	9	1	2	–	5	–	16
Общее	28% (116)	2% (8)	9% (39)	2% (9)	16% (67)	8% (34)	35% (144)

типов шкал, придающих мелодике ярко выраженное эмоциональное звучание.

Результаты акустического анализа диапазона и темпа отражены в таблице 5. Так, полученные автором экспериментальные данные позволяют согласиться с выводами предыдущих исследователей о расширенном диапазоне, характерном для афроамериканской речи. Например, для американского произносительного стандарта (GA) Т. И. Шевченко в своих экспериментальных работах определяет средний диапазон 9 пт, причем диапазон женской речи шире, чем мужской [Шевченко, 2015]. Согласно результатам настоящего исследования, средний диапазон афроамериканской речи составляет 11–12 пт, но данные по мужской и женской речи неоднозначны. В чтении диапазон женской речи гораздо шире, чем мужской (Ж – 14 пт, М – 9 пт), однако в спонтанной речи, наоборот, женщины имеют более узкий диапазон (Ж – 10 пт, М – 14 пт). Стоит отметить, что речь афроамериканцев высокого социального статуса отличается еще более широким диапазоном (12–18 пт), что вполне объяснимо известностью данных респондентов, публичностью их профессии и, соответственно, обладанием навыками владения голосом и общения с аудиторией.

Исследование темпоральных характеристик позволяет сделать вывод о том, что темп у большинства респондентов-афроамериканцев быстрый

независимо от типа речи, гендера и профессии. Об этом свидетельствует преобладание кратких пауз в речи, а также контрастное соотношение времени фонации ко времени паузации (4:1 как для чтения, так и для спонтанной речи). О быстром темпе афроамериканской речи пишет в своей статье и Е. А. Бабушкина на основании анализа среднеслоговой длительности (СДС): для американского произносительного стандарта автор приводит максимальные показатели 251 мс у мужчин и 245 мс у женщин, в то время как в речи носителей афроамериканского диалекта происходит снижение показателей до 168 мс у мужчин и 181 мс у женщин, что соответствует ускоренному темпу речи [Бабушкина, 2011].

Заключение

Итак, проведенное автором экспериментальное исследование звучащей речи носителей афроамериканского варианта английского языка и определение ее этнической маркированности позволяет сделать следующие выводы:

1) к звуковым особенностям вокалической системы можно отнести монофтонгизацию дифтонгов /əʊ/, /aɪ/, /eɪ/; слияние гласных /ɪ/ – /e/ – /i:/; взаимную замену гласных /ʌ/ и /ɒ/; назализацию гласных перед носовыми согласными;

Таблица 5

Диапазонные и темпоральные акустические параметры

Гендер	Возраст	Диапазон	Пауза	Ф:П	Гендер	Возраст	Диапазон	Пауза	Ф:П
Чтение					Спонтанная речь				
М	19	10	п/долг.	2:1	М	18	8	п/долг.	4:1
М	20	7	краткая	5:1	М	24	7	п/долг.	2:1
М	22	10	краткая	5:1	М	38	13	краткая	3:1
М	23	10	краткая	5:1	М	40	19	<i>сверхдолг.</i>	3:1
М	24	6	п/долг.	3:1	М	50	21	<i>долгая</i>	2:1
М	43	9	п/долг.	3:1	М	62	12	краткая	4:1
М	54	15	краткая	7:1	М	94	17	краткая	4:1
М	54	4	краткая	2:1	Ж	17	18	краткая	7:1
М	58	11	долгая	3:1	Ж	19	5	краткая	3:1
Ж	19	11	краткая	4:1	Ж	51	7	краткая	3:1
Ж	20	9	краткая	6:1	Ж	67	7	<i>долгая</i>	2:1
Ж	23	15	краткая	4:1	Ж	68	18	краткая	6:1
Ж	28	13	краткая	7:1	Ж	71	5	краткая	3:1
Ж	34	13	краткая	5:1					
Ж	54	21	краткая	6:1					
Среднее		11	краткая	4:1	Среднее		12	<i>п/долг. / краткая</i>	4:1

2) консонантная система афроамериканского английского характеризуется преобладанием беззвонного типа произношения; выпадением / вокализацией финального /l/; реализацией зубного звонкого /ð/ как /d/ или /v/, глухого эквивалента /θ/ – как /t/ или /f/; упрощением финальных консонантных кластеров; оглушением финальных /b/, /d/, /g/; произнесением звукосочетания /st/ как /s/; выпадением звука /j/;

3) мелодическое своеобразие афроамериканской речи заключается в преобладании нисходящих и ровных терминальных тонов; постепенно нисходящей ступенчатой шкалы и нисходящей ступенчатой шкалы с нарушенной постепенностью

в чтении; ровной, смешанной и одноударной шкал в спонтанной речи. В целом мелодику можно определить как выровненную и монотонную вследствие отсутствия сложных тонов;

4) для афроамериканской звучащей речи характерно наличие широкого диапазона и быстрого темпа;

5) аудиторский анализ восприятия афроамериканской речи неносителями английского языка позволяет утверждать, что специфические звуковые девиации в сочетании со своеобразной интонационной окраской афроамериканской речи вполне узнаваемы аудиторами даже при отсутствии специальной подготовки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wolfram W. The development of African American English / W. Wolfram, E. R. Thomas // Oxford: Blackwell, 2002.
2. Labov W. Dialect Diversity in America: the Politics of Language Change. Charlottesville: University of Virginia Press, 2012. P. 38–67.
3. Green L. African American English // Language in the USA: Themes for the Twenty-First Century. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 76–91.
4. Lippi-Green R. English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. London, New York: Routledge, 1997.
5. Bailey G. African-American English: Structure, History, and Use / G. Bailey, J. R. Rickford // New York: Routledge, 2022. P. 93–116.
6. Nelson C. L. The Handbook of World Englishes / C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis. 2nd ed. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2020.
7. Labov W. The Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change / W. Labov, Sh. Ash, Ch. Boberg. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006.
8. Шевченко Т. И. Социофонетика. Национальная и социальная идентичность в английском произношении. М.: Ленанд, 2015.
9. Бабушкина Е. А. Роль интонационных характеристик речи в определении социально-этнической принадлежности говорящего / Е. А. Бабушкина, А. С. Александров // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 11. С. 13–18.
10. Wolfram W. American English: Dialects and Variation / W. Wolfram, N. Schilling // 3rd ed. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2016.

REFERENCES

1. Wolfram, W., Thomas, E. R. (2002). The development of African American English. Oxford: Blackwell.
2. Labov, W. (2012). Dialect Diversity in America: the Politics of Language Change (pp. 38–67). Charlottesville: University of Virginia Press.
3. Green, L. (2004). African American English. In Language in the USA: Themes for the Twenty-First Century (pp. 76–91). Cambridge: Cambridge University Press.
4. Lippi-Green, R. (1997). English with an Accent: Language, Ideology, and Discrimination in the United States. London, New York: Routledge.
5. Bailey, G., Rickford, J. R. (2022). African-American English: Structure, History, and Use (pp. 93–116). New York: Routledge.
6. Nelson, C. L., Proshina, Z. G., Davis, D. R. (2020). The Handbook of World Englishes. 2nd ed. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell.
7. Labov, W., Ash, Sh., Boberg, Ch. (2006). The Atlas of North American English: Phonetics, Phonology and Sound Change. Berlin: Mouton de Gruyter.
8. Shevchenko, T. I. (2015). Sociofonetika: Nacional'naja i social'naja identichnost' v anglijskom proiznoshenii = Sociophonetics: National and Social Identity in English pronunciation. Moscow: Lenand. (In Russ.)

9. Babushkina, E. A., Aleksandrov, A. S. (2011). Speech prosody as identifying means of speaker's social and ethnic background. *Bulletin of the Buryat State University*, 11, 13–18. (In Russ.)
10. Wolfram, W., Schilling, N. (2016). *American English: Dialects and Variation*. 3rd ed. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романова Екатерина Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanova Ekaterina Yurevna

PhD in Philology, Associate Professor
Associate Professor at the Department of English Phonetics
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	03.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	10.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Метафорическое пространство алкогольного опьянения

М. Д. Уразаев

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия
marat-urazaev@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление когнитивных механизмов метафоризации состояния алкогольного опьянения в русском языке. Материалом послужили 377 метафорически мотивированных номинаций, извлеченных из идеографического словаря алкогонимов. Методика включает анализ внутренней формы выражений, их сопоставление с семантикой и классификацию по инвариантным метафорическим проекциям. В результате были выделены 12 проекций и 105 моделей метафорического переноса, отражающих как сенсорно-соматические, так и социально-культурные аспекты метафоризации опьянения.

Ключевые слова: метафорическое пространство, алкогольное опьянение, воплощенное познание, восприятие, эбриетивная лексика

Для цитирования: Уразаев М. Д. Метафорическое пространство алкогольного опьянения (на материале русского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 95–102.

Original article

Metaphorical Space of Alcoholic Inebriation

Marat D. Urazaev

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia
marat-urazaev@yandex.ru

Abstract. The aim of this study is to identify the cognitive mechanisms underlying the metaphorical conceptualization of inebriation in the Russian language. The material comprises 377 metaphorically motivated nominations selected from ideographic dictionary of alcoholic expressions. The methodology involves analyzing the internal form of expressions, comparing them with their semantic meaning, and classifying them into invariant metaphorical projections. As a result, 12 major projections and 105 metaphorical models were identified, reflecting both embodied experiences and sociocultural metaphorical interpretations of inebriation.

Keywords: metaphorical space, insobriety, embodied cognition, perception, ebriative vocabulary

For citation: Urazaev, M. D. (2026). Metaphorical space of inebriation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 95–102. (In Russ.)

Введение

Философская теория натурализма утверждает, что физические состояния и процессы в человеческом теле коррелируют с ментальными состояниями и являются их причинами [Барышников, 2022]. Данная теория находит подтверждение в исследованиях когнитивной науки, в частности – в теории воплощенного познания [Farina, 2020; Embodied cognition in native and foreign language – evidence from a typing task, 2024]. Согласно этим изысканиям, воплощенное познание глубоко укоренено в структуре языковых единиц и конструкций, что проявляется как в абстрактных суждениях, так и в повседневной коммуникации [Pelkey, 2023]. Этот аспект наиболее ярко выражается в метафорах, через которые проецируются дополнительные коннотации, ассоциативные связи и т. п. [Дементьев, 2018].

Сама метафора является продуктом аналогического мышления – мыслительного процесса, суть которого заключается в формировании знаний о новых объектах через априорно заложенные в памяти знакомые и относительно сходные понятия. В частности, согласно теории концептуальной метафоры, метафора представляет собой механизм познания, предполагающий переживание одного явления через призму другого [Kövecses, 2020]. Структура метафоры включает область-цель, которая подлежит осмыслению, и область-источник, через которую осуществляется это осмысление. Например, такие номинации, как *закипеть, запальчивый, пылкий, горячий*, отражают известную концептуальную метафору: «Гнев – это повышение температуры» [Lakoff, 1980]. Она, в свою очередь, иллюстрирует воплощенное познание: при приступах гнева надпочечники выделяют в кровь адреналин и кортизол, что ведет к учащенному сердцебиению, повышению давления и температуры тела [James, 2023].

Вышеописанное можно отнести к понятийной сфере алкогольного опьянения, что отражается в богатстве лексикона в различных языках [Chunui, 2019]. В частности, в русскоязычном словаре «Между первой и второй... Словарь алкогонимов» А. Ю. Кожевникова представлено около 2,5 тысяч номинаций, связанных с употреблением алкоголя¹. Само алкогольное опьянение является сложным психофизическим и этнокультурным феноменом, охватывающим множество аспектов человеческой жизни. Эти аспекты, в свою очередь, нередко выражаются через фигуративный язык, в частности, через метафору. Поэтому метафорическое осмысление алкогольного опьянения является важным направлением в лингвистических исследованиях.

¹Кожевников А. Ю. Между первой и второй...: словарь алкогонимов. М.: ОЛМА Медиа групп. 2007.

Следовательно, актуальность настоящего исследования обусловлена не только возрастающим интересом к изучению метафоризации измененных состояний, но и существующим пробелом в когнитивно-лингвистическом описании метафорического осмысления алкогольного опьянения в русском языке. Несмотря на наличие отдельных работ, посвященных лексико-фразеологической репрезентации или культурным аспектам употребления алкоголя, системный анализ данной понятийной сферы в контексте теорий воплощенного познания и концептуальной метафоры до сих пор не проводился. В современном языкознании отсутствует целостная модель метафорического пространства алкогольного опьянения, позволяющая описать его иерархическую структуру и когнитивные сценарии. Настоящее исследование восполняет данный пробел, предлагая многоуровневую систематизацию метафорически мотивированных номинаций опьянения и выявляя механизмы, связывающие воплощенный, эмоциональный и культурный опыт в лексико-фразеологической репрезентации этого состояния.

Предметом исследования выступают когнитивные аспекты метафоризации алкогольного опьянения в русском языке, реализуемые через устойчивые ассоциативно-образные модели метафорического переноса.

Объект исследования представляет собой метафорически мотивированные номинации, обозначающие алкогольное опьянение.

В данной работе в качестве материала избирается объемное, лексикографически зафиксированное множество из 377 метафорически мотивированных номинаций с семантикой алкогольного опьянения, выбранных из идеографического словаря А. Ю. Кожевникова «Между первой и второй... Словарь алкогонимов», для обозначения которого предлагается использовать термин метафорическое пространство, предложенный Л. Г. Бабенко и В. В. Даниловой [Бабенко, 2023].

В исследовании были поставлены следующие задачи:

- 1) выявление корпуса метафорически мотивированных номинаций с семантикой алкогольного опьянения из идеографического словаря с помощью метода сплошной выборки, для использования их в качестве материала исследования;
- 2) идентификация мотивации и семантики выбранных номинаций для установления образных оснований метафорического переноса с помощью анализа внутренней формы;
- 3) определение набора различных метафорических проекций (М-проекций) и моделей (М-моделей), с целью определения их иерархической

структуры в метафорическом пространстве алкогольного опьянения;

4) истолкование типичных когнитивных признаков метафоризации опьянения, с учетом их психосоматической и культурной мотивации, используя метод сценарного моделирования в рамках когнитивного анализа;

5) интерпретация полученных результатов в контексте теории воплощенного познания и теории концептуальной метафоры, обозначив когнитивные механизмы метафоризации опьянения в русском языке.

Таким образом, научная новизна исследования заключается в систематизации метафорически мотивированных номинаций алкогольного опьянения на основе их иерархической категоризации, что позволяет описать многоуровневую структуру данной понятийной сферы и выделить типичные признаки ее осмысления.

Практическая ценность данной работы состоит в возможности использования полученных результатов при составлении идеографических словарей, в преподавании дисциплин по когнитивной лингвистике и семантике, а также в сопоставительных исследованиях в метафорологии.

Методология анализа метафорического пространства

Методология исследования обусловлена материалом исследования, который представляет собой лексические и фразеологические метафоры. Анализ метафорического пространства алкогольного опьянения направлен на выявление когнитивных схем, выраженных через устойчивые образные модели. Модели метафорического переноса выделяются на основе анализа соотношения внутренней формы лексико-фразеологической метафоры с ее языковым значением. При анализе метафорического переноса выделяется их иерархия: различаются метафорический инвариант как родовое понятие (М-проекция) и варианты как видовые понятия (М-модели), представляющие данную метафору.

Алгоритм исследования: 1) отбор материала методом сплошной выборки из идеографического словаря; 2) анализ внутренней формы метафорически мотивированных номинаций путем сопоставления с их языковым значением; 3) структурирование метафорического пространства через выделение М-моделей и классификацию по инвариантным М-проекциям; 4) анализ когнитивной структуры метафорического пространства через выявление типичных признаков; 5) интерпретация полученных данных.

Анализ структуры метафорического пространства

Проведенный анализ метафорических номинаций алкогольного опьянения позволил выявить сложную, многоуровневую систему понятийных и образных репрезентаций. В ходе исследования были выделены 12 М-проекций, каждая из которых структурирует опьянение как часть определенного когнитивного сценария.

1. М-проекция «опьянение – это изменение сознания» осмысляет алкогольное опьянение как переход в измененное психоэмоциональное состояние – от изменения настроения до потери контроля над поведением, дезориентации и когнитивных искажений. Всего 24 М-модели, 80 номинаций (21,22 %):

- 1) М-модель [нечистоплотность] → *нагваздаться, нахрюкаться, назезулиться, назюзиться, назюзюкаться, зачушковать* (6);
- 2) М-модель [возбуждение] → *в улете, улетать, улетевший, улететь, разымчивый, отлет* (6);
- 3) М-модель [движение по воде / диссоциация] → *уплывать, уплывший, уплыть, поплывший, поплыть* (5);
- 4) М-модель [удар по негативным эмоциям] → *нанести удар по бессмысленному существованию, нанести удар по застою в нервах, нанести удар по невнятной жизни, нанести удар по сумятице чувств* (4);
- 5) М-модель [веселье] → *веселенький, веселить, веселый, навеселе* (4);
- 6) М-модель [воодушевление] → *встряхнуться, взбодриться, менять жизнь в лучшую сторону* (4);
- 7) М-модель [головокружение / замешательство] → *вскружить голову, кружить голову, закружить голову, броситься в голову* (4);
- 8) М-модель [оглушение] → *одуревший, одуреть, прибалдевший, прибалдеть, под балдой* (4);
- 9) М-модель [беспечность] → *размагнититься, расслабиться, расслабляться, насвистаться* (4);
- 10) М-модель [движение транспорта / диссоциация] → *поехать, плыть, отъезжать, отъехавший* (4);
- 11) М-модель [шумное поведение] → *гудеж, гудеть, набарабаниться, натренькаться* (4);
- 12) М-модель [смыть страдания] → *замыть неприятности, затопить пожар в груди, заливать глаза (зенки)* (3);
- 13) М-модель [приступ грусти] → *взгрустить, прикуснуть, огорчиться* (3);

- 14) М-модель [радость] → *ласкать душу, захо-рошеть, порадоваться* (3);
- 15) М-модель [развлечение] → *гужеваться, отдыхать, отвести душу* (3);
- 16) М-модель [прояснение сознания] → *активизировать сознание, заинтересоваться, уточнить ситуацию* (3);
- 17) М-модель [крик животного] → *накукаркаться, ухрюкаться, квакнутой* (3);
- 18) М-модель [напряжение] → *натянуться, на взводе* (2);
- 19) М-модель [утешение] → *ублажить тоскующую душу, капнуть на душу* (2);
- 20) М-модель [квазимыслие] → *обсудить мировые проблемы* (1);
- 21) М-модель [галлюцинации] → *глюкнуть* (1);
- 22) М-модель [магический транс] → *чаровничать* (1);
- 23) М-модель [сокрытие] → *уйти в камыш* (1);
- 24) М-модель [хоровое пение] → *спевка* (1).

2. М-проекция «опьянение – это ущерб» показывает опьянение как агрессивное воздействие, приводящее к негативным последствиям. Проекция придает тяжесть и эмоциональную окраску восприятию опьянения, подчеркивая вред, связанный с ним. Выделено 15 М-моделей, 75 номинаций (19,89 %):

- 1) М-модель [удар] → *вдарить, вдатый, вдолбить, вломить, вмазанный, вмазать, вметелить, впендюрить, врезать, всалатить, всандалить, датик, датый, долбануть, зашибать, зюкнуть, клюкнувший, клюкнутой, клюкнуть, наклюкаться, настукаться, натюкаться, натюхаться, нах*рачиться, поддавать, поддавон, поддавший, поддатый, поддача, садить, треснуть, тютюкнуть, х*рачить, шибануть, шибать* (35);
- 2) М-модель [избиение] → *зафигачить, колошматить, метелить, надираться, надравшийся, надраться, надубаситься, наметелиться* (8);
- 3) М-модель [громкий удар] → *бабахнуть, бахать, бахнуть, бацнуть, грохнуть, камуфлетить, фугасить* (7);
- 4) М-модель [удар в голову] → *вбубенить, забубенить, набубениться, принять на лоб, ударить в голову* (5);
- 5) М-модель [удар по организму] → *нанести удар по организму* (1);
- 6) М-модель [удар в грудь] → *принять на грудь* (1);
- 7) М-модель [удар по печени] → *удар по печени* (1);
- 8) М-модель [удар по почкам] → *удар по почкам* (1);

- 9) М-модель [отравление] → *отравиться, отравленный, потравиться, травиться* (4);
- 10) М-модель [отравление дурманом] → *дурманить, задурманить, одурманивать, одурманиться* (4);
- 11) М-модель [отравление химикатами] → *купоросить, скипидарить* (2);
- 12) М-модель [смерть] → *крякнуть, откинуться* (2);
- 13) М-модель [отравление грибами] → *намухомориться* (1);
- 14) М-модель [ухудшение] → *усугублять* (1);
- 15) М-модель [поломка] → *сломаться* (1).

3. М-проекция «опьянение – это соматическая дезорганизация» апеллирует к телесно-когнитивной дисфункции в состоянии опьянения, когда человек утрачивает контроль над телом: движения становятся неуклюжими, речь – невнятной, а сенсорная моторика – искаженной. Выделено 20 М-модель, 59 номинаций (15,65 %):

- 1) М-модель [слабость в ногах] → *на ногах не (едва) стоит, на ровном месте не стоит, ноги бабочкой, ноги бантиком, ноги бубликом, ноги буквой зю, ноги вензелем, ноги кренделем, ноги узлом* (9);
- 2) М-модель [потеря сознания] → *в ауте, выключиться, вырубиться, отключиться, отрубиться, обрубиться, отключка, отруб, отрубон* (9);
- 3) М-модель [нестабильность походки] → *по одной половице не пройдет, ногами вензеля (вавилон, кренделя) выделявает (пишет), ногами заплетает, ногами мыслете выделяет, на бровях ходить* (5);
- 4) М-модель [заплетание языка] → *папа-мама не выговаривает, лыка не вяжет, языком не (еле) ворочает, язык заплетается* (4);
- 5) М-модель [искривление] → *окосевший, окосеть, косеть, косо, кривой* (4);
- 6) М-модель [визуальное искажение] → *в глазах двоится, поперек глазу пальца не видит, мальчики в глазах, осоловелый* (4);
- 7) М-модель [рекумбенция] → *ванька-в-стельку, чрезмерно горизонтальный, напластаться, состояние нестояния* (4);
- 8) М-модель [утомление] → *выпасть в осадок, никакой, никакенный, кончины* (4);
- 9) М-модель [косоглазие] → *глаза (глазки) в кучку, один глаз поперек* (2);
- 10) М-модель [задымленность / туман в глазах] → *чадный, угар* (2);
- 11) М-модель [плющение] → *плющить* (1);
- 12) М-модель [ускорение] → *газануть* (1);
- 13) М-модель [движение грузовика / тяжелое движение] → *фургонить* (1);

- 14) М-модель [сбиться с пути] → *нарулиться* (1);
- 15) М-модель [потеря самоконтроля] → *автопилот* (1);
- 16) М-модель [мотор / выключение] → *заглушить* (1);
- 17) М-модель [авария / потеря баланса] → *накуветиться* (1);
- 18) М-модель [ступор] → *остекленеть* (1);
- 19) М-модель [сонливость] → *усыпляющий* (1);
- 20) М-модель [метаболический стресс] → *работать печению* (1).

4. М-проекция «опьянение – это избыточность» концептуализирует опьянение как превышение меры, выход за допустимый предел. Базисом данной проекции служит образ-схема «контейнер», одна из базовых схем воплощенного познания. Всего выделено 5 М-моделей, 37 номинаций (9,81 %):

- 1) М-модель [переедание] → *внажоре, навинегретиться, нажор, нажраться, нажраться до поросячьего визга, нажрахаться, наизволиться, накушанный, накушаться, налопаться, насалатиться, натрескаться, пережор* (13);
- 2) М-модель [переход границы] → *нарезать, нарубиться, наклеваться, накликаться, нахвататься, перебор, хватить лишку, хватить лишнее* (8);
- 3) М-модель [нагрузка] → *грузиться, загруженный, загрузиться, нагруженный, нагрузившийся, нагрузиться, нести крепленую ношу* (7);
- 4) М-модель [наполнение] → *набираться, набравшийся, набраться, надуться, накачанный, накачаться, накачиваться, подкачанный* (8);
- 5) М-модель [бездонность] → *человек без дна* (1).

5. М-проекция «опьянение – это маскировка изъяна» репрезентирует употребление алкоголя как манипуляцию с «поврежденным» состоянием субъекта, будто человек имеет некий «дефект», требующий обработки. Эта проекция рационализирует опьянение: оно изображается как некий «ремонт» или «декор», а не как интоксикация. Выделено 4 М-модели, 26 номинаций (6,9 %):

- 1) М-модель [замазка дефектов] → *залудить, замазанный, замазать, замастырить, замесить, замостить, засандалить, засупонить, заутюжить* (9);
- 2) М-модель [обработка поверхности] → *заполировать, лакировать, отглянцевать, отлакировать, отполировать, отполироваться, отшлифовать, шлифануть* (8);
- 3) М-модель [изоляция изъяна] → *влудить, впаять, заканифолить, запаять, заутюжить, нагуталиниться* (6);

- 4) М-модель [внешний декор] → *накрахмалиться, нафанериться, навакаться* (3).

6. М-проекция «опьянение – это увлажнение» представляет алкогольное опьянение как увлажняющий акт, восстанавливающий организм. Проекция показывает культурную рационализацию употребления алкоголя в качестве бытовой нормы. Она включает 3 М-модели и 19 номинаций (5,04 %):

- 1) М-модель [гидратация / восстановление] → *замочить губы, замочить рыло (морду), смочить горло, смочить глотку, смочить язык, промочить горло, увлажнить пересохшее тело, мочить горло, полоскать горло, мочить жало, накапать на язычок* (11);
- 2) М-модель [гигиеническая процедура] → *мыть горло, мыть язык, прополоскать горло, прочистить горло, сполоснуть зубы* (6);
- 3) М-модель [смазка] → *смазать утомленный организм, смазать глотку* (2).

7. М-проекция «опьянение – это повышение температуры» отражает воплощенное осмысление алкоголя как разогревающего агента. Данный аспект основывается на физиологическом опыте: алкоголь действительно может вызывать ощущение тепла за счет ускорения кровообращения. Выделено 7 М-моделей, 19 номинаций (5,04 %):

- 1) М-модель [топка] → *бросить на колосники, втопить, кочегарить, на кочерге, жарганить* (5);
- 2) М-модель [согревание] → *подогретый, подогреться, погреться, принять для сугреву, согреться* (5);
- 3) М-модель [разогрев тела] → *разминаться, размяться, поддержать тонус* (3);
- 4) М-модель [жар] → *погорячиться, ходить на гейзер* (2);
- 5) М-модель [жарка] → *нажариться, жарить* (2);
- 6) М-модель [покраснение] → *красный нос* (1);
- 7) М-модель [тепло] → *тепленький* (1).

8. М-проекция «опьянение – это мероприятие» концептуализирует опьянение как социальное событие, иными словами, потребление алкоголя представляет собой часть данного события. Всего 3 М-модели, 16 номинаций (4,24 %):

- 1) М-модель [праздник] → *гули, гулянка, гуляшки, праздновать, отпраздновать, отмечать, справлять, праздник местного значения, подгуливать, подгулявший, подгулять, соорудить канделябру, торжествовать, фанфарить* (14);
- 2) М-модель [похороны] → *помянуть* (1);
- 3) М-модель [религиозный ритуал] → *причащаться* (1).

9. М-проекция «опьянение это внедрение» осмысляет опьянение как результат проникновения внешнего агента внутрь тела, что ассоциируется с инструментальным или производственным актом, придавая феномену механистическую окраску. Выделено 2 М-модели, 14 номинаций (3,71 %):

- 1) М-модель [внедрение] → *вдеть, вдевать, вкатить, вложить, вмонтировать, впаять, втачать, втесать, запипирить, засадить* (11);
- 2) М-модель [поместить внутрь] → *закладывать, закладывать за галстук, закладывать за ухо* (3).

10. М-проекция «опьянение – это медпроцедура» концептуализирует опьянение как оздоровительный или терапевтический акт, включая дезинфекцию, обезболивание, стимуляцию, диагностику и профилактику. Всего 8 М-моделей, 12 номинаций (3,18 %):

- 1) М-модель [лечение] → *исцелиться, подлечиться, хворь согнать, оздоровиться* (4);
- 2) М-модель [дезинфекция] → *провести дезинфекцию, продезинфицироваться* (2);
- 3) М-модель [экспертиза] → *провести экспертизу* (1);
- 4) М-модель [профилактика] → *провести профилактику* (1);
- 5) М-модель [инъекция] → *пустить в жилку* (1);
- 6) М-модель [фармостимуляция] → *принять допинг* (1);
- 7) М-модель [транквилизатор] → *наркоз* (1);
- 8) М-модель [БАД] → *гербалайфнуть* (1).

11. М-проекция «опьянение это энергетическое пополнение» показывает употребление алкоголя в роли акта восстановления энергетического потенциала. Это техническая метафора, заимствованная из повседневных сценариев таких как заправка топливом или зарядка аккумуляторов. Выделено 2 М-модели, 12 номинаций (3,18 %):

- 1) М-модель [заправка топливом] → *закеросинить, керосинить, накеросиниться, дозаправиться, заправиться, подзаправленный, подзарядиться* (7);
- 2) М-модель [зарядка] → *заряжаться, заряженный, подзаправиться, подзаряжаться, подзаряженный* (5).

12. М-проекция «опьянение – это достижение цели» представляет опьянение как путь, который заканчивается достижением определенного результата. Данная проекция основывается на образ-схеме «источник – путь – цель», репрезентирующей процесс как направленное движение от начальной точки (трезвое состояние) через определенную последовательность действий (путь как употребление алкоголя) к результату (опьянение как цель). Всего 3 М-модели, 8 номинаций (2,12 %):

- 1) М-модель [готовность] → *готовченко, готовчик, готовый, дойти до кондиции* (4);
- 2) М-модель [достижение цели] → *догнаться, догоняться* (2);
- 3) М-модель [завершение процесса] → *дочитать, начитанный* (2).

Таблица 1

Структура метафорического пространства алкогольного опьянения

№	Метафорическая проекция	Кол-во М-моделей	Кол-во номинаций	% от общего
1	Изменение сознания	24	80	21,22
2	Ущерб	15	75	19,89
3	Соматическая дезорганизация	19	59	15,65
4	Избыточность	5	37	9,81
5	Маскировка изъяна	4	26	6,90
6	Увлажнение	3	19	5,04
7	Повышение температуры	7	19	5,04
8	Мероприятие	3	16	4,24
9	Внедрение	2	14	3,71
10	Медицинская процедура	8	12	3,18
11	Энергетическое пополнение	2	12	3,18
12	Достижение цели	3	8	2,12
	ИТОГО	105	377	100

В таблице 1 представлено соотношение между М-проекциями, количеством М-моделей и количеством номинаций в метафорическом пространстве алкогольного опьянения.

Обсуждение результатов анализа

Проведенное исследование позволило выявить и систематизировать 12 М-проекций и 105 М-моделей, репрезентирующих алкогольное опьянение в русском языке. На основе анализа 377 номинаций была реконструирована многоуровневая структура метафорического пространства, в котором опьянение осмысливается через разнообразные образы.

Полученные данные демонстрируют амбивалентность и полисемантическую метафоры опьянения. Значительная часть проекций основана на телесных и сенсомоторных образах, что согласуется с теорией воплощенного познания. Среди них особенно показательные проекции «ущерб», «соматическая дезорганизация», «изменение сознания», «повышение температуры», «энергетическое пополнение», отражающие психофизиологические аспекты опьянения.

Другие метафоры передают социально-культурное восприятие алкоголя. Проекция типа «увлажнение», «мероприятие», «медицинская процедура», «маскировка изъяна», «внедрение», включают опьянение в повседневные сценарии, выполняя оправдывающую, нормализующую или ироническую функцию.

Анализ показывает многоликость метафорического пространства «алкогольное опьянение», которое включает в себя как негативные (удар, слабость, искажение, токсичность), так и амбивалентные модели (увлажнение, мероприятие, тепло, энергия). Это свидетельствует о том, что в русском языке отражается не столько однозначное воплощенное восприятие опьянения, сколько его полимодальность — культурная, социальная, эмоциональная и функциональная.

Заключение

Анализ метафорических номинаций алкогольного опьянения позволяет по-новому взглянуть на то,

как язык репрезентирует данное психофизическое и культурное явление. Разнообразие моделей показывает, что опьянение в массовом сознании не ограничивается лишь психофизиологическим эффектом, но воспринимается через призму социальных ритуалов и повседневных сценариев. Подобная лексическая репрезентация указывает на глубокую интегрированность восприятия опьянения в языковое сознание, где каждая метафорическая проекция отражает определенный способ осмысления.

В результате проведенного исследования были достигнуты поставленные задачи:

- 1) собран корпус номинаций из 377 метафорически мотивированных номинаций понятийной сферы алкогольного опьянения, отобранных методом сплошной выборки из идеографического словаря;
- 2) проведен анализ внутренней формы каждой номинации, что позволило выявить образные модели и их конкретные телесно-сенсорные или культурно-социальные ассоциации;
- 3) осуществлена категоризация номинаций по иерархии «метафорическая проекция» «метафорическая модель»: выделено 12 метафорических проекций и 105 моделей метафорического переноса.
- 4) определены когнитивные сценарии метафоризации опьянения, включающие как психофизиологические (ущерб, соматическая дезорганизация, изменение сознания), так и культурно-нормативные (мероприятие, увлажнение, медицинская процедура) интерпретации;
- 5) интерпретация позволила показать амбивалентность образа опьянения в русском языке: оно представлено как состояние с негативными последствиями и как социально одобряемый компонент культурных сценариев.

Полученные результаты демонстрируют, что метафорическое пространство алкогольного опьянения в русском языке является многоуровневой системой, где психические, соматические и культурные элементы взаимодействуют, формируя устойчивые модели восприятия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барышников П. Н. Разум как машина: влияние механицизма на концептуальные основания компьютерной метафоры // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2022. Т. 26. № 4. С. 755–769.
2. Farina M. Embodied cognition: dimensions, domains and applications // Adaptive Behavior. 2020. Vol. 29. № 1. P. 73–88.

3. Embodied cognition in native and foreign language – evidence from a typing task / Z. Ghavam Rankohi, R. Liepelt, J. Luchterhand-Dehn, L. Sperl // *Journal of Cognitive Psychology*. 2024. Vol. 37. № 1. P. 15–38.
4. Pelkey J. Embodiment and language // *WIREs Cognitive Science*. 2023. Vol. 14. № 5. P. e1649.
5. Дементьев В.В. Ключевые метафоры двухтысячных (на материале Рунета) // Проблемы речевой коммуникации: межвузовский сборник научных трудов: в 2 кн. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2018. Вып. 18. Кн. 1. С. 69–77.
6. Kövecses Z. *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
7. Lakoff G. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M. Johnson. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
8. James K. A. Understanding the relationships between physiological and psychosocial stress, cortisol and cognition / K. A. James, J. I. Stromin, N. Steenkamp, M. I. Combrinck // *Frontiers in Endocrinology (Lausanne)*. 2023. Vol. 14. Article ID: 1085950.
9. Chunyi L. A comparative study of idioms on drunkenness in Chinese and Spanish / L. Chunyi, A. Pamies // *Yearbook of Phraseology*. 2019. Vol. 10. № 1. P. 89–112.
10. Бабенко Л. Г. Чувство беспокойства в метафорическом зеркале / Л. Г. Бабенко, В. В. Данилова // *Вестник Южно-Уральского государственного университета*. Серия: Лингвистика. 2023. Т. 20. № 1. С. 35–40.

REFERENCES

1. Baryshnikov, P. N. (2022). Mind as a machine: The influence of mechanism on the conceptual foundations of the computer metaphor. *RUDN Journal of Philosophy*, 26(4), 755–769. (In Russ.)
2. Farina, M. (2020). Embodied cognition: Dimensions, domains and applications. *Adaptive Behavior*, 29(1), 73–88.
3. Ghavam Rankohi, Z., Liepelt, R., Luchterhand-Dehn, J., Sperl, L. (2024). Embodied cognition in native and foreign language – evidence from a typing task. *Journal of Cognitive Psychology*, 37(1), 15–38.
4. Pelkey, J. (2023). Embodiment and language. *WIREs Cognitive Science*, 14(5), e1649.
5. Demytyev, V. V. (2018). Key metaphors of the 2000s (based on Runet materials). In Kormilitsyna, M. A., Sirotnina, O. B. (Eds.), *Problems of speech communication: Interuniversity collection of scientific papers* (vol. 18, book 1, pp. 69–77). Saratov: Saratov State University. (In Russ.)
6. Kövecses, Z. (2020). *Extended Conceptual Metaphor Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press.
8. James, K. A., Stromin, J. I., Steenkamp, N., Combrinck, M. I. (2023). Understanding the relationships between physiological and psychosocial stress, cortisol and cognition. *Frontiers in Endocrinology (Lausanne)*, 14, Article 1085950.
9. Chunyi, L., Pamies, A. (2019). A comparative study of idioms on drunkenness in Chinese and Spanish. *Yearbook of Phraseology*, 10(1), 89–112.
10. Babenko, L. G., Danilova, V. V. (2023). The feeling of anxiety in the metaphorical mirror. *Bulletin of South Ural State University*. Series: Linguistics, 20(1), 35–40. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Уразаев Марат Дамирович

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов
Уфимского университета науки и технологий

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Urazaev Marat Damirovich

PhD in Philology
Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages for Humanities Faculties
Ufa University of Science and Technology

Статья поступила в редакцию	22.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Тип дискурса и диалект как факторы ритмической диглоссии в английском языке

Т. И. Шевченко¹, А. А. Борzych²

^{1,2}*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия*

¹*tatashevchenko@mail.ru*

²*anna.a.borzykh@mail.ru*

Аннотация. В статье впервые сопоставляется вариативность ритма, обусловленная фоностилистическими характеристиками типа дискурса и диалекта в английском языке. Цель исследования – оценить степень воздействия каждого фактора на создание эффекта ритмической диглоссии в речи носителей английского языка в двух странах, Австралии и Новой Зеландии, когда они сначала читают текст, а затем отвечают на вопросы в интервью. Все метрики, основанные на измерении вариативности согласных, отметили более значительную дифференциацию по типу дискурса; по принципу контроля длительности слогов ритм новозеландского диалекта был отнесен к слоги-читающему типу. Ритмическая диглоссия была доказана.

Ключевые слова: английский язык, ритм, Австралия, Новая Зеландия, ритмическая диглоссия, тип дискурса, диалект, метрики

Для цитирования: Шевченко Т. И. Тип дискурса и диалект как факторы ритмической диглоссии в английском языке / Т. И. Шевченко, А. А. Борzych // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 103–109.

Original article

Type of Discourse and Dialect as Factors of Rhythmic Diglossia in English

Tatiana I. Shevchenko¹, Anna A. Borzykh²

^{1,2}*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia*

¹*tatashevchenko@mail.ru*

²*anna.a.borzykh@mail.ru*

Abstract. The study is the first attempt at comparing the phonostylistic features of discourse type and dialect which provide for rhythm variation in English. The aim of the research is to evaluate the role of either factor in creating the effect of rhythmic diglossia in the speech of citizens of Australia and New Zealand engaged first in reading the text and then answering questions in the interview. Based on measuring consonantal variance three metrics evidenced a greater differentiation of discourse types; New Zealand rhythm was categorized as syllable-based on account of syllable duration control. Rhythmic diglossia proved to be relevant.

Keywords: English, rhythm, Australia, New Zealand, rhythmic diglossia, type of discourse, dialect, metrics

For citation: Shevchenko, T. I., Borzykh, A. A. (2026). Type of Discourse and Dialect as Factors of Rhythmic Diglossia in English. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 103–109. (In Russ.)

Введение

В данном исследовании мы обращаемся к вопросу о типологической классификации языков по характеру ритмической организации речи, которая определяла основные исходные положения сравнительной ритмологии в XX веке и претерпела значительные изменения на рубеже столетий.

Строгая дихотомия двух типов речевого ритма как тактосчитающего или слогосчитающего, согласно теории Пайка-Аберкромби, в разных языках мира в текущем столетии сменилась пересмотром этих категорий под воздействием языковых контактов, как, например, более сложными типами ритма в «новых английских языках». Основная тенденция – появление признаков слогосчитающего ритма в английском языке Сингапура, Гонконга, Индии и других азиатских стран несмотря на то, что английский язык традиционно относят к прототипическим тактосчитающим языкам по типу ритма.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в фокусе внимания оказываются Австралия и Новая Зеландия как страны «внутреннего круга», и факторами вариативности речевого ритма выступают два типа дискурса, чтение и говорение. Опираясь на свой лингвистический опыт и мнения известных лингвистов [Crystal, 1996], мы выдвигаем гипотезу о существовании «ритмической диглоссии» по аналогии с «интонационной диглоссией» [Cruttenden, 2007], которая проявляется в способности говорящего менять ритм в зависимости от типа дискурса. Задача исследования – проверить, как речевые навыки двух соседних стран могут воздействовать на проявление ритмических тенденций, характерных для чтения и говорения. Тем самым мы включаем фактор диалекта в рассмотрение ритмической вариативности английского языка.

Отмеченные выше обновления в понимании ритма не только как регулярного повторения, т. е. «периодичности сходных и соизмеримых единиц»¹, под которыми подразумевались слоги или такты, но и вполне сопоставимой в цифровом выражении *звучности* гласных и согласных стали возможны благодаря «новой парадигме» ритма. Так, в своей работе Дауэр на примере испанского (слогосчитающего) и английского (тактосчитающего) языков показала, что различие двух типов ритма обеспечивается наличием / отсутствием системы долгих и кратких гласных, кластеров согласных и редукции безударных гласных, т. е. того материала, из которого скроены слоги по законам конкретного языка [Dauer, 1983]. Эта идея изучить и измерить

вокалическую / консонантную насыщенность языков в качестве показателя *ритма* оказалась очень продуктивной, и на ее основе были разработаны метрики, собранные Майрано в Correlatore [Mairano, 2010]. Однако успешное применение этих метрик оказалось возможным только в пределах одной работы при последовательном соблюдении единообразия применяемых методик [Grabe, 2002]. Противоречивые результаты различных исследований, как справедливо отметила Арванити в своей статье², показали, что метод сопоставления требует строгого критического подхода к отбору применяемых методик.

Неугасающий интерес исследователей к теме ритмической организации звучащей речи доказывает ее актуальность в современной лингвистике. В большинстве работ в «новой парадигме» использовался метод *PVI* (pairwise variability index – индекс парной вариативности), основанный на сопоставлении длительности гласных и согласных в соседних слогах [Grabe, 2002; Fuchs, 2023; Сокорева, 2014]. Расхождения были связаны с тем, как рассматривать аппроксиманты: как гласные, как согласные или дифференцировать их по позициям в слоге. В нашем анализе все аппроксиманты рассматривались как гласные. Кроме метода *PVI* мы протестировали весь материал всеми другими известными метриками, собранными Майрано. Особое внимание уделялось результатам применения метрики, предназначенной именно для сопоставления показателей в разных диалектах одного языка [Bertinetto, 2008]. Эта метрика учитывает тенденцию тактосчитающих языков компенсировать длительность тактов в зависимости от количества и длительности составляющих слогов, а также тенденцию слогосчитающих языков к выравниванию длительности слогов. Соответственно, тактосчитающие языки и диалекты попадают в категорию «компенсирующих», а слогосчитающие – в категорию «контролирующих». Методика так и называется – индекс компенсации и контроля (Compensation and Control Index, далее CCI). Графическое представление полученных данных сравнения ритма в Австралии и Новой Зеландии на материале монологов в нашем предшествующем эксперименте показало эффективность данной метрики и наглядность результатов [Borzykh, 2025].

Исследование ритма английского языка с учетом факторов типа дискурса и диалекта вносит вклад в теорию ритмологии, обладает прикладным потенциалом для систем автоматического распознавания и синтеза речи, а также имеет практическую

¹Антипова А. М. Ритмическая система английской речи: учебное пособие для педагогических институтов. М.: Высшая школа, 1984. С. 40–53.

²Arvaniti A. Measuring Speech Rhythm // The Cambridge Handbook of Phonetics / R.-A. Knight, J. Setting (eds.). Cambridge : Cambridge University Press, 2022. P. 312–335.

значимость для обучения иностранным языкам в условиях межкультурной коммуникации.

Методология

Материал. В качестве звучащего материала использовались аудиозаписи из архива «The International Dialects of English Archive»¹. Звучащий корпус включает в себя образцы речи 38 жителей Австралии и Новой Зеландии (по 19 человек из каждой страны) общей длительностью 2 часа 46 минут 1 секунда, записанные в период с 1999 по 2024 год. Образцы речи сбалансированы по гендеру, возрасту и региону. В речи каждого респондента представлено два типа дискурса: сначала они читают одинаковый для всех текст, а затем отвечают на вопросы в интервью о себе, своем детстве и семье, регионе проживания и местных языковых особенностях. В среднем, чтение текста и ответы на вопросы занимают у одного респондента 4 минуты звучания.

Аннотирование аудиозаписи. Для ускорения процесса аннотирования исследуемого корпуса звучащей речи использовалась программа Montreal Forced Aligner [Montreal Forced Aligner, 2017], которая при помощи алгоритма автоматического распознавания речи сопоставляет транскрипт со звуковой дорожкой в Praat², определяя границы слов и отдельных звуков. После ручной проверки полученной разметки на ошибки и неточности, которые случаются из-за плохого качества аудиозаписи или постороннего шума, файлы TextGrid дополнялись третьим слоем для аннотирования вокалических и консонантных интервалов. Один согласный звук обозначался как [c], кластер из двух согласных – [cc], кластер из трех согласных – [ccc] и т. д. Аналогично, [v] использовался для обозначения одного гласного звука, дифтонг обозначался как [vv], трифтонг – [vvv]. Аппроксиманты принимались за вокалические интервалы. При отсутствии фонации [#] использовалась для обозначения паузы. Границы слов игнорировались.

Метрики. Аннотированные по системе CV файлы TextGrid помещались в программу Correlatore [Mairano, 2010], которая анализирует ритмические характеристики представленных образцов речи благодаря встроенным в нее формулам разработанных метрик:

¹International Dialects of English Archive (IDEA). URL: <https://www.dialectsarchive.com/> (дата обращения: 30.10.2025).

²Boersma, P., Weenink, D.: Praat: doing phonetics by computer [Computer program]. Version 6.4.06. URL: <http://www.praat.org/> (дата обращения: 12.11.2025).

- дельты – акустические ритмические корреляты, позволяющие рассчитать стандартное отклонение длительности вокалических интервалов (ΔV), стандартное отклонение длительности консонантных интервалов (ΔC) и процент вокалических интервалов во фразе (% V) [Ramus, 1999];
- PVI, который рассчитывает степень вариативности последовательных вокалических и консонантных интервалов [Grabe, 2002];
- коэффициент вариативности (Variation Coefficient, *dalee Varco*), который позволяет получить нормированные по темпу данные о вариативности вокалических и консонантных интервалов [Dellwo, 2003];
- CCI, разделяющий образцы речи на контролируемые (слогосчитающие) и компенсирующие (тактосчитающие) по типу ритма [Bertinetto, 2008].

Таким образом, основополагающий принцип работы программы – длительность вокалических и консонантных интервалов: удлинение акцентированных слогов и редукция безударных. Не менее важными являются фонологический и фонотактический аспекты, т. е. состав и насыщенность вокалических и консонантных интервалов, от которых также зависит конечный результат при выявлении ритмических тенденций.

Статистический анализ. На этапе проверки значимости и валидности результатов использовалась статистическая программа Jamovi³. Наиболее подходящим способом анализа оказался однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA) с использованием теста Уэлча, который дает возможность эффективно сравнить данные носителей английского языка из Австралии и Новой Зеландии, принимая во внимание ключевой фактор дискурса, и выявить статистически значимые различия между ними. Однофакторный дисперсионный анализ был проведен дважды, сначала группирующей переменной был тип дискурса, а затем диалект каждой страны. Зависимыми переменными являются значения всех метрик, экспортированных из Correlatore.

Результаты

Результаты анализа ритма в Correlatore представлены на диаграммах рассеяния, которые сопровождаются диаграммами усредненных данных. Для удобства дифференциации результатов по 38 респондентам в двух типах дискурса (что составляет

³The jamovi project. jamovi. (Version 2.3) [Computer Software]. URL: <https://www.jamovi.org> (дата обращения: 12.11.2025).

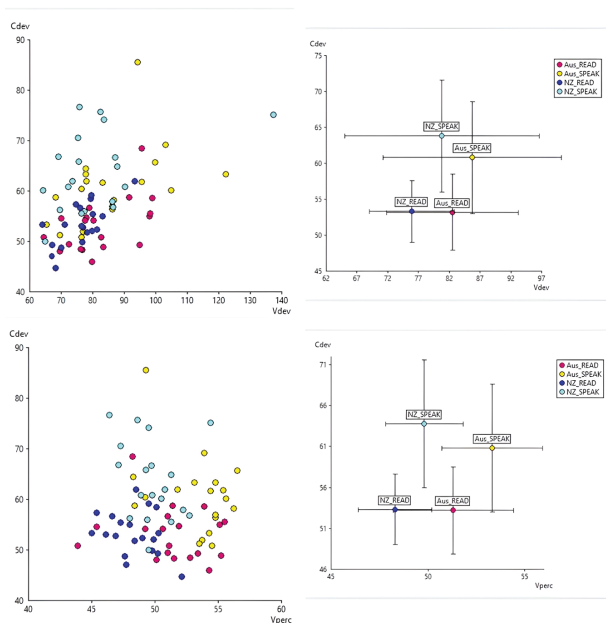

Рис. 1. Дельты ($\Delta C - \Delta V$; $\Delta C - \%V$)

76 точек на графиках), было введено следующее условное обозначение: Австралия (чтение) – розовый цвет, Австралия (говорение) – желтый цвет, Новая Зеландия (чтение) – синий цвет, Новая Зеландия (говорение) – голубой цвет.

Анализ по дельтам усредненных данных австралийских и новозеландских участников эксперимента (рис. 1) выявил противопоставление ритма чтения стандартного текста ритму говорения. Различия в показателях австралийского и новозеландского корпусов не обнаружено, как показало соответствие одного уровня вариативности консонантных интервалов. Спонтанное говорение продемонстрировало большую вариативность консонантных интервалов, обусловленную большим разнообразием слоговых структур, представленных в спонтанном говорении, включая хезитацию. Австралия демонстрирует большую вариативность вокалических интервалов. Сочетание метрик $\Delta C - \%V$ дало самый выразительный результат в отношении вокалических интервалов в говорении для австралийского варианта английского языка.

По показателям Varco (рис. 2) чтение и говорение разделились по одному паттерну в австралийском и новозеландском вариантах английского языка. В говорении вариативность длительности консонантных интервалов оказалась выше, что связано со сложностью слоговой структуры. Как известно, это связано с наличием как простых, так и сложных слоговых структур в акцентных языках. В процессе спонтанного говорения как вокалические, так и консонантные интервалы могут

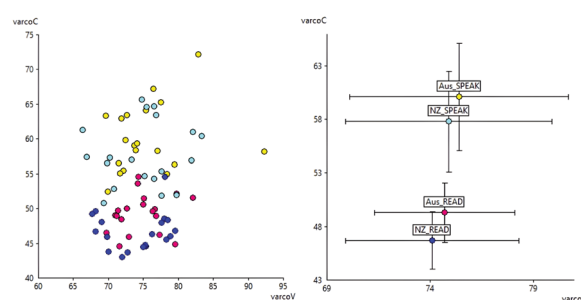

Рис. 2. Varco (VarcoC – VarcoV)

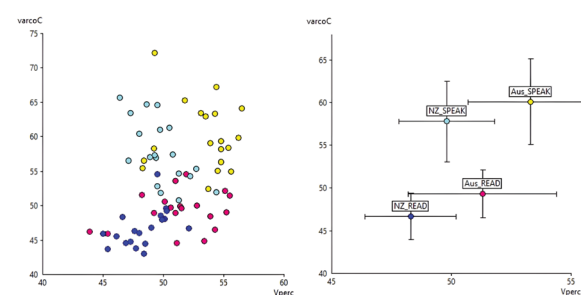

Рис. 3. Дельты и Varco (VarcoC – $\%V$)

значительно удлиняться и контрастировать за счет хезитации.

Данные по параметру VarcoC – $\%V$ (рис. 3) свидетельствуют о большой вариативности вокалических интервалов в Австралии, при этом главное свидетельство дифференциации двух типов дискурса проявляется в том, что они надежно разделены по степени вариативности и сложности слоговых структур, что проявлялось в вариативности консонантных интервалов.

Результаты PVI (рис. 4) подтверждают вариативность консонантных и вокалических интервалов, при этом наибольшую вариативность консонантных интервалов показало говорение на австралийском материале в случае нормализованного темпа, в то время как ненормализованные по темпу данные выделяют говорение в Новой Зеландии, где, как отмечалось ранее, был зафиксирован более высокий темп. Нормализованные по темпу данные дифференцируют прежде всего типы дискурса.

По результатам CCI (рис. 5) говорение и чтение информантов из Новой Зеландии характеризуется контролирующим типом слогового ритма. Маргинальные значения отмечаются в австралийском чтении, в то время как австралийское говорение характеризуется компенсирующим типом ритма, характерным для акцентных языков. Данные результаты противоречат ранее полученным результатам предыдущего анализа монологической речи [Vorzykh, 2025] и тем самым доказывают зависимость речевого ритма от типа дискурса.

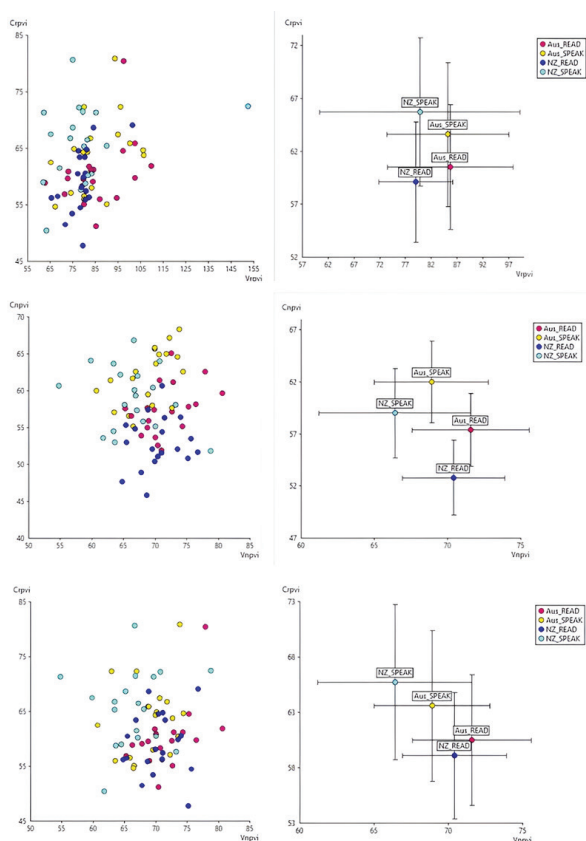

Рис. 4. PVI (CrPVI – VrPVI; CnPVI – VnPVI; CrPVI – VnPVI)

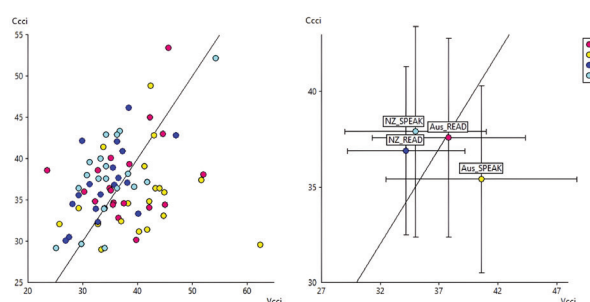

Рис. 5. CCI (cCCI – vCCI)

Однофакторный дисперсионный анализ подтвердил статистическую значимость различий ритма австралийской и новозеландской речи по типу дискурса, $p < 0,05$ для всех метрик (табл. 1).

В случае выбора диалекта каждой страны как группирующей переменной результат также подтверждает значимость вариативности, значение $p < 0,001$ для всех метрик (табл. 2).

Заключение

Выполненное исследование вариативности ритма верифицировало гипотезу о способности носителей английского языка в странах «внутреннего круга» изменять характер ритма речи

Таблица 1

Однофакторный дисперсионный анализ (Уэлч) по типу дискурса

Метрики	F	df1	df2	p
Vperc	8,94	1	74,0	0,004
Vdev	12,74	1	73,8	<,001
Cdev	15,86	1	73,9	<,001
VarcoV	12,37	1	73,7	<,001
VarcoC	23,14	1	72,7	<,001
VrPVI	10,40	1	73,9	0,002
CrPVI	9,81	1	74,0	0,002
VnPVI	10,50	1	73,8	0,002
CnPVI	5,72	1	73,6	0,019
VCCI	9,40	1	73,2	0,003
CCCI	9,94	1	72,9	0,002

Таблица 2

Однофакторный дисперсионный анализ (Уэлч) по диалекту

Метрики	F	df1	df2	p
Vperc	121,0	1	72,7	<,001
Vdev	106,3	1	69,8	<,001
Cdev	116,0	1	69,5	<,001
VarcoV	49,5	1	62,8	<,001
VarcoC	47,5	1	59,9	<,001
VrPVI	88,7	1	67,3	<,001
CrPVI	80,7	1	65,4	<,001
VnPVI	51,9	1	63,5	<,001
CnPVI	62,6	1	60,2	<,001
VCCI	122,5	1	70,8	<,001
CCCI	102,4	1	72,3	<,001

в зависимости от типа дискурса и диалекта вплоть до категориального изменения английского ритма в сторону слогосчитающего типа. Это служит доказательством ритмической диглоссии.

Из двух факторов, воздействующих на вариативность гласных и согласных, которая отражается в речевом ритме, наибольшее влияние оказывает тип дискурса по сравнению с диалектом соседней страны. Говорение, по данным трех метрик, отличается более высокой степенью консонантной вариативности.

Специфика ритма в каждой стране связана с речевыми навыками носителей каждого диалекта: в Австралии отмечена более высокая вариативность гласных; в Новой Зеландии по принципу контроля за длительностью слогов выявились характерные признаки слогосчитающего ритма.

Дальнейшее проникновение в природу и изучение механизма ритмической диглоссии представляются возможными благодаря анализу социодемографических данных носителей двух диалектов, голоса которых составляют архив двух корпусов. Влияние личностных характеристик возраста и гендера, возможно, обнаружит более дифференцированные связи типов ритма и типов дискурса.

Полученные на материале аутентичной речи данные о ритмической диглоссии могут быть использованы для автоматического анализа и более естественного синтеза в современных системах ИИ. В обучении иностранным языкам знакомство с образцами разных типов дискурса может способствовать задачам межкультурной коммуникации как с точки зрения восприятия, так и производства речи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Crystal D. The past, present and future of English rhythm // *Changes in pronunciation* / D. Crystal, M. Vaughan-Rees (eds.). Whitstable : IATEFL, 1996. P. 8–13. (Special issue of *Speak Out!*)
2. Cruttenden A. Intonational diglossia: A case study of Glasgow // *Journal of The International Phonetic Association*. 2007. Vol. 37. № 3. P. 257–274.
3. Dauer R. M. Stress-timing and syllable-timing reanalyzed // *Journal of Phonetics*. 1983. Vol. 11. № 1. P. 51–62.
4. Mairano P. Un confronto tra diverse metriche ritmiche usando Correlatore / P. Mairano, A. Romano // *La dimensione temporale del parlato : proc. of the V National AISV Congress, University of Zurich, Collegiengebäude, 4–6 February 2009* / S. Schmid, M. Schwarzenbach, D. Studer (eds.). Torriana (RN): EDK, 2010. P. 79–100.
5. Grabe E. Durational variability in Speech and the Rhythm Class Hypothesis / E. Grabe, T. L. Low // *Papers in Laboratory Phonology 7* / C. Gussenhoven, N. Waner (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 515–546.
6. Fuchs R. Analysing the speech rhythm of New Englishes: A guide to researchers and a case study on Pakistani, Philippine, Nigerian, and British English // *New Englishes, New Methods* / ed. by G. Wilson and M. Westphal, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2023. P. 132–155. DOI 10.1075/veaw.g68.07fuc.
7. Сокорева Т. В. Опыт сопоставления различных методик изучения ритма (на материале речи американских женщин) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2014. Вып. 1 (687). С. 233–251.
8. Bertinetto P. M. On modeling the rhythm of natural languages / P. M. Bertinetto, C. Bertini // *Proceedings of Speech Prosody 2008, Campinas (Brazil), 6–9 May 2008* / P. A. Barbosa, S. Madureira, C. Reis (eds.). Campinas, 2008. P. 427–430.
9. Borzykh A. Multidimensional Rhythm: Comparing Rhythmic Properties of Australian and New Zealand Monologues / A. Borzykh, T. Shevchenko // *Speech and Computer. SPECOM 2024. Lecture Notes in Computer Science*. Vol. 15299 / A. Karpov, V. Delić (eds.). Cham: Springer, 2025. P. 241–250.
10. Montreal Forced Aligner: trainable text-speech alignment using Kaldi / M. McAuliffe et al. // *Proceedings of the 18th Conference of the International Speech Communication Association (Interspeech 2017)*. Stockholm, 2017. P. 498–502.
11. Ramus F. Correlates of linguistic rhythm in the speech signal / F. Ramus, M. Nespor, J. Mehler // *Cognition*. 1999. Vol. 73. № 3. P. 265–292.
12. Dellwo V. Relations between language rhythm and speech rate // *Proceedings of 15th International Congress of the Phonetic Sciences* / V. Dellwo, P. Wagner. Barcelona, 2003. P. 471–474.

REFERENCES

1. Crystal, D. (1996). The past, present and future of English rhythm. In D. Crystal & M. Vaughan Pees (Eds.) *Changes in pronunciation* (Special issue of *Speak Out!* (pp. 8–13). Whitstable: IATEFL.
2. Cruttenden, A. (2007). Intonational diglossia: A case study of Glasgow. *Journal of the International Phonetic Association*, 37(3), 257–274.
3. Dauer, R. M. (1983). Stress-timing and syllable-timing reanalyzed. *Journal of Phonetics*, 11(1), 51–62.
4. Mairano, P., Romano, A. (2010). Un confronto tra diverse metriche ritmiche usando Correlatore. In Schmid, S., Schwarzenbach, M., Studer, D. (Eds.), *La dimensione temporale del parlato* (pp. 79–100): Proc. of the V National AISV Congress, University of Zurich, 4–6 February 2009. Torriana: EDK.
4. Grabe, E., Low, T. L. (2002). Durational variability in speech and the rhythm class hypothesis. In Gussenhoven, C., Waner, C. (Eds.), *Papers in Laboratory Phonology* (vol. 7, pp. 515–546). Cambridge: Cambridge University Press.
6. Fuchs, R. (2023). Analysing the speech rhythm of New Englishes: A guide to researchers and a case study on Pakistani, Philippine, Nigerian, and British English. In Wilson, G., Westphal, M. (Eds.), *New Englishes, New Methods* (pp. 132–155). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. DOI 10.1075/veaw.g68.07fuc.
7. Sokoreva, T. V. (2014). Comparing different methods of rhythm analysis (based on American female speech). *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 1(687), 233–251. (In Russ.)
8. Bertinetto, P. M., Bertini, C. (2008). On modeling the rhythm of natural languages. In Barbosa, P. A., Madureira, S., Reis, C. (Eds.), *Proceedings of Speech Prosody 2008* (pp. 427–430). Campinas (Brazil), 6–9 May 2008. Campinas.
9. Borzykh, A., Shevchenko, T. (2025). Multidimensional rhythm: Comparing rhythmic properties of Australian and New Zealand monologues. In Karpov, A., Deliћ, V. (Eds.), *Speech and Computer. SPECOM 2024. Lecture Notes in Computer Science* (vol. 15299, pp. 241–250.). Cham: Springer.
10. McAuliffe, M., Socolof, M., Mihuc, S., Wagner, M., Sonderegger, M. (2017). Montreal Forced Aligner: Trainable text-speech alignment using Kaldi. In *Proceedings of the 18th Conference of the International Speech Communication Association (Interspeech 2017)* (pp. 498–502). Stockholm.
11. Ramus, F., Nespov, M., Mehler, J. (1999). Correlates of linguistic rhythm in the speech signal. *Cognition*, 73(3), 265–292.
12. Dellwo V., Wagner P. (2003). Relations between language rhythm and speech rate. In *Proceedings of 15th International Congress of the Phonetic Sciences* (pp. 471–474). Barcelona.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Татьяна Ивановна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Борзых Анна Алексеевна

преподаватель кафедры фонетики английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shevchenko Tatyana Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of English Phonetics, English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Borzykh Anna Alexeyevna

Lecturer at the Department of English Phonetics
English Language Faculty, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.11.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.12.2025	approved after reviewing
принята к публикации	28.01.2026	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'282

Просодические особенности ответных реплик в спортивном интервью (на материале североанглийской диалектной речи)

П. К. Шишова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
pkshishova@gmail.com

Аннотация. В статье описываются просодические характеристики ответных реплик в постматчевых спортивных интервью на материале речи спортсменов-носителей североанглийских диалектов Лидса, Ливерпуля, Манчестера и Ньюкасла. Цель работы – выявление темпорально-ритмических параметров речи, обусловленных институциональными рамками устного спортивного дискурса, а также региональными речевыми особенностями носителей. Проведенный комплексный фонетический анализ показал, что просодическая организация речи спортсменов подчинена жанровым закономерностям интервью в аспектах асимметрии длительности реплик, а также их синтагматического членения. Региональная окраска просодии речи информантов связана, прежде всего, с вариативностью показателей скорости речи и ее ритмической структуры в разных городах севера Англии.

Ключевые слова: просодия, темпоральные характеристики речи, институциональный спортивный дискурс, постматчевое интервью, североанглийские диалекты

Для цитирования: Шишова П. К. Просодические особенности ответных реплик в спортивном интервью (на материале североанглийской диалектной речи) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 110–117.

Original article

Prosodic Characteristics of Response Turns in a Sports Interview (Based on Northern English Dialect Speech)

Polina K. Shishova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
pkshishova@gmail.com

Abstract. The article examines the prosodic characteristics of response turns in post-match sports interviews, based on speech produced by native speakers of Northern English dialects from Leeds, Liverpool, Manchester, and Newcastle. The study aims to identify temporal-rhythmic parameters of speech that are shaped by the institutional constraints of spoken sports discourse as well as by the regional speech features of the speakers. A comprehensive phonetic analysis shows that the prosodic organization of sportsmen's speech conforms to the genre conventions of the interview, notably in the asymmetry of turn durations and in prosodic / intonational phrasing. The regional colouring of informants' prosody is primarily associated with variability in speech rate and rhythmic structure across the northern cities of England.

Keywords: prosody, temporal speech parameters, institutional sports discourse, post-match interview, Northern English dialects

For citation: Shishova, P. K. (2026). Prosodic characteristics of responses in a sports interview (based on Northern English dialect speech). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 110–117. (In Russ.)

Введение

В исследовании предпринята попытка установить супraseгментные характеристики ответных реплик в спортивном интервью, которые обусловлены коммуникативно-прагматическим контекстом и, наряду с лексическими и грамматическими средствами, представляют специфику данного жанра.

Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения аутентичных образцов звучащей региональной речи в различных коммуникативных контекстах с целью выявления отличительных фонетических признаков, способствующих выражению культурной идентичности носителей на супraseгментном уровне. Данная проблема регулярно поднимается в современных фонетических исследованиях, посвященных мелодической и темпоральной вариативности региональных акцентов [Crystal, 1969; Torgersen, 2011; Демина, 2024]. Устойчивый интерес научного сообщества к этой области фонетических исследований подчеркивает необходимость дальнейшего анализа региональных особенностей речи и их связи с социальной идентичностью говорящих.

Новизна работы заключается в том, что в исследовании впервые проводится анализ темпорально-ритмических характеристик диалектно-окрашенной речи с целью выявления просодических особенностей институционального спортивного дискурса на севере Англии.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие задачи:

- 1) определить супraseгментные характеристики ответных реплик в спортивных интервью (соотношение длительности фонации и паузации, показатели скорости речи, скорости артикуляции, ритмический индекс $nPVI$);
- 2) провести сопоставительный анализ темпоральных показателей в речи информантов из разных городов северной Англии для определения региональных и дискурсивных особенностей спортивного интервью.

В фокусе внимания данного исследования находится институциональный спортивный дискурс, в котором роли участников формализованы, цели коммуникации заданы рамками события, а выбор языковых средств ограничен жанровыми рамками и медийным форматом. В жанре интервью также соблюдается жесткая ролевая структура: журналист задает вопросы, спортсмен или тренер отвечает на них, болельщики и зрители же выступают косвенным массовым адресатом [Wilton, 2021].

Теоретический вклад работы состоит в расширении представлений о просодической организации

англоязычного спортивного интервью и описании взаимодействия институциональных и региональных факторов в формировании темпорально-ритмической структуры этого типа дискурса. Прикладное значение результатов состоит в том, что полученные данные могут быть использованы при создании систем автоматической обработки речи, обучении устной коммуникации в сфере спортивной журналистики, а также для анализа речевого портрета спортсменов в публичном пространстве.

Обзор литературы

Известный исследователь дискурса Т. А. ван Дейк предложил рассматривать функционирование языка с учетом коммуникативного контекста и социальных аспектов, таких как статус, возраст, пол, этническая принадлежность участников общения, их культурный, образовательный и профессиональный «багаж» и другие значимые для общения характеристики. Такой подход позволил сформулировать более широкое понятие дискурса и вывести его рассмотрение за пределы разбора только языковых структур, привлекая к анализу социокультурную и коммуникативно-прагматическую составляющие вербального взаимодействия [Dijk, 1997].

В отечественной лингвистике вклад в разработку понятия дискурса внесли многие исследователи. Так, широко известно образное определение дискурса Н. Д. Арутюновой: «речь, погруженная в жизнь»¹. В работах российских ученых указывается, что дискурс характеризуется внешними и внутренними факторами и не только сам по себе является деятельностью, но и представляет набор правил и норм, в соответствии с которыми реализуется коммуникация. В трудах отечественных исследователей дискурс трактуется как особая форма существования языка, связанная с ментальностью народа [Кубрякова, 2000], которая находит отражение на всех уровнях системы, в том числе и на просодическом [Демина, 2016].

Существенный вклад в развитие теории дискурса вносит концепция В. И. Карасика, который противопоставляет институциональный дискурс, имеющий формальные роли и цели, и персональный, характеризующий сферу личного общения, а также предлагает их структурные параметры [Карасик, 2002]. Различие институционального и персонального дискурса заключается в целях, структуре ролей и соответствующих стратегиях. Так, например, в институциональном типе дискурса доминирует ролевая асимметрия, контроль языковых средств

¹Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136–137.

и соблюдение формальных рамок, а в персональном дискурсе – эмоциональность, свобода выражения и креативная языковая игра.

Применение методов разговорного анализа в коммуникативных исследованиях конца прошлого века показало, что общение внутри институционального дискурса отличается от обычного разговора, поскольку очередность в разговоре определяется либо посредством выбора текущего говорящего, либо путем «самовыбора» [Sacks, 1974]. С этой точки зрения институциональное общение характеризуется как целеориентированное и регламентированное набором допустимых действий.

Институциональный спортивный дискурс также обусловлен определенной системой норм и правил, которые задаются социальной и профессиональной деятельностью его участников. При этом жанры институционального спортивного дискурса включают не только устные форматы, такие как постматчевые интервью, пресс-конференции, официальные заявления спортивных клубов и трансляции, но и письменные тексты: пресс-релизы, аналитические спортивные обзоры, статьи спортивных изданий, публикации в официальных аккаунтах команд в социальных сетях. Более того, сегодня спортивный дискурс развивается в мультимодальной среде, где устные и письменные жанры дополняют друг друга [Abeza, 2023].

Исследователи признают, что институциональный характер дискурса ограничивает выбор лексических, грамматических и просодических средств [Демина, 2011]. В частности, в работе Л. Ходак постматчевое интервью рассматривается как жанр с устойчивыми дискурсивными ходами, из чего следует взаимосвязь институциональных рамок и стратегий речевого поведения спортсмена. Взаимодействие журналиста и спортсмена, по мнению исследователя, строится через стратегии вовлеченности и дистанцирования. Таким образом, интервьюер нередко использует хеджированные формулировки, тогда как игрок прибегает к эмоциональным высказываниям и более прямолинейным фразам, включая элементы просторечия [Graf, 2024].

Супрасегментные черты речи также изучаются в спортивном дискурсе. Так, в недавнем исследовании, проведенном на материале теннисных постматчевых интервью, авторы установили акустические различия в речи победителей и проигравших спортсменов. Акустико-просодический анализ выявил более динамичные изменения мелодического контура, а также большую вариативность интенсивности и спектральных характеристик в речи победителей матча. И, напротив, в речи игроков, проигравших матч, отмечались более ровные, монотонные

мелодические контуры в низком регистре и меньшая вариативность интенсивности¹. В исследовании С. Броньо, Б. Пикара и Т. Дрогмана была предложена схема аннотирования просодии для спортивных комментариев, включающая разметку кульминационных моментов и зон напряжения по показателям частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности, а также фиксацию паузационных отрезков. Помимо этого, экспериментальным путем было установлено, что каждому субжанру спортивного комментария соответствует определенный устойчивый акустический профиль. Кульминационные моменты игры характеризуются значительным повышением ЧОТ и громкости. При этом темп речи остается относительно стабильным, однако распределение пауз и длительность звучащих речевых отрезков изменяются в зависимости от уровня эмоционального напряжения [Brognaux, 2013]. Полученные наблюдения указывают на необходимость более детального анализа темпорального компонента спортивного дискурса и его системного описания.

Материал и методы

Корпус исследования состоит из видеозаписей постматчевых интервью восьми игроков локальных футбольных клубов в Лидсе, Ливерпуле, Манчестере и Ньюкасле длительностью 37 минут 46 секунд. Данные города были выбраны как урбанистические и культурные центры Северного региона Англии, известные своими диалектами. Отобранные постматчевые интервью носят характер кратких высказываний, ориентированных на быструю неподготовленную реакцию респондента на вопросы о только что закончившейся игре, и представляются показательными для изучения просодических параметров речи в рамках институционального спортивного дискурса.

Исследовательские методы включают слуховой и компьютерно-акустический анализ речевого материала с последующей количественной обработкой и лингвистической интерпретацией данных.

В ходе исследования были изучены такие темпоральные характеристики, как соотношение длительности фонации и паузации, средняя длительность пауз и фонационных отрезков, скорость речи и скорость артикуляции, а также коэффициент nPVI (normalised Pairwise Variability Index).

Выбор данных просодических параметров обусловлен тем, что они приводятся как наиболее информативные показатели темпоральной организации речи в экспериментальных фонетических

¹Kakouros S. Sounding Like a Winner? Prosodic Differences in Post-Match Interviews / S. Kakouros, H. Chen. 2025. URL: <https://arxiv.org/pdf/2506.02283> (дата обращения: 13.10.2025).

исследованиях [Crystal, 1969; Lehiste, 1970]. Математическая формула для вычисления индекса pPVI была предложена И. Лоу, Э. Грабе и Ф. Ноланом [Low, 2000] для сравнения ритмической структуры различных языков. В настоящее время этот показатель широко применяется в экспериментальной фонетике и вычисляется автоматически с помощью компьютерной программы PRAAT (версия 6.3.18)¹. Индекс pPVI отражает степень регулярности ритмической организации речи и может быть использован для выявления региональных и жанровых различий.

Результаты и дискуссия

Согласно полученным данным, длительность ответных реплик во всех регионах превышает длительность вопросительных (табл. 1). Согласно исследованиям А. Уилтона, на долю респондента приходится до 70 % времени интервью, что является спецификой институционального спортивного жанра и нашло подтверждение в нашем исследовании [Wilton, 2021]. Как отмечалось выше, для жанра постматчевого интервью свойственна асимметрия ролей: журналист задает краткие вопросы, но основная часть времени интервью уделяется спортсмену, чьи ответы значительно превышают вопросы по длительности.

Таблица 1

Соотношение длительности вопросительных и ответных реплик в спортивных интервью (в %)

Респонденты	Вопросительная реплика	Ответная реплика
Лидс	23,7	76,3
Ливерпуль	19,4	80,6
Манчестер	26,5	73,5
Ньюкасл	30,6	69,4

Вычисление соотношения фонации и паузации в ответных репликах (табл. 2) позволило проанализировать степень информационной наполненности высказывания. В речи спортсменов из Лидса и Ливерпуля данный показатель значительно выше, чем в остальных городах, что говорит о высокой информационной плотности высказываний и редком паузационном членении речи. Респонденты-игроки из Манчестера и Ньюкасла значительно чаще использовали длительные паузы.

¹Boersma P. Praat: doing phonetics by computer / P. Boersma, D. Weenink. Версия 6.3.18. Amsterdam: University of Amsterdam, 2015. URL: <https://www.praat.org/> (дата обращения: 12.10.2025).

Таблица 2

Соотношение фонации и паузации в ответных репликах

Респонденты	Фонация / паузация
Лидс	3,8
Ливерпуль	3,9
Манчестер	1,7
Ньюкасл	0,8

Подобная тенденция может быть интерпретирована как проявление региональной окраски речи, а не дискурсивных ограничений жанра спортивного интервью. Этот вывод согласуется с выводами М. А. Деминной и П. К. Шишовой о более медленном темпе речи и более частым использованием длительных пауз на севере Англии [Деминна и др., 2024], что позволяет рассматривать эти просодические особенности как маркеры культурной идентичности северян. В работах Д. Кристалла и И. Лехисте частотность и длительность пауз рассматриваются как важный инструмент построения дискурса, выполняющий функции когнитивного планирования реплики [Crystal, 1969; Lehiste, 1970]. Таким образом, более частотная паузация в репликах спортсменов из Манчестера и Ньюкасла может отражать региональную специфику организации мыслительного процесса и потока речи.

В таблице 3 и на рисунке 1 представлены результаты анализа показателей скорости речи и скорости артикуляции интервьюируемых. Параметр скорость речи учитывает общее количество слогов в секунду с включением времени паузации, тогда как скорость артикуляции отражает произнесение слогов без учета пауз [Crystal, 1969; Lehiste, 1970].

Таблица 3

Скорость речи и скорость артикуляции респондентов (сл/сек)

Респонденты	Скорость речи	Скорость артикуляции
Лидс	4,8	6,1
Ливерпуль	4,5	5,7
Манчестер	3,3	5,2
Ньюкасл	2,2	4,8
Британский стандарт ¹	4,0–4,5	5,0–5,5

¹Crystal D. Systems of Prosodic and Paralinguistic Features in English / D. Crystal, R. Quirk. The Hague : Mouton, 1964; Dellwo V. Rhythm and Speech Rate: A Variation Coefficient for deltaC // Language and Speech. 2006. Vol. 49. № 2. P. 115–126.

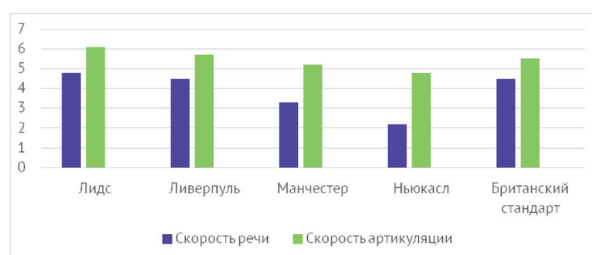

Рис. 1. Скорость речи и скорость артикуляции респондентов

Таблица 4

Средняя длительность паузационных и фонационных отрезков (мс)

Респонденты	Пауза	Фонационный отрезок
Лидс	477	1563
Ливерпуль	543	2186
Манчестер	558	933
Ньюкасл	669	569

В Лидсе и Ливерпуле приведенные показатели достаточно высокие по сравнению с особенностями речи респондентов из Манчестера и Ньюкасла. Это свидетельствует о том, что речь в Лидсе и Ливерпуле характеризуется малым количеством пауз и более быстрой артикуляцией. В Манчестере и

Ньюкасле разница между показателями скорости речи и артикуляции выражена сильнее и указывает на то, что артикуляционная скорость остается на относительно высоком уровне, однако скорость речи понижается до – 3,3 и 2,2 слога в секунду (рис. 1). Стоит отметить, что в экспериментально-фонетических исследованиях британского стандарта средние показатели скорости речи составляют 4,0–4,5 сл/сек, а скорости артикуляции – около 5,0–5,5 сл/сек.

Показатели средней длительности пауз и фонационных отрезков¹ также демонстрируют региональные отличия (табл. 4). Длительные фонационные отрезки отмечены в Ливерпуле (2186 мс) и Лидсе (1563 мс), что подтверждает более связный и развернутый характер ответов спортсменов из этих городов. В речи респондентов из Манчестера и Ньюкасла длительность фонационных отрезков значительно ниже – 933 мс и 569 мс, что указывает на «прерывистый» характер речи из-за частых пауз.

В ходе аудиторского анализа, была отмечена специфическая сегментация речи в ответах респондентов, поскольку границы фонационных отрезков не совпадали с границами синтагм (интонационно-смысловых отрезков речи). Кроме того, паузы использовались респондентами не между синтагмами, а внутри них (рис. 2).

¹Под фонационным отрезком понимается участок звучащей речи без паузы.

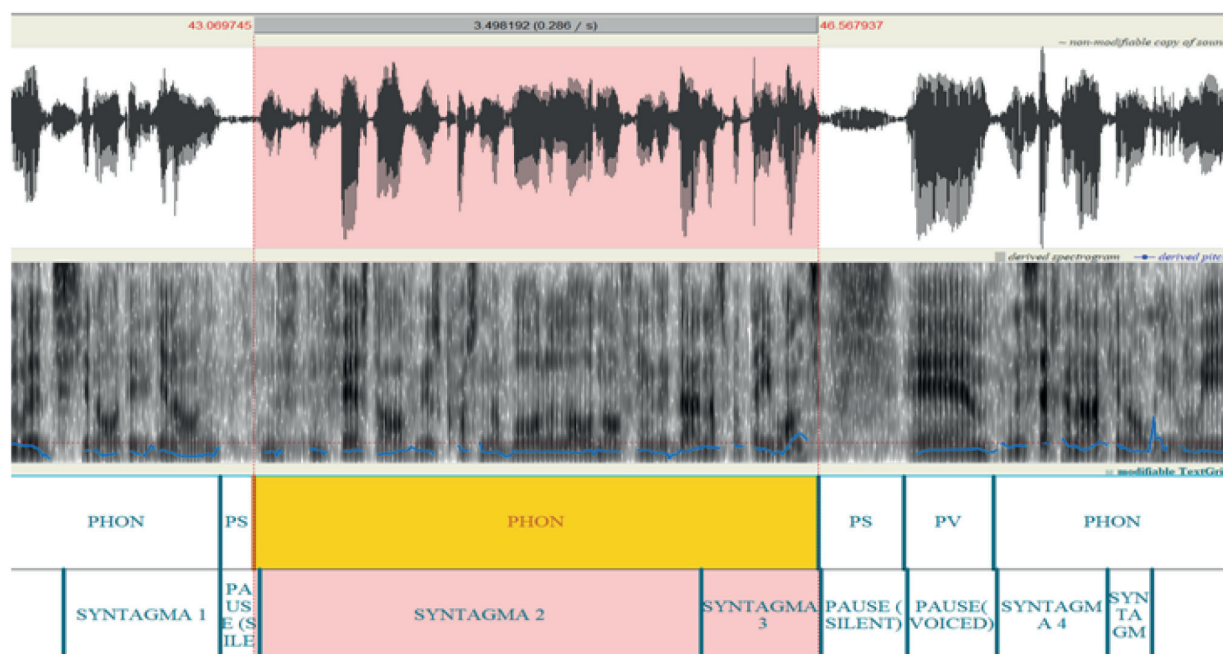

Рис. 2. Синтагматическая и темпоральная структура речи в реплике:

‘...you ,know the you →know in the ^first ,half we was ,crossing the ,ball a, lone or ,things like ,that √ that’s ‘what they ,want. →Em... }} and in the ‘second ,half you →know we →changed...’

(в данном примере граница синтагмы без паузы обозначена «√»)

Что касается показателя средней длительности пауз, то минимальные значения были зафиксированы в Лидсе – 477 мс, а самые высокие – в Ньюкасле (669 мс), что может также говорить о том, что речь спортсменов из Лидса отличается связностью и меньшей степенью фрагментации.

Ритмическая организация речи определялась с помощью показателя nPVI. Индекс nPVI отражает неравномерность длительностей соседних слогов, нормированную к их среднему значению [Low, 2000].

Ниже в таблице 5 приведены показатели nPVI, полученные в ходе эксперимента, в сравнении с показателями других экспериментальных исследований.

Таблица 5

Показатель nPVI в региональной английской речи

Респонденты	nPVI
Лидс	31,2
Ливерпуль	34,9
Манчестер	35,95
Ньюкасл	36,9
Лондон [Torgersen, Szakay, 2011]	53,7
Британский стандарт [Low, Grabe, Nolan, 2002]	57,2
Шетланд ¹	55,34

Следует отметить, что в работе Э. Торгерсена и А. Закей, посвященной исследованию лондонского английского, была отмечена значимость параметра nPVI в качестве маркера социолингвистической вариативности. Авторы заключили, что различия данного ритмического показателя напрямую коррелируют с географической локацией говорящих и их этнической принадлежностью [Torgersen, 2011].

В экспериментальном корпусе нашего исследования североанглийские значения nPVI (31,2–36,9) заметно ниже показателей, зафиксированных для лондонской речи (~53,7) и британского стандарта (~57,2), что позволяет сделать вывод о сглаженном слоговом ритме в речи респондентов из северных регионов. В речи игроков из Ньюкасла был зарегистрирован наибольший nPVI (36,9), что говорит об относительно контрастном слоговом

¹McGowan R. W. A Comparison of Rhythm in English Dialects and Music / R. W. McGowan, Levitt A. G. // Music Perception. 2011. Vol. 28. № 3. P. 307–313. DOI 10.1525/mp.2011.28.3.307.

ритме, тогда как речь респондентов из Лидса имеет «выровненный» ритмический профиль (31,2).

Заключение

Данное исследование позволило выявить совокупность темпоральных характеристик, отражающих как институциональные особенности жанра спортивного интервью, так и региональную просодическую специфику североанглийских диалектов. Основные результаты исследования можно сформулировать следующим образом:

- постматчевое интервью как институциональный жанр характеризуется асимметрией длительности вопросительных и ответных реплик, несинтагматическим членением речи спортсменов и наличием в ней внутрисинтагменных пауз;

- в речи респондентов из Лидса и Ливерпуля отмечаются более продолжительные фонационные отрезки, что указывает на высокую информационную плотность, тогда как в речи игроков из Манчестера и Ньюкасла наблюдается большая фрагментация речи за счет частотных пауз;

- скорость речи и артикуляции респондентов из Лидса и Ливерпуля находятся на уровне или выше среднеанглийских показателей, что свидетельствует о динамичной, развернутой речи. Аналогичные показатели в речи респондентов из Ньюкасла и Манчестера значительно ниже. При этом в речи игроков из Ньюкасла отмечается самый большой контраст между показателем скорости речи и скорости артикуляции за счет частотных пауз;

- сопоставительный анализ значений nPVI показал, что североанглийские значения значительно ниже показателей лондонского диалекта и британского стандарта, что интерпретируется как менее контрастный слоговой ритм и демонстрирует тенденции к слоговому выравниванию. В северном регионе речь респондентов из Ньюкасла демонстрирует наиболее контрастный ритм, в то время как параметры речи спортсменов из Лидса более выровнены.

Таким образом, темпоральные параметры в проанализированных примерах спортивного постматчевого интервью обусловлены комплексным влиянием институциональных дискурсивных и региональных факторов, взаимодействие которых определяет специфику этого жанра на севере Англии. Полученные результаты формируют перспективу для дальнейшего изучения просодической организации институционального спортивного дискурса с учетом региональной и социокультурной вариативности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Crystal D. *Prosodic Systems and Intonation in English*. Cambridge: Cambridge University Press, 1969.
2. Torgersen E. A Study of Rhythm in London: Is Syllable-Timing a Feature of Multicultural London English? / E. Torgersen, A. Szakay // *Proceedings of the 17th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS)*. Hong Kong, 2011. P. 1994–1997.
3. Демина М. А. Темпоральная вариативность диалектно-окрашенной речи на примере северных и южных диалектов Англии / М. А. Демина, П. К. Шишова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2024. Т. 17. № 8. С. 2671–2676.
4. Dijk T. A. van. *Principles of Critical Discourse analysis* // *Discourse & Society*. 1993. Vol. 4. P. 249–283.
5. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // *Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров* / РАН. ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания; редкол.: отв. ред. С. А. Ромашко и др. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 5–13.
6. Демина М. А. Лингвокультурный потенциал супrasegmentных средств речи // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2016. № 1 (740). С. 52–65.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоградский государственный педагогический университет; Научно-исследовательская лаборатория «Аксиол. Лингвистика». Волгоград: Перемена, 2002.
8. Sacks H. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation / H. Sacks, E. A. Schegloff, E. A. Jefferson // *Language*. 1974. Vol. 50. № 4. P. 696–735.
9. Abeza G. *Social Media and Sport Studies (2014–2023): A Critical Review* // *International Journal of Sport Communication*. 2023. Vol. 16. № 3. P. 251–261.
10. Демина М. А. Телевизионные новости как тип дискурса (лингвистический и прагматический аспекты) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2011. № 627. С. 200–210.
11. Graf E. M. The language and discourse(s) of football. Interdisciplinary and cross-modal perspectives: introduction to the thematic issue / E. M. Graf, M. Callies, M. Fleischhacker // *Soccer & Society*. 2023. Vol. 24. № 7. P. 921–925.
12. Brognaux S. New Prosody Annotation Protocol for Live Sports Commentaries / S. Brognaux, B. Picart, T. A. Drugman // *Proceedings of Interspeech 2013*. Lyon, 2013. P. 1554–1558.
13. Lehiste I. *Suprasegmentals*. Cambridge, MA: MIT Press, 1970.
14. Low E. L. Quantitative Characterization of Speech Rhythm: Syllable-Timing in Singapore English / E. L. Low, E. Grabe, F. Nolan // *Language and Speech*. 2000. Vol. 43. № 4. P. 377–401.
15. Wilton A. Epistemics in Post-Match Interviews: A Focus on Questioning Turn Design // *International Journal of Applied Linguistics*. 2021. Vol. 31. P. 132–150.

REFERENCES

1. Crystal, D. (1969). *Prosodic systems and intonation in English*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Torgersen, E., Szakay, A. (2011). A study of rhythm in London: Is syllable-timing a feature of Multicultural London English? In *Proceedings of the 17th International Congress of Phonetic Sciences (ICPhS)* (pp. 1994–1997). Hong Kong.
3. Demina, M. A., Shishova, P. K. (2024). Temporal variability of dialectal speech: A case study of northern and southern English dialects. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 17(8), 2671–2676.
4. Dijk, T. A. van. (1993). Principles of critical discourse analysis. *Discourse & Society*, 4(2), 249–283.
5. Kubryakova, E. S. (2000). O poniatiiakh diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoi lingvistike. = On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics. Moscow: INION RAN. (In Russ.)
6. Demina, M. A. (2016). Linguocultural potential of suprasegmental means of speech. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(740), 52–65.
7. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoi krug: Lichnost', kontsepty, diskurs. = On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
8. Sacks, H., Schegloff, E. A., Jefferson, G. (1974). A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*, 50(4), 696–735.
9. Abeza, G. (2023). Social media and sport studies (2014–2023): A critical review. *International Journal of Sport Communication*, 16(3), 251–261.

10. Demina, M. A. (2011). Television news as a type of discourse: Linguistic and pragmatic aspects. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, 627, 200–210. (In Russ.)
11. Graf, E. M., Callies, M., & Fleischhacker, M. (2023). The language and discourse(s) of football. *Interdisciplinary and cross-modal perspectives: introduction to the thematic issue. Soccer & Society*, 24(7), 921–925.
12. Brognaux, S., Picart, B., Drugman, T. (2013). A new prosody annotation protocol for live sports commentaries. In *Proceedings of Interspeech* (pp. 1554–1558). Lyon.
13. Lehiste, I. (1970). *Suprasegmentals*. Cambridge, MA: MIT Press.
14. Low, E. L., Grabe, E., Nolan, F. (2000). Quantitative characterization of speech rhythm: Syllable-timing in Singapore English. *Language and Speech*, 43(4), 377–401.
15. Wilton, A. (2021). Epistemics in post-match interviews: A focus on questioning turn design. *International Journal of Applied Linguistics*, 31, 132–150.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шишова Полина Кирилловна

старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации
факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
аспирант кафедры фонетики английского языка
Московского государственного лингвистического университет

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shishova Polina Kirillovna

Senior Lecturer
at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
Faculty of International Economic Relations,
Financial University under the Government of the Russian Federation
PhD student of the Department of Phonetics of the English Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	10.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	22.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Научная статья
УДК 81'42+81'344.1 Теория языка

Теоцентрика аксиологического пространства в поэтике К. Дж. Россетти

А. А. Шматько

Ставропольский государственный педагогический институт, Ставрополь, Россия
mailyasdfgh@gmail.com

Аннотация. Исследование фокусируется на выявлении экспликативного потенциала ритмико-рифмического и символического маркирования теоцентрических доминант аксиосферы элитарной языковой личности поэта. Ключевым подходом для определения факторов, формально-структурной и концептуально-содержательной интенсификации личностной теоцентрики служит герменевтико-ноэматический анализ. Поэтический текст, генерируемый в процессе противоборства бытийственных и бытовых элементов оценивания в условиях слома эпистем, является наиболее ярким пространством эстетизации концептуально-валерных систем. Автором доказывается примат теоцентрики в процессе трансляции индивидуально маркированных аксиологических компонентов в форме контрастивной экспликации доминификации в сильной ритмической позиции на фоне ослабления ритмических и концептуальных элементов социальных шкал.

Ключевые слова: поэтический дискурс, элитарная языковая личность, аксиосфера, теоцентричность, прецедентный текст, аллюзия, ритмико-рифмическое варьирование

Для цитирования: Шматько А. А. Теоцентрика аксиологического пространства в поэтике К. Дж. Россетти // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С.118–123.

Original article

The Theocentrism of Axiological Space in the Poetics of Ch. G. Rossetti

Angelina A. Shmat'ko

Stavropol State Pedagogical Institute, Stavropol, Russia
mailyasdfgh@gmail.com

Abstract. The study focuses on identifying the explicatory potential of the rhythm-rhyme and symbolic marking of theocentric dominants in the axiosphere of the poet's elite linguistic personality. Hermeneutic-noematic analysis serves as a key approach to identifying both formal-structural and conceptual-substantive factors that intensify personal theocentrism. The poetic text generated through the confrontation of existential and everyday elements of evaluation in the context of episteme breakdown is the most vivid space for the aesthetization of conceptual-value systems. The author demonstrates the primacy of theocentrism in the process of conveying individually marked axiological components in the form of a contrastive explication of dominance in a strong rhythmic position against a background of weakening rhythmic and conceptual elements of social scales.

Keywords: poetic discourse, elite linguistic personality, axiosphere, theocentricity, precedent text, allusion, rhythm-rhyme variation

For citation: Shmat'ko, A. A. (2026). The Theocentrism of Axiological Space in the Poetics of Ch. G. Rossetti. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 118–123. (In Russ.)

Введение

Поэтический дискурс как органичное сочетание собственно стихотворных произведений и метапоэтических дескрипций автора является одним из наиболее четко выверенных пространств экспликации и интенсификации аксиологических пространств как по внешней формальной стороне трансляции, так и в аспекте содержательно-топикальных элементов. Отдельной семантико-эстетической нагрузкой обладают и символические формы интимизации доминантных аксиологем, функционирующих в качестве узловых точек индивидуальной концептуально-валерной системы в поэтическом тексте [Бредихин, 2016]. Конвергенция формально-эстетического подхода и имплицитивно-ноэматического в представлении базовых ценностных ориентиров, проявляющихся в периоды радикальной смены эпистем, отмечает многие произведения мировой художественной литературы, однако творчество К. Дж. Россетти как «медиатора» сенсуалики и теоцентрики традиционализма в викторианский мир персональной прагматики достаточно сильно отличается от сходных «поэтических миров».

Эстетизация базовых аксиологем возможна в рамках актуализации отдельных фоносемантических компонентов, эксплицированных не только в ритмико-рифмической структуре произведения, но и нелинейной символике прецедентных текстов, бытующих в рефлексивном пространстве как отдельного автора, так и всего лингвокультурного сообщества [Поплавская, 2004]. Структурирование значимости элементов аксиосферы определяется на каждом конкретном этапе развития этнокультурного сообщества не только эпистемологическими «якорями», но и речежанровыми моделями их художественного представления.

В качестве главной цели работы выступает выявление конфессиональной детерминации аксиологического пространства и теоцентрических моделей актуализации оценки описываемых событий в поэтических произведениях К. Дж. Россетти. Ключевыми задачами служат: 1) анализ факторов интенсификации теоцентрики в условиях смены эпистемической парадигмы, 2) рассмотрение наиболее эффективных моделей теоцентрической аксиологизации и ее прецедентной привязки (влияние поэтики Данте Алигьери), 3) описание специфических поэтико-символических форм экспликации аксиогенеративных элементов картирования в структуре элитарной языковой личности.

Новизна проведенного исследования заключается в применении герменевтико-ноэматического

метода к анализу трицентрических компонентов экспликации картины мира элитарной языковой личности.

В работе впервые выявлены механизмы интенсификации и доминификации ценностного пространства на стыке эпистем викторианской и традиционной эпох, а также способы синергетического взаимодействия ритмико-рифмических и семантико-семиотических элементов трансляции идиоаксиосферы поэта.

Материал и методы

Для анализа глубинных аксиологических элементов, способа их теоцентрической детерминации, выявления интертекстуальных эстетико-имитативных прецедентных спецификаторов, а также определения степени конвергенции индивидуальных и коллективных аксиосфер в аспекте подкрепления и модификации ценностно-ориентационных доминант в рамках доминификации оценки применялась комплексная методология. Основой методологической конвергенции явился герменевтико-ноэматический метод в аспекте его приложения к метаструктурным и метаинструментальным планам порождения смыслов и символов [Бредихин, 2013].

Эмпирическим материалом для анализа послужили стихотворные произведения К. Дж. Россетти, включенные в сборник «New Poems», и отобранные методом стратифицированной топикально-центрической выборки. Основными критериальными показателями для отбора служили аллюзивные, а не прямые корреляции бытийной и бытийственной тематики в поэтическом произведении.

Результаты и дискуссия

Прежде всего необходимо определить факторы формирования и трансляции аксиосферы элитарной языковой личности поэта. Большинство современных ученых сходится во мнении, что представитель того или иного лингвокультурного сообщества может определяться в качестве элитарного носителя когниокоммуникативной культуры как наивысшей ступени развития языковой личности на основе нескольких критериальных признаков, главенствующим из которых является широта и возможность инновативно-креативного использования максимально возможных речевых и языковых средств при реализации собственных иллокутивных целей [Милованова, 2005]. При этом пространство целеполагания подобной элитарной языковой личности должно в качестве

ядерных узловых точек включать концептуализированные и конвенционализированные большинством носителей культуры ценностные элементы, структурирующие релевантность эпистемы как разделенных частных пертинентностей и моделей взаимодействия с миром и социумом [Бредихина, 2024]. Однако следует оговориться, что элитарность проявляется на всех уровнях структуры личности поэта, а потому данный фактор «исключительности» способен на основе пертинентной селекции создавать отличные от когниогенеративного «мейнстрима» области аксиологизации, т. е. формировать идеализированный ценностный мир, призмированный собственным мировидением. Так, творчество К. Дж. Россетти как «продукта» формирования когниоречевой элиты на сломе эпистем и культур (что обусловлено как ее высоким социальным статусом, происхождением, так и спецификой транскультурного становления в рамках британского викторианского сообщества и одновременным исходным влиянием католического, традиционного итальянского бэкграунда) может быть интерпретировано как пространство экспликации специфического культурно-конфессионального фронта. При этом дуальность языковой и культурной экспликации собственного аксиологического пространства поэтессы находит отражение не только в символично-концептуальном инструментарии, колоретной актуализации, но и в практике аллюзивного соотношения и ритмико-рифмической акцентуации в специфической ударной катафоре 2/3 и 5/6 длинной строфы.

Следует указать на специфику литературной и поэтической, в частности, доминирования ценностно-ориентационных узловых точек глубинного содержания. Никакое литературное произведение в связи с актуализацией прежде всего художественного вымысла и построением возможного мира, т. е. отвлечением мифологического и праологического компонентов от онтологической и спиритуалогической интенсификации и фокусировке на эстетическом, не оказывает никакого влияния на религию, создавая лишь пространство трансляции и популяризации канона. В связи с этим литературные формы реализуют только возможность транспонирования теоцентрики и унификации аксиологических доминант с религиозными посредством актуализации в потребностной сфере социума той или иной интерпретации Бога и собственно текста [Рязанова, 2025].

Интенциональность импульса к созданию определенного вектора интерпретации поэтического произведения, структурирующая и детерминирующая как формальные ритмико-рифмические и символические элементы актуализации, так

и всё глубинное содержание суггестивно-эстетического знака, в то же время формирует верную с продуцентской точки зрения и единственно возможную шкалу оценивания жизни вовлекаемого в пространство сотворчества и соосмысления реальности реципиента. Происходит это благодаря интенсификации «эстетико-эвристического измерения поэтического дискурса» [Чумак-Жунь, 2024, с. 113], способствующих когниоречевому «акту творения» «параллельного мира». Данная возможная поэтическая реальность представляется как инициальным компонентом генерации представлений о самом себе, так и результатом этого созидания аксиологически маркированной реальности, в которой в рассматриваемом поэтическом нарративе К. Дж. Россетти мериллом всего выступает бог Истины. И истина, и истинность в данном случае оказываются нерядоположенными категориями оценки поступков людей, мирского бытия и его соотносительности с Божественной волей. Таким образом, оценивающая функция теоцентрики оказывает существенное влияние и формирует основу для определения степени «развития личности – уровня, на котором решаются субъективные отношения человека с Богом» [Знаков, 1994]. Сравнение абсолюта Истины с истинностью социоцентрического викторианского характера наглядно демонстрирует доминирующие позиции теоцентрики, по крайней мере в картинировании объективной и рефлексивной реальности элитарной языковой личности поэтессы.

Реминисценциями к теоцентризму оценивания бытийных компонентов смертных элементов, а именно «жизненного следа» не в общественном, но в Божественном сознании, характеризуется двустрофное «One Sea-Side Grave».

Unmindful of the thorn,
A reaper tired reposes
Among his gathered corn¹

Аллюзивные формы актуализации этимологически-исторического пласта прецедентного библейского текста о принесении урожая и снопов, а также в контексте ветхозаветно упоминаемых трех праздников урожая подкрепляют аксиологему «следования», содержащую базовую доминанту оценивания жизненных усилий. Упоминание «жнеца» как образца селективного сборщика не мирских благ создает аллегорическую фигуру пути Божьего – собиравание паствы Иисусом. В итоговых строках данного стихотворения постулируется значимость

¹URL: <https://www.poetry.com/poem/5889/one-sea-side-grave> (дата обращения: 03.10.2025).

мирских и духовных свершений только в теоцентрической аксиосфере.

*While only one remembers
And all the rest forget, –
But one remembers yet¹.*

На основе анафорического ритмико-рифмического подкрепления достигается эффект максимизации единственно возможной системы оценки. Кроме того, в качестве ослабления позиций социумной аксиологии, она противопоставляется внутри слабой позиции рифмовки с темпоральным компонентом:

*Past as the days that set,
And all the rest forget,² –*

Другим действенным способом доминификации ценностно-ориентационного пространства служит намеренная актуализация архаико-религиозного, вводимого в текст викторианской поэмы моральной тематики местоимения второго лица единственного числа *Thou*.

*And youth and beauty die.
So be it, O my God, Thou God of truth:
Better than beauty and than youth
Are Saints and Angels, a glad company;
And Thou, O lord, our Rest and Ease,
Are better far than these.
Why should we shrink from our full harvest? why
Prefer to glean with Ruth?³*

В то же время наряду с трансляцией англосаксонских элементов конфессионального оязыкования ценности на основе противопоставления «плодов мирских» и «горних» – *we shrink from our full harvest* – Россетти вводит характерные для более традиционных сообществ элементы реминисценций к ветхозаветным прецедентным текстам. Так, упоминание эвфемизма *God of truth* в бираймовой катафорической строке является одним из наиболее значимых механизмов компаративного антиклимакса поэтессы. Именно в рамках этой градации происходит выдвигание на первый план абсолютной значимости (доминантной аксиологемы) «свет истины», сравниваемой с переходящими ценностями «красота» и «молодость».

Полноту умиротворения в следовании «стопами Господа» передает устойчивое выражение,

¹URL: <https://www.poetry.com/poem/5889/one-sea-side-grave> (дата обращения: 03.10.2025).

²Там же.

³URL: <https://www.poetry.com/poem/5926/sweet-death> (дата обращения: 03.10.2025).

используемое в качестве бинарного семантического единства без ингерентного противопоставления физического и ментального успокоения – *Rest and Ease*. Очуждение физической и ментальной активности в инициальном компоненте направлены на акцентуацию социальных, разделяемых викторианским сообществом ценностей, которые соподчинены более значимым в теоцентрическом пространстве оценивания умиротворению и душевному комфорту – ведь спешить, заботиться о соответствии общественным запросам больше не нужно. Но эта необходимость отпадает не только в случае смерти, но и в случае осознанного приближения к Богу, случае корреляции «субъективного и коллективного блага / добродетели». Именно в рамках интенсификации данной базовой аксиологемы католичества («добродетель») в финальной ударной позиции строфы приводится прецедентное ветхозаветное имя Руфь и прецедентную ситуацию сбора колосьев как аллегория еще одной христианской добродетели – смирения. Таким образом, эстетизации в данном произведении подвергается не Дантов феномен «смерти» как «бытия-по-ту-сторону», но феномен торжества жизни в различных формах, некая экзистенциальная категория, объединяющая хайдеггеровские *In- Sein, Da-Sein* и *So-Sein* [Хайдеггер, 2011]. Именно на основе данного теоцентрической шкалы оценивания как реальных, так и ментальных действий человека создается максима не онтологической, но негосциально-экзистенциальной жизни, что соответствует одной из базовых задач реализации элитарной языковой личности – поиска и следования «правильного» пути, отрицания бессмысленного существования.

Экспликация возвышения над мирскими ценностями в процессе «уничтожения плоти», смены потребностей соматического характера на пространство целеполагания, соотносящееся с теоцентрической шкалой оценивания, в форме драматического внутреннего монолога, в котором интенсифицированы фронтальные элементы борьбы укорененных в теоцентрической аксиосфере элитарной языковой личности доминант и созданных обществом утилитарных ценностей, осуществляется еще в одном знаковом стихотворном произведении К. Дж. Россетти, изданном лишь после смерти поэтессы – «The Convent Threshold». В ритмическом рисунке по модели 1/4, 2/7, 3/6, со сломанной рифмической структурой, без выстраивания соотносимых по объему длинных строф, что создает ассонансно-диссонансный рисунок [Бредихин, 2020], отражается смятение, вызванное сломом эпистем и контрастом коллективной и индивидуальной концептуально-валерных систем.

Следует указать, что именно конвергенция утилитарно-онтологических элементов оценивания и аффективно-религиозных (логических и экспрессивных) формирует тот вектор концептуальной интеграции семантических и семиотических ресурсов «с учетом взаимопритяжения и взаимного отталкивания» [Николаев, 2022, с. 4], которые создают неповторимый когниоречевой стиль Россетти, характеризующейся актуализацией теоцентрики в модернистском сообществе. Имитация и внешние проявления доминификации и формальная эстетизация утилитарных устремлений современного общества получает достаточно яркое осуждение в теоцентрической оценке.

...Or wake to sing a cadenced hymn
With *Cherubim* and *Seraphim*;
They bore the Cross, they drained the cup,
Racked, roasted, crushed, wrenched limb from limb,
*They the offscouring of the world.*¹

Одним из наиболее часто транслируемых и негативно ассоциируемых с христианской этикой, как и религиозностью вообще, считается образ креста, а закрепленность его ингерентной преданности каждому индивиду «нести свой крест» позволяет с помощью данного образа расширять как позитивное, так и дерогативное пространство оценивания. Почеркнем, что символы, которые содержат в материально-означающей компоненте геометрические образы, «зачастую аксиологически амбивалентны даже вне контекста времени и культуры» [Воркачев, 2024, с. 255]. Внедрение контрастивных символических элементов осуществляется в форме развернутой концептуализации страданий Христа, которые замыкаются в герменевтическом

¹URL: <https://www.poetry.com/poem/5932/the-convent-threshold> (дата обращения: 03.10.2025).

круге – *limb from limb*. Финальная фраза в ударной позиции представляющая безапелляционный вывод, основанный на индивидуальном оценивании «тщетности» имитационных усилий, закрепляет необходимость соприсутствия и руководства принципами теоцентризма в обыденной жизни.

Заключение

На основе герменевтико-ноэматиического подхода с внедрением приемов концептуального, прагма-аксиологического анализа в осложненных ритмико-рифмическим и символическим варьированием стихотворных текстах позднего периода творчества К. Дж. Россетти была выявлена основная теоцентрическая доминанта бытийственно-бытовой картины мира элитарной языковой личности поэтессы. В качестве основных форм интенсификации теоцентрики поэтического дискурса, интимизирующего идиокомпоненты аксиосферы, следует признать:

- 1) контрастивную экспликацию доминификации (в сильной ритмической позиции) и социализации (в слабой) оценочных векторов и шкал, которая органично включает аллюзивную семантику «преходящее / вечное» как бинарную семантическую оппозицию в противоборстве и единении божественного и мирского;
- 2) актуализацию архаико-религиозных элементов как средств поэтической эстетизации;
- 3) эстетизация аксиологем в бинарных семантических единствах и устойчивых выражениях с реминисценцией к прецедентам ветхозаветным текстам в сильных финальных позициях ритмико-рифмической структуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бредихин С. Н. Поэтический текст как коммуникативно-эстетическая категория / С. Н. Бредихин, Л. П. Давыдова // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 210–216.
2. Поплавская И. А. Романтическая эстетика и поэтика как предмет рефлексии М. М. Бахтина // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 282. С. 190–193.
3. Бредихин С. Н. Метасредства как сложные структуры «схем действия» в пределах герменевтического понимания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 4. С. 110–113.
4. Милованова Л. А. Языковая личность: факторы становления и развития // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 4. С. 68–77.
5. Бредихина Ю. И. Пространство целеполагания как форма учета ценностных ориентаций в дискурсе социальной работы (пертинентность vs релевантность) // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 1. С. 168–174. DOI 10.37493/2409-1030.2024.1.19.
6. Рязанова С. В. Религиозные образы и идеи и их превращения в русской литературе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. № 4 (2). С. 202–211.
7. Чумак-Жунь И. И. К вопросу об авторе поэтического текста как языковой личности // Университетские чтения – 2024. Пятигорск: ПГУ, 2024. С. 113–118.

8. Знаков В. В. Категории правды и лжи в русской духовной традиции и современной психологии понимания // Вопросы психологии. 1994. №. 2. С. 55–64.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011.
10. Бредихин С. Н. Специфика средств акцентуации в реализации перлокутивного эффекта детского поэтического текста / С. Н. Бредихин, Т. Г. Борисова // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 4. С. 183–192.
11. Николаев С. Г. Взаимодействие религиозно-церковного стиля со смежными сферами: онтология и экспрессология / С. Г. Николаев, Ю. С. Карагодская. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2022.
12. Воркачев С. Г. Символизация абстракций и геометрия символа в языковом воплощении // Аксиология и когнитивная лингвистика. М.: ГосИРЯ им. А. С. Пушкина, 2024. С. 253–257.

REFERENCES

1. Bredikhin, S. N., Davydova, L. P. (2016). Poetic Text as Communicative-Aesthetic Category. *Humanities and Law Research*, 2, 210–216. (In Russ.)
2. Poplavskaya, I. A. (2004). Romanticheskaya estetika i poetika kak predmet refleksii M. M. Bakhtina = Romantic Esthetics and Poetics as the Subject of M. M. Bakhtin's Reflection. *Tomsk State University Journal*, 282, 190–193. (In Russ.)
3. Bredikhin, S. N. (2013). Metasredstva kak slozhnye struktury «skhem deystvovaniya» v predelakh germeneyticheskogo ponimaniya = Metameans as Complex Structures of the “Schemes Of Acting” within Hermeneutical Understanding. *Bulletin of the Pyatigorsk State Linguistic University*, 4, 110–113. (In Russ.)
4. Milovanova, L. A. (2005). Yazykovaya lichnost': faktory stanovleniya i razvitiya = Language Personality: Factors of Formation and Development. *Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 4, 68–77. (In Russ.)
5. Bredikhina, Yu. I. (2024). The Goal-Setting Space as a Form of Value Orientation within the Discourse of Social Work (Pertinence vs Relevance). *Humanities and Law Research*, 11(1), 168–174. DOI 10.37493/2409–1030.2024.1.19. (In Russ.)
6. Ryazanova, S. V. (2015). Religious Images and Ideas and their Transformations in Russian Literature. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 4(2), 202–211. (In Russ.)
7. Chumak-Zhun', I. I. (2024). On the Author of a Poetic Text as a Linguistic Personality. *Universitetskie chteniya – 2024. Pyatigorsk: PSU*, 113–118. (In Russ.)
8. Znakov, V. V. (1994). Kategorii pravdy i lzhi v russkoy dukhovnoy traditsii i sovremennoy psikhologii ponimaniya = The Categories of Truth and Falsehood in the Russian Spiritual Tradition and Modern Psychology of Understanding. *Voprosy Psikhologii*, 2, 55–64. (In Russ.)
9. Heidegger, M. (2011). *Bytie i vremya = Existence and time*. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russ.)
10. Bredikhin, S. N., Borisova T. G. (2020). Specifics of Accentuation Tools in the Implementation of the Perlocutory Effect in Children's Poetry Text. *Humanities and Law Research*, 4, 183–192. (In Russ.)
11. Nikolaev, S. G., Karagodskaya Yu. S. (2022). Vzaimodeystvie religiozno-tserkovnogo stilya so smezhnymi sferami: ontologiya i ekspressologiya = Interaction of Religious and Church Styles with Related Fields: ontology and expressology. *Rostov-on-Don: South Fed. Univ.* (In Russ.)
12. Vorkachev, S. G. (2024). Simvolizatsiya abstraktsiy i geometriya simvola vyazykovom voploshchenii = Symbolization of Abstractions and Geometry of the Symbol in Language Incarnation. In *Aksiologiya i kognitivnaya lingvistika* (pp. 253–257). Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шматько Ангелина Александровна

аспирант кафедры русского, родных языков и лингводидактики
Ставропольского государственного педагогического института

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shmat'ko Angelina Alexandrovna

PhD student of the Department of Russian, native languages and linguodidactics
Stavropol State Pedagogical Institute

Статья поступила в редакцию	15.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	23.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Научная статья
УДК 82.0

От миссис Браун к «Миссис Дэллоуэй» – творческая техника Вирджинии Вулф

Т. М. Грушевская¹, Е. С. Грушевская², А. А. Антонова³

^{1,2,3}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹kff-kubsu@yandex.ru

²kff-kubsu@yandex.ru

³ang.gd@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – исследование формирования индивидуального писательского стиля Вирджинии Вулф под влиянием философских, научных и социальных факторов. Анализируется полемика Вулф с реализмом эдвардианской эпохи и ее новаторский подход к изображению характера через призму философии Дж. Э. Мура и А. Бергсона. Рассматривается влияние научных открытий на модернистское восприятие времени и пространства на примере романа «Миссис Дэллоуэй» (1925). Делается вывод, что Вулф, синтезировав философские, научные и литературные идеи эпохи, создала уникальный писательский метод, оказав влияние на развитие модернистской прозы.

Ключевые слова: Вирджиния Вулф, модернизм, поток сознания, время, роман «Миссис Дэллоуэй»

Для цитирования: Грушевская Т. М. От миссис Браун к «Миссис Дэллоуэй» – творческая техника Вирджинии Вулф / Т. М. Грушевская, Е. С. Грушевская, А. А. Антонова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 124–130.

Original article

From Mrs. Brown to Mrs. Dalloway: Virginia Woolf's Creative Technique

Tatiana M. Grushevskaya¹, Elena S. Grushevskaya², Angelina A. Antonova³

^{1,2,3}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹kff-kubsu@yandex.ru

²kff-kubsu@yandex.ru

³ang.gd@yandex.ru

Abstract. This article examines the formation of Virginia Woolf's distinctive literary style under the influence of philosophical, scientific, and social factors. The study analyzes Woolf's critique of Edwardian realism and her innovative approach to character portrayal through the lens of G.E. Moore's and Henri Bergson's philosophies. The article highlights the influence of scientific breakthroughs on modernist perceptions of time and space, using *Mrs Dalloway* (1925) as a case study. The conclusion asserts that Woolf synthesized the era's philosophical, scientific, and literary ideas to develop a unique narrative method that significantly influenced modernist prose.

Keywords: Virginia Woolf, modernism, stream of consciousness, time, Mrs Dalloway

For citation: Grushevskaya, T. M., Grushevskaya, E. S., Antonova, A. A. (2026). From Mrs. Brown to Mrs. Dalloway: Virginia Woolf's Creative Technique. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 124–130. (In Russ.)

Введение

В 1924 году Вирджиния Вулф прочла свое эссе «Мистер Беннет и миссис Браун» перед обществом «Херетикс» («Еретики»). Общество было создано в начале XX века кембриджскими интеллектуалами и оставалось влиятельным на протяжении всего эдвардианского периода, периода модернизма, и вплоть до Первой мировой войны. В его состав входили такие видные деятели науки и искусства, как драматург Бернард Шоу, философ Бертран Рассел, лингвист Чарльз Огден и др. В. Т. Гордон утверждает, что «еретические» мысли Огдена стали «интеллектуальным катализатором» (intellectual ferment) для последующих поколений мыслителей и мастеров слова и стали со временем «общепринятой мудростью» (received wisdom) [Franke, 2008, с. 27].

Идеологически общество «Херетикс» было разнородным, но в корне они поддерживали взгляды философа Д. Э. Мура, изложенные в его «Principia Ethica» [там же]. В этом труде он попытался ответить на вопрос, чем является добро (the good). Добро, по мнению Мура, нельзя окончательно определить, оно постигается субъективно: «личность должна рассудить, какие виды добра именно она, в ее конкретных обстоятельствах, скорее всего в состоянии осуществить и каких видов зла она в состоянии избежать» [Мур, 1984, с. 53]. Добро совершенного поступка определяется его последствиями в ближайшем будущем. Мур безапелляционно критикует всех предшествующих ему философов-этиков, заявляя о несостоятельности всех предложенных прежде теорий. Его кембриджское происхождение, а также желание поспорить со всеми установившимися постулатами не могли не привлечь внимание группы «Еретиков». Более того, Мур олицетворял дух времени, переход от утилитаризма к неопозитивизму. Возможно, утверждение Вулф о том, что «около декабря 1910 года характер человека изменился»¹, связано как раз с появлением новой этики Мура как теории, которая воплотилась на практике усилиями общества «Херетикс».

Члены общества «Херетикс» не оказали на творчество Вирджинии Вулф такого влияния, как группа «Блумсбери». Более закрытая, нежели «Еретики», она была неформальным кружком писателей, художников и интеллектуалов, которые разделяли общие взгляды на искусство, литературу и социальные вопросы.

В данной статье мы ставим себе цель исследовать авторский стиль В. Вулф в контексте

общественных перемен начала XX века. В качестве задач заявлено: рассмотреть творчество Вулф в общем дискурсе модернистской эпохи; исследовать философские, литературные и эстетические идеи, повлиявшие на развитие ее авторского стиля; рассмотреть роман «Миссис Дэллоуэй» как квинтэссенцию творческой техники В. Вулф.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью привлечения методов из разных научных дисциплин – литературоведения, философии, психологии – для анализа модернистской эстетики и места в ней В. Вулф. Новизна заключается в синтезе взглядов философов, ученых и писателей, чтобы получить наиболее полную репрезентацию идей модернизма.

Взгляд на время в эпоху модернизма

Итак, «около декабря 1910 года характер человека изменился». Не может с переменами в обществе не прийти перемена во все сферы жизни, в том числе и в литературу. Именно в своем докладе «Мистер Беннет и миссис Браун» Вулф рассуждает о том, чем отличаются писатели эдвардианской (прежней) и георгианской (новой) эпох. Сравнивая подходы к написанию романов, она приводит в качестве примера техники писателей эдвардианской эпохи: Г. Уэллса, Дж. Голсуорси и А. Беннета.

По мнению Вулф, «роман всегда связан с характером», имеет под собой цель «воплотить характер в слове». Раньше писатели не занимались характерами, интерес их лежал за пределами книги, за пределами персонажа, как утверждает Вулф. Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, она рассказывает, как в поезде стала свидетельницей напряженного разговора. Ехавший с ней в одном купе мужчина пытался запугать свою попутчицу, склонить ее к какому-то делу. Личность женщины и ее судьба настолько заинтриговала Вулф, что она начала дорисовывать детали ее жизни и придумала ей имя – миссис Браун.

Здесь она сравнивает подход Арнольда Беннета и тот подход к созданию персонажей, который она сама считает верным. Вулф иронизирует над способностью «мистера Беннета» описать мельчайшие детали, полностью игнорируя личность персонажа:

Остается м-р Беннет: он единственный из эдвардианцев постарается не спать, не мечтать в вагоне, а, наоборот, шире открыть глаза. Уж он-то, поверьте, не упустит ни малейшую подробность: всё подметит опытный глаз! И рекламные объявления, и виды Суониджа и Портсмута на стенах купе,

¹Вулф В. Обыкновенный читатель / пер. с англ. Н. И. Рейнгольд. Москва: Наука, 2012. С. 437. (Серия «Литературные памятники»).

и потрескавшуюся вокруг крепежных шляпок кожу на мягких сиденьях, и дешевую заколку на кофте миссис Браун... (Вулф В. *Обыкновенный читатель*. С. 444).

По ее мнению, за этими подробностями, пытаясь нарисовать наиболее правдоподобную, реалистичную картину вокруг миссис Браун, мистер Беннет упускает саму суть ее личности.

Вулф презирала однонаправленность реализма, писала, что ей скучен реализм. Георгианец, писатель новой эпохи, говорит она, должен искать новые способы изображения своих персонажей и сосредоточиться на их внутренних мыслях. Именно такой она видит новую литературу.

Жизнь – это не цепочка слепящих прожекторов, симметрично расставленных по краю рампы; нет, это лучащийся ореол, матово-прозрачное облако, окутывающее нас с первой искры сознания до конца (Вулф В. *Обыкновенный читатель*. С. 120).

Иными словами, жизнь – это неделимая сущность: прошлое и настоящее неделимы, как неделимо внешнее и внутреннее.

Взгляды Вулф интересно перекликаются с философией Анри Бергсона. В своем труде «Время и свободная воля: эссе о непосредственных данных сознания» Бергсон использует термин «длительность». Длительность – это внутреннее время, субъективный опыт переживания, не поддающийся измерению и делению на отдельные моменты. Это поток сознания, непрерывное изменение и преобразование внутреннего мира. Длительность нельзя передать словами, только косвенно, через образы, которые никогда не смогут ее полностью отразить. Познать ее можно только интуитивно [Бергсон, 1992]. Различие между субъективным психологическим временем и объективным временем часов, а также концепция длительности Бергсона лежат в основе экспериментов модернистов со временем и нарративной формой.

Эссе Бергсона были написаны в конце XIX века, а в начале XX ученый мир увидел теорию, которая произвела революцию в понимании законов физики. Теория относительности Эйнштейна противостояла идее порядка и предсказуемости. Чтобы объяснить постоянство скорости света, ученым пришлось пренебречь постоянством времени и пространства. Время перестало быть абсолютным, оно замедляется и ускоряется в зависимости от точки зрения наблюдателя.

Какой-нибудь час, вплетаясь в непостижимую вязь нашего ума, может пятидесяти, а то и стократно

растянуться против своих законных размеров; с другой стороны, какой-нибудь час может пробежаться по циферблату сознания с быстротой молнии¹.

Эта теория навсегда изменила науку. Благодаря теории относительности вошло новое понятие «пространство-время». В литературоведении появилось понятие «хронотоп», введенное М. М. Бахтиным.

Взаимосвязь науки и литературы подчеркивает и Д. Бир. Она выделяет так называемый «общий дискурс». «Способы видения мира не конструируются отдельно учеными и поэтами; они разделяют дискурс момента»² [Beer, 1997, с. 117]. Общий дискурс – это общий язык, общие проблемы, идеи, мифы и метафоры, которые свободно перемещаются между наукой и искусством. Обмен может быть активным или пассивным, намеренным или случайным; он может включать слова, структуры или идеи, или даже просто те основные «заботы», которые она называет «общими тревогами времени» [Beer, 1999, с. 18], т. е. философия, литература и наука взаимодействуют, формируя культурный ландшафт и порождая новые жанры и способы восприятия мира. Модернисты откликаются на перемены в обществе, отражая в своих произведениях научно-технический прогресс и исследуя коллективную травму, вызванную общественными и военными потрясениями.

В модернистском творчестве доминируют мотивы мегаполиса, технологических инноваций и ускоренного темпа современной жизни, оно высмеивает и отвергает явления «буржуазной» современности в пользу примитивизма и мифа. Если это применимо к Элиоту и Джойсу, то к Вулф это относится лишь частично. Ее романы в той же мере раскрывают трудности городской жизни, в какой восхваляют ее возможности. Вулф опасалась обобщений, не причисляя себя к тому или иному течению.

В своих мемуарах Вирджиния размышляет над своей природой: ей кажется, что в ней совмещены две противоборствующие личности. Одна отвергает свое воспитание и гордится теми сторонами личности, которые отличают ее от семьи. Другая – не может отрицать свою наследственность и среду, в которой она выросла, понимая, что она – одна из наследниц своего рода. Вулф не может отвергнуть свои викторианские корни. Она выросла викторианкой в силу того, что ее отец Лесли Стивен родился и вырос во время правления королевы Виктории и воспитывал дочерей согласно своим ценностям. Он также был биографом, который писал истории

¹Вулф В. Орландо / пер. с англ. Е. Суриц. СПб.: Азбука, 2010. С. 81.

²Здесь и далее перевод наш, если не указано иное. – Авт.

жизни выдающихся современников, и Вирджиния выросла с глубоким знанием о заслугах предыдущего поколения [Lee, 1999].

Особое внимание заслуживает отношение Вулф к викторианским мыслителям, в частности Томасу Карлейлю и Джону Рескину. Карлейль считал, что рациональное мышление, практикуемое утилитаристами, превратилось в механизм, угрожающий порабощению человека. «Механизм» у Карлейля – это многозначное понятие, обозначающее как машины промышленной революции, так и механические привычки ума (в противоположность интуиции, как, например, у Бергсона). В свою очередь, Рескин в своих работах об искусстве утверждал, что механические эстетические формы разрушают диалог между художником и аудиторией, тем самым ставя под угрозу моральную функцию искусства [Sellers, 2010]. Таким образом, викторианские «мыслители» предвосхитили конфронтацию с современностью, ставшую впоследствии характерной чертой модернизма.

Вулф избирательно использовала их идеи, отвергая при этом помпезность, дидактизм и патриархальность, присущие их трудам, но сохраняя их своеобразие, нелинейность и фрагментарность. Примеры Карлейля и Рескина вдохновили Вулф на создание прозы, способной воздействовать на чувства и воображение, но при этом избегающей «излишне вычурной» формы. В Рескине Вулф увидела человека, сочетающего в себе «суровость пуританина и чувственную восприимчивость художника» [Sellers, 2010]. Противопоставление механического и интуитивного, которое она переняла от викторианцев, отражается, например, в противопоставлении линейно мыслящего доктора Брэдшоу и нелинейно мыслящих Клариссы и Септимуса.

Таким образом, Вулф опирается на литературную традицию, но ее отношения с канонами прошлого осложняются в силу убеждений и ценностей там представленных, а ее модернистская эстетика осложнена традициями позднего викторианства. Начиная с первых попыток отказаться от всеведущего рассказчика в пользу внутреннего монолога героев («Комната Джейкоба»), использовать поток сознания, постоянно возвращаясь в прошлое («Пятно на стене»), она синтезирует эти приемы, чтобы продемонстрировать вершину своей техники в «Миссис Дэллоуэй».

«Миссис Дэллоуэй» как роман о времени

Роман «Миссис Дэллоуэй» – это исследование одного дня Клариссы Дэллоуэй, который, как

пунктирной линией, размечен боем Биг-Бена. Его звон в романе играет двоякую роль: он одновременно объединяет и разделяет сюжетные линии персонажей. Он задает ритм повествования и придает единство структуре романа. Предложение «Свинцовые круги побежали по воздуху» не только появляется в самом начале и конце романа, намекая на цикличность повествования, но и вызывает образ звуковых волн, которые, распространяясь, оказывают воздействие на всех людей, которые их слышат. Таким образом, персонажи объединены с помощью боя часов. Бой колокола также сигнализирует о смене фокуса повествования, тем самым разделяя сюжетные линии.

Поток сознания придает письму почти импрессионистское свойство. Отдельные образы создают общую картину. Например, описание неба в конце романа:

И небо. Она-то думала, оно глянет на нее, сумрачное, важное, в своей прощальной красе, а оно серыми, бедненькими штрихами длилось среди мчащихся, тающих туч (Вулф В. *Обыкновенный читатель*. С. 437).

Другой метод, тесно связанный с методом потока сознания, – это погружение в прошлое. Этот метод описывает Вулф в дневнике 30 августа 1923 года:

Надо написать много важного о «Часах» и о моем открытии: как я раскапываю великолепные пещеры в моих персонажах; думаю, это будет как раз то, чего я хочу; человечность, юмор, глубина. Идея заключается в соединении пещер, из которых каждая будет открыта в свое время (Вулф В. *Обыкновенный читатель*. С. 444).

Постепенно раскрывая их прошлое, Вулф воссоздает истоки их характера, придает им «психологическую насыщенность» [Рикер, 2000, с. 111].

По мнению М. Уитворта, наиболее ярким примером модернизма у Вулф является сцена из «Миссис Дэллоуэй», в которой герои наблюдают за самолетом, рисующим в небе надпись, из разных точек Лондона. Они пытаются разобрать ее, но она расплывается. Этот эпизод поднимает ряд вопросов – о чтении и интерпретации, о преходящей природе красоты и о природе толпы в городской среде [Sellers, 2010], о реакции общества на технический прогресс. С помощью этого приема мы также получаем возможность в пределах одной сцены «переключаться» между сознаниями разных персонажей. Это служит нескольким целям: Вулф представляет нам героев; их реакция на это

событие дает нам представление об их темпераменте; их сюжетные линии связываются друг с другом в одном пространстве-времени.

Вулф рассматривает своих персонажей как отдельные линии, которые едва взаимодействуют друг с другом и которые в конце концов сходятся на званом вечере у Клариссы. С помощью этой техники автор может связать и сопоставить прошлое, настоящее и будущее и собрать персонажей романа в финале, не соблюдая линейность или хронологию.

Отношение героев к течению времени, как утверждает Рикер, представляет даже больший интерес, чем само время [Рикер, 2000]. Кларисса, яркая и восторженная личность, воспринимает его как быстротечный поток, полный ярких моментов, что подчеркивается импрессионистскими описаниями повседневности:

Взгляды прохожих, качание, шорох, шелест; грохот, клекот, рев автобусов и машин; шарканье ходячих реклам; духовой оркестр, стон шарманки и поверх всего странно тоненький взвизг аэроплана, – вот что она так любит: жизнь; Лондон; вот эту секунду июня (Вулф В. *Обыкновенный читатель*. С. 120).

Другой персонаж романа, Септимус Смит, который, на первый взгляд, не связан с Клариссой, имеет свое восприятие времени. Он не желает принимать феномен времени как человеческую конструкцию, за что психиатры называют его глупцом, потерявшим чувство меры. Это отчуждение приводит его к самоубийству.

Как уже упоминалось выше, время делится на внешнее и внутреннее. Хронологическое время выражается «ударами Биг-Бена и нескольких других колоколов» [Рикер, 2000, с. 112], которые сопровождают последовательность событий романа. Таким образом, удары представляют «мир действия» [Рикер, 2000, с. 113], который пронизан миром интроспекции – флэшбэками, потоками сознания и другими формами субъективного повествования. Рикер осмеливается пойти еще дальше и определяет так называемое монументальное время, время, для которого хронологическое время является лишь «звуковым выражением» [там же]. Этот вид времени связан с внешней властью, такой как королевская семья, политические представители или уважаемые интеллектуалы.

Именно в их отношении к течению времени и раскрывается их суть и главный конфликт романа. Время внешнее, время линейное, или монументальное, представляет собой непреодолимую силу, с которой борются герои. Они могут избежать его, лишь создав собственное внутреннее время, где

прошлое и настоящее смешиваются, растягиваются и замедляются, благодаря чему оно может течь иначе, нежели внешнее.

В конце романа, когда два мира – Кларисса и Септимус – сталкиваются, мы видим, что эти два героя оказываются отражениями друг друга. Кларисса осознает, что на самом деле воспринимает жизнь так же, как Септимус, и признает, что смерть может быть средством побега от беспощадного внешнего мира, в котором доминирует власть (представленная через монументальное время, линейное время, «чувство меры»). В отличие от Септимуса, она решает терпеть гнет монументального времени, но признает, что иногда чувствует, что «чем-то она сродни ему – молодому человеку, который покончил с собой»¹¹. Рикер развивает эту идею и предполагает, что Септимуса можно считать двойником Клариссы, который умирает вместо нее [Рикер, 2000]. Смерть Септимуса может воплощать тоску Клариссы по свободе от повседневной рутины и глубокому субъективному восприятию реальности (раньше она часто смотрела на небо). Ее вечеринка, которая должна быть праздником жизни, превращается в траур Клариссы, во-первых, по молодому человеку, с которым она чувствует определенное душевное родство, и, во-вторых, по потерянным возможностям, по времени, потраченному на потакание социальным нормам.

Заключение

В своем докладе Вулф говорит, что так и не смогла за короткую поездку создать полный образ миссис Браун, она ускользнула от нее. Винит она, впрочем, не только себя, но и писателей-эдвардианцев, которые учили ее следовать старым канонам. «Спасти» миссис Браун от нагромождения отвлекающей информации она призывает своих современников, романистов нового поколения. И в «Миссис Дэллоуэй», используя весь свой писательский опыт, освободившись от напора «внешнего» в пользу «внутреннего», она наконец высвобождает Клариссу Дэллоуэй, и она предстает перед читателем живой и глубокой личностью.

Творчество Вирджинии Вулф выделяется несколькими ключевыми особенностями, формирующими неповторимый стиль ее романов и обеспечивающими им непреходящую художественную ценность:

во-первых, Вулф демонстрирует виртуозное владение языком, превращая обыденные предметы и явления в объекты поэтического осмысления. Она наделяет повседневность

¹¹Вулф В. *Дневник писательницы* / пер. с англ. Л. И. Володарской. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2009. С. 94.

символическим значением, поднимая ее до уровня художественного образа. Это достигается через использование импрессионистского языка, где детали переплетаются в сложной и многогранной ткани повествования и наполняются глубоким смыслом;

во-вторых, стилистические эксперименты Вулф значительно отличают ее произведения от традиционной реалистической литературы. Задача Вулф – запечатлеть саму суть жизни, и этого она добивается, показывая несколько одновременных событий, которые по-своему проливают свет на внутренний мир героев. Мастерское использование техники потока сознания, нелинейная композиция, многоплановость перспектив и использование многочисленных внутренних монологов позволяют автору погрузить читателя в глубины психологического мира героев, продемонстрировав сложность их внутреннего опыта. Такой подход делает повествование более динамичным, многогранным и правдоподобным, близким к реальному восприятию времени и пространства;

в-третьих, время в романах Вулф предстает не как пассивный фон, а как активный участник повествования. Это проявляется в нескольких ключевых аспектах: постоянных напоминаниях о линейности времени и неизбежности смерти, динамичной смене темпа времени в зависимости от эмоционального состояния героев. Время в романах Вулф становится одним из главных персонажей, отражая субъективность восприятия и подчеркивая течение жизни как непрерывного процесса.

Таким образом, творчество Вирджинии Вулф представляет собой синтез философских, литературных и эстетических идей, которые она развивала на протяжении своей карьеры. Ее новаторские подходы к изображению человеческого сознания и времени оказали значительное влияние на развитие модернистской литературы, а роман «Миссис Дэллоуэй» остается ярким примером ее мастерства и философской глубины.

В дальнейшем представляется возможным исследовать более позднее творчество В. Вулф с точки зрения философского, культурного и социального подходов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Franke D. *Modernist Heresies: British Literary History, 1883*. Columbus: The Ohio State University Press, 2008.
2. Мур Дж. Принципы этики / пер. с англ. П. Л. Коноваловой. М.: Прогресс, 1984.
3. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания. Материя и память: в 4 т. М.: Московский клуб, 1992. Т. 4.
4. Beer G. *Open Fields: Science in Cultural Encounter*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1997.
5. Beer G. *Virginia Woolf: The Common Ground*. Oxford: Clarendon Press, 1999.
6. Lee H. *Virginia Woolf*. London: Vintage Books, 1999.
7. Sellers S. *The Cambridge Companion to Virginia Woolf*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
8. Рикер П. *Время и рассказ: в 2 т. М.: Университетская книга, 2000. Т. 2. Конфигурации в вымышленном рассказе*.

REFERENCE

1. Franke, D. (2008). *Modernist Heresies: British Literary History, 1883*. Columbus: The Ohio State University Press.
2. Moore, G. E. (1984). *Printsipy etiki = Principia Ethica*. [Translated from English by L. V. Konovalova]. Moscow: Progress. (In Russ.)
3. Bergson, H. (1992). *Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniya. Materiya i pamyat' = Time and Free Will: An Essay on the Immediate Data of Consciousness*. Moscow: Moskovskii klub. (In Russ.)
4. Beer, G. (1997). *Open Fields: Science in Cultural Encounter*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
5. Beer, G. (1999). *Virginia Woolf: The Common Ground*. Oxford: Clarendon Press.
6. Lee, H. (1999). *Virginia Woolf*. London: Vintage Books.
7. Sellers, S. (2010). *The Cambridge Companion to Virginia Woolf*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Ricoeur, P. (2000). *Vremya i rasskaz = Time and Narrative (vol 2: Konfiguratsii v vymyshlennom rasskaze = The Configuration of Time in Fictional Narrative)*. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Татьяна Михайловна Грушевская

доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой французской филологии
Кубанского государственного университета

Елена Сергеевна Грушевская

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета

Ангелина Андреевна Антонова

соискатель кафедры французской филологии
Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grushevskaya Tatiana Mikhailovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Head of the Department of French Philology
Kuban State University

Grushevskaya Elena Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. Habil.), Associate Professor
Professor at the Department of English Philology
Kuban State University

Antonova Angelina Andreevna

PhD student of the Department of French Philology
Kuban State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.11.2025
27.12.2025
28.01.2026

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Интерпретирующая роль нарративного метода в жанре притчи (на материале рассказа Р. Брэдбери «Massinello Pietro»)

Е. Ф. Косиченко

*Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
ekosichenko@gmail.com*

Аннотация. В статье реализуется интегративный подход к изучению рассказа-притчи Р. Брэдбери «Massinello Pietro» с целью выявления его жанрово-содержательных особенностей. Жанровый анализ демонстрирует в рассказе такие признаки притчи, как краткость и цикличность сюжета, отвлеченность от конкретного места и времени, назидательный характер истории. Нарративный метод позволяет рассмотреть повествование как поток сознания героя, что дает основания для вывода об особенностях его мировосприятия, обусловленного неспособностью справиться с жизненными потерями. Делается вывод, что жанр притчи является повествовательной формой рассказа «Massinello Pietro», тогда как в плане содержания это история о человеке, переживающим глубокий духовный кризис. Рассказ категоризируется как психологическая притча.

Ключевые слова: нарративный метод, нарративный подход, художественный текст, жанр притчи, жанровый анализ, творчество Р. Брэдбери, смыслообразование в притче

Для цитирования: Косиченко Е. Ф. Интерпретирующая роль нарративного метода в жанре притчи (на материале рассказа Р. Брэдбери «Massinello Pietro») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 131–138.

Original article

The Interpretative Function of the Narrative Method in the Literary Genre of Fable (analysis of "Massinello Pietro" by R. Bradbury)

Elena F. Kosichenko

*Research University "Moscow Power Engineering Institute", Moscow, Russia
ekosichenko@gmail.com*

Abstract. The article develops an integrative approach to analyzing R. Bradbury's fable *Massinello Pietro* with a view to describing its generic features and meaning-making processes. Analysis of the story with regard to its genre shows that it displays properties of a fable, namely, brevity, indefiniteness of time and location, instructiveness. The narrative approach provides an opportunity to consider the whole narration as a stream of consciousness of the main character, and make inferences about his state of mind which is affected by his inability to get over the losses. Conclusion is made that the fable is both the genre of *Massinello Pietro* and its narrative form through which a story of a man undergoing a deep spiritual crisis is told. The story is regarded as a psychological fable.

Keywords: narrative method, narrative approach, literary text, the literary genre of fable, genre analysis, R. Bradbury's literary heritage, meaning-making in a fable

For citation: Kosichenko, E. F. (2026). The interpretative function of the narrative method in the literary genre of fable (analysis of "Massinello Pietro" by R. Bradbury). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(907), 131–138. (In Russ.)

Введение

Литературное наследие Р. Брэдбери достаточно хорошо изучено как зарубежными, так и отечественными филологами, обращающимися в своих работах к разным аспектам творчества этого американского писателя. Биографы Р. Брэдбери часто отмечают, что он не был фантастом в строгом смысле этого слова, поскольку не был реалистом, стремившимся создавать миры, живущие по определенным законам, где всему можно найти объяснение, подчеркивая, что Р. Брэдбери был, скорее, баснописцем и мифотворцем¹. В работах российских филологов повести и рассказы Р. Брэдбери получили рассмотрение как в литературоведческом, так и в лингвистическом ключе. В статьях филологической направленности изучены философские аспекты творчества Р. Брэдбери, созданные в его произведениях образы детства, жизни и смерти, нового мира и т. д. В общетеоретическом и переводческом аспектах исследованы особенности его идиостиля, проявляемые в пространственно-временной организации текстов, использовании метафор, интертекстуальных включений и т. д. Вместе с тем обращает на себя внимание, что большинство научных публикаций выполнены на материале повестей «451 градус по Фаренгейту», «Вино из одуванчиков» и новелл из сборника «Марсианские хроники». Что касается рассказов автора, то они не часто выступают в качестве исследовательского материала.

В нашей статье осуществляется анализ рассказа «Massinello Pietro» («Массинелло Пьетро») из сборника «We'll always have Paris» («У нас всегда будет Париж») с целью продемонстрировать возможности сочетания методов жанрового и нарративного анализа при работе с произведениями художественной литературы. Актуальность выбранной темы определяется интересом современной филологии к вопросам, касающимся роли языка в конструировании вторичных реальностей и в понимании переживаемых людьми (персонажами) глубинных эмоциональных состояний. Новизна статьи состоит в применении нарративного метода к анализу рассказа-притчи, что, во-первых, открывает новые возможности для интерпретации; во-вторых, обосновывает необходимость введения в научный оборот понятия жанра психологической притчи.

¹URL: <https://repository.lib.fsu.edu/islandora/object/fsu:168044/datastream/PDF/view> (дата обращения: 24.07.2025); <https://danagioia.com/essays/reviews-and-authors-notes/ray-bradburys-butterfly-effect/> (дата обращения: 24.07.2025).

Методология

Творческое мышление и границы жанра

Как отмечалось в части Введение, при изучении творческого наследия Р. Брэдбери литературные критики часто затрагивают проблему жанра, подчеркивая, что этот писатель был далек от реализма, и что в его творчестве встречаются уникальные миры, которые можно назвать фэнтезийными, научно-фантастическими или мифологическими, и в которых проявляется потребность автора в свободе [Daphne, 2013]. В этой связи процитируем русского философа конца XIX – начала XX веков Н. А. Бердяева, писавшего, что «Творчество не есть только борьба со злом и грехом – оно создает иной мир, продолжает дело творения <...> Творчество неотрывно от свободы. Лишь свободный творит [Бердяев, 2007, с. 49, 70].

Действительно, в творчестве человек выходит за рамки привычных стереотипов, однако преувеличением будет сказать, что в творчестве человек совершенно и полностью свободен и следует исключительно своим духовным потребностям. Справедливым представляется мнение, согласно которому «художник творит в пределах тех возможностей, которые перед ним открывает эпоха и окружающее его искусство» [Лихачев, 1997, с. 481]. Иными словами, свобода в творчестве в большей или меньшей степени ограничена состоянием той культуры, к которой принадлежит человек, и в созданных Р. Брэдбери мирах существуют те же морально-этические проблемы, что и в окружавшем его реальном мире.

Возвращаясь к вопросу о жанровой принадлежности произведений Р. Брэдбери, отметим, что всё необычное, воображаемое и фэнтезийное в них является результатом особого мировосприятия его героев (или самого автора). Однако, помимо изображенного в тексте, существует и внутренний мир героя, скрытый от непосредственного наблюдения, но реконструируемый из текста на основе анализа прямой, косвенной и несобственно-прямой речи.

При подготовке статьи нам встретилась публикация, авторы которой используют термин «city fantasy», т. е. городской фэнтези, для категоризации определенного числа произведений Р. Брэдбери [Panasenka, 2013]. Данный термин является, на наш взгляд, удачным, поскольку указывает на сочетание в одном произведении двух вторичных реальностей, где первая отображает авторский взгляд на городскую жизнь, вторая – содержит репрезентацию этого видения в вымышленном контексте.

Термин «city fantasy» может быть использован и для характеристики жанра рассказа «Massinello Pietro», однако такая категоризация этого рассказа направляет анализ в другую сторону, уводя его от внутреннего мира конкретной личности в сторону коллективного сознания (или бессознательного). Поскольку в название выбранного нами рассказа вынесено имя собственное, считаем необходимым поставить во главу угла уникальный духовный мир личности героя и рассматривать жанр рассказа как психологическую притчу. Уточним, что термин «психологическая притча» не используется в филологии, однако привлекается в психологической и медицинской практике [Сонин, 2005]. Основанием для использования данного термина в нашей статье является то, что по своим генерализирующим признакам рассказ «Massinello Pietro» подпадает под жанр притчи, однако применение нарративного подхода позволяет выявить внутренние переживания человека, скрытые под маской веселого настроения и добродушного нрава.

Генерализирующие признаки притчи

В лексикографических источниках притча определяется как «эпический жанр, представляющий собой краткий назидательный рассказ в аллегорической, иносказательной форме», действительность в притче «предстает в абстрагированном виде, без хронологических и территориальных примет, отсутствует и прикрепление к конкретным историческим именам действующих лиц»¹. Также отмечается, что в притче «повествование удаляется от современного автору мира, иногда вообще от конкретного времени, конкретной обстановки, а затем, как бы двигаясь по кривой, снова возвращается к оставленному предмету и дает его философско-этическое осмысление»². В научных работах отмечается неоднородность стоящего за данным термином явления и возможность выделения таких видов притч, как «притчи-пословицы и притчи-загадки; среди сюжетных притч можно различить басни, исторические анекдоты, апофегмы и собственно притчи» [Ромодановская, 1998, с. 74], а также подчеркивается, что «главной особенностью “классической” притчи в том виде, как она стала известна на Руси благодаря Евангелию и Повести о Варлааме и Иоасафе, можно считать ее

¹URL: Литературная энциклопедия терминов и понятий. https://biblio.imli.ru/images/abook/teoriya/Literaturnaya_entsiklopediya_terminov_i_ponyatij_2001.pdf?ysclid=md8s2k7nho494093343 (дата обращения: 24.07.2025).

²URL: Словарь литературоведческих терминов. https://archive.org/details/1974_20220924/page/295/mode/2up?view=theater (дата обращения: 24.07.2025).

структуру» [там же, с. 77], и что «За редкими исключениями притча строится как рассказ о некоем житейском случае, который продолжен полным раскрытием аллегории» [Ромодановская, 1998, с. 93]. В других работах выделяются такие жанровые признаки притчи, как малый объем, форма сказания, кольцевая композиция, сюжет из обыденной жизни, иносказание, нравоучение, неразработанность характеров [Курочкина, 2016].

Английский эквивалент русского слова *притча* – *parable* увязывается с христианской традицией и определяется, например, как «simple story used to illustrate a moral or spiritual lesson, as told by Jesus in the Gospels <...> Short, simple story intended to convey a moral or religious message»³ (простая история, используемая для иллюстрации морального или духовного урока, рассказанная Иисусом в Евангелии <...> Короткая, простая история, предназначенная для передачи морального или религиозного послания⁴).

Суммируя, мы выделяем в качестве жанровых следующие признаки притчи: малый объем, кольцевую композицию, сюжет из обыденной жизни, иносказательность (аллегоричность), нравоучительность, неразработанность характеров, очевидное или скрытое присутствие евангельских мотивов.

Нарративный метод

Как отмечалось, для анализа внутреннего состояния героя рассказа «Massinello Pietro» мы выбрали нарративный метод, активно применяемый в гуманитарных и естественных (психологии и медицине) науках. В статье мы не будем останавливаться на сути данного метода подробно, поскольку возможности его применения описаны в других работах, также направленных на выявление скрытых эмоциональных состояний героев (например, [Косиченко, 2024; Вовк, 2025]). Отметим только, что в данной статье мы акцентируем интерпретирующий потенциал нарративного метода, возможность учитывать в процессе анализа характер прямой, косвенной и несобственно-прямой речи героя и делать на основе выявленных особенностей выводы о том, что скрывает говорящий.

В процессе интерпретации мы опираемся на мнение французского психоаналитика и одного из основоположников постмодернизма Ж. Лакана, полагавшего, что изучение бессознательно возможно только через язык, и доязыкового

³URL: Oxford reference. <https://www.oxfordreference.com/search?q=parable&searchBtn=Search&isQuickSearch=true> (дата обращения: 24.07.2025).

⁴Здесь и далее перевод наш. – Е. К.

бессознательного не существует [Лакан, 1995]. Другие исследователи творчества Р. Брэдбери ссылаются также на труды З. Фрейда и К. Г. Юнга (например, [Kreithwirth, 1992; Cowger, 2021; Ellerhoff, 2016]). Так, исследуя внутренний мир героини Марго из рассказа «Все лето за один день» («All summer in a day») в психоаналитическом ключе, А. Галларте обращает внимание не только на множество символов, но и на то, что созданное Р. Брэдбери художественное пространство, где местом действия является планета Венера, представляет собой широкое поле для психоаналитического исследования группового поведения людей с точки зрения противоречий между индивидуальными желаниями человека и групповым конформизмом¹.

Таким образом, в ходе анализа текстового материала мы будем учитывать, во-первых, смыслоформирующую роль жанра притчи как повествовательной формы; во-вторых, возможности нарративного метода в раскрытии того, что не лежит на поверхности, а скрыто за словами и поступками героя и играет решающую роль в передаче идейного содержания произведения.

Результаты и обсуждение

Смыслообразующая роль притчи в рассказе «Massinello Pietro»

Рассказ Р. Брэдбери «Massinello Pietro» повествует об эксцентричном пожилым человеке, вступающим в конфликт с соседями из-за большого числа животных, которых он содержит в своем доме-питомнике. Дело доходит до суда, и героя приговаривают к тюремному заключению, однако представители власти относятся к нему с известной долей понимания. Прежде чем направиться в тюрьму, герой обходит со своими собаками и единственной ценной вещью, фонографом, весь город, не переставая петь и танцевать, затем раздает животных соседям и отправляется в тюрьму. В эту ночь соседи не могут уснуть из-за непривычной тишины.

В рассказе наблюдаются такие признаки притчи, как краткость и цикличность сюжета, отвлеченность от конкретного места и времени, назидательный характер истории, сформулированный героем в самом начале повествования строками из песни:

Life goes up, life goes down, but please smile, do not sigh, do not frown! – Жизнь идет то вверх, то вниз, но, пожалуйста, улыбайтесь, не вздыхайте, не хмурьтесь.

¹URL: https://www.academia.edu/122719105/Chasing_Sunlight_A_Psychoanalytic_Critique_of_Ray_Bradburys_work_All_Summer_in_a_Day_ (дата обращения: 24.07.2025).

Кроме того, назидательный тон хорошо просматривается в самом конце истории, когда горожане, после ареста главного героя, не спали и всё время прислушивались. Написание финального слова *listened* в тексте рассказа курсивом дает основания говорить о его интертекстуальности, отсылке к книгам Нового Завета, где многократно воспроизводится обращенный к людям призыв Иисуса слушать.

Цикличность сюжета состоит в повторяемости действий главного героя, который не перестает петь и танцевать на протяжении всего повествования, обращая к безмолвным людям призыв выйти из своих безликих домов и присоединиться к нему.

And he saw the *silent* houses, with their *silent* people. <...> Why was the world a *silent* world, *silent* housed, *silent* faced? <...> Their houses, small and locked and silent, soundless. <...> And here he was now among the *houses that locked at nine, slept at ten*. – И он видел молчаливые дома с их молчаливыми жителями. <...> Почему мир безмолвен, в нем безмолвные дома и безмолвные лица? <...> Их дома, такие маленькие, всегда запертые, тихие, беззвучные <...> Вот и он среди домов, которые в девять запираются и в десять уже спят.

Жанровый признак аллегоричности проявляется в рассказе в сравнении жителей города со статуями, т. е. бездушными людьми, которым остается только повесить траурные венки на двери своих безмолвных домов.

People in houses, lacking only black wreaths on door fronts. <...> *The world was full of statues much like he had been once. So many could move no longer*. – Люди в домах, которым не достаёт лишь траурных венков на дверях <...> Мир полон статуй, таких же, как и он сам был когда-то. Большинство людей уже не могут двигаться, не знают, как начать жить снова и в каком направлении двигаться.

На первый взгляд, речь в рассказе идет о человеке, который поет и танцует, отбросив воспоминания о постигших его бедах, однако у этого рассказа есть и другая сторона, скрытая от непосредственного наблюдения. Об этом, но на материале другого рассказа, писала также Н. П. Невзорова, отмечавшая, что Р. Брэдбери в большей степени «интересует состояние души, настроение, мысли его персонажей, чем необычное развитие внешнего действия» [Невзоров, 2014, с. 107].

Мы полагаем, что в рассказе «Massinello Pietro» притча выступает, скорее, формой повествования, и, актуализируя христианские мотивы,

лишь отчасти затрагивает историю самого героя. В следующем разделе мы обратимся к нарративному методу и покажем, что в тексте наблюдаемы многочисленные свидетельства глубокой внутренней обиды героя на жизнь и на людей, неспособность простить их за причиненные страдания. Эти и другие скрытые смыслы реконструируются посредством анализа прямой, косвенной и несобственно-прямой (внутренней) речи героя.

Эксплицирующая роль нарративного метода

Как отмечалось выше, приемом, не характерным для жанра притчи и привлекаемым в рассказе Р. Брэдли «Massinello Pietro», является наличие у главного героя имени и фамилии. Известно, что прием вынесения имени основного персонажа в название произведения характерен для английского психологического рассказа эпохи модернизма, когда в литературу проникли идеи психоанализа. Данные моменты, возможно, косвенно, но тем не менее достаточно явно указывают на целесообразность обращения к внутренним переживаниям Массинелло Пиетро через анализ его речи.

Прошлое героя рассказа трагично и вполне реалистично. По признанию самого Р. Брэдли, эта история была заимствована им из жизни, о чем он пишет в предисловии к сборнику рассказов.

Massinello Pietro became a friend of mine whom I tried to protect from the police and help when he was brought into court. The short story that was inspired by this friendship is, in many ways, basically true. – Массинелло Пьетро стал моим другом, которого я пытался защитить от полиции и которому помогал, когда его дело передали в суд. Короткая история, вдохновленная этой дружбой, во многом верна.

Герой Массинелло Пиетро сообщает о своем прошлом следующее:

Once, I was rich, I had property, a hotel. *A man took it all away, my wife with it*, oh, twenty years ago. Do you know what I did? I invested what little I had left in dogs, geese, mice, parrots, who do not change their minds, who are always friends forever and forever. I bought my *phonograph*, which never is sad, which never stops singing! – Когда-то я был богат, у меня была недвижимость, гостиница. Один человек забрал всё это, и мою жену тоже, двадцать лет назад. Знаете, что я сделал? Я вложил то небольшое, что у меня осталось, в собак, гусей, мышей, попугаев, которые не меняют своих мнений, которые остаются друзьями на веки вечные. И я купил этот фонограф,

который никогда не грустит и никогда не перестает петь.

Примечательно, что в рассказе Пиетро возвращается к своему прошлому дважды. Данный факт говорит о том, что прошлое его не отпускает, несмотря на все его заверения в обратном. В тексте привлекает внимание также то, что герой имплицитно приписывает себе роль спасителя, пытающегося вдохнуть жизнь в людей, утративших душу и превратившихся в статуи. Анализ случаев несобственно-прямой речи (рассматриваемый в русле эпохи Модерна как поток сознания), обнаруживает, что внутри героя сочетаются как минимум две ипостаси. В терминах психоанализа – это Эго и Суперэго, т. е. осознаваемая часть личности и скрытые потребности человека. Приведем фрагмент внутреннего монолога Пиетро.

Once, thought Pietro, once I had many dimes, many dollars, much land, many houses. And it all went away, and I wept myself into a statue. For a long time I couldn't move. <...> So then, if they could not move, someone must move for them. You, Pietro, he thought, must move. – Когда-то, размышлял Пьетро, и у меня было много денег, земли, домов. Всё это ушло, и я рыдал, пока не превратился в статую. Долгое время я не мог двигаться. <...> И, если они сами не могут двигаться, кто-то должен двигаться за них. Ты должен двигаться, Пиетро, – подумал он.

В контексте важности экспликации внутренних переживаний героя интересны его размышления о роли таланта как непреходящей ценности. В приводимой ниже цитате обратим внимание на фразы *his talent* и *my talent*, где использование притяжательного местоимения *his* может быть рассмотрено как указание на то, что талант Пиетро к пению является божьим даром. С учетом того, что единственной вещью, которую ценил герой, был фонограф, т. е. прибор для записи и воспроизведения звука, можно предположить, что он записывал и проигрывал свое собственное пение, которое рассматривал как Слово Божие.

And I thought, I won't ever let anyone kill me again. But how? What do I have that I can let people take away without hurting? What can I give that I still keep? And the answer was, of course, his talent. My talent! thought Pietro. – И я понял, что больше никогда никому не позволю себя убить. Но как? Что у меня есть такого, что я безболезненно могу отдать людям? Что же еще я могу отдать из того, что у меня осталось? И ответом, конечно же, было, его талант. «Мой талант!» – подумал Пьетро.

Анализ прямой речи героя демонстрирует ее маркированность личным местоимением *I* (Я) что, в совокупности с упоминанием давно полученного благодарственного письма от епископа за помощь бедным, недвусмысленно указывает на некоторое высокомерие и скрываемое тщеславие.

I, said Pietro, 'have been the patient one. I have waited for the world to stop being silly. I have waited for it to stop wars. I have waited for politicians to be honest. I have waited – la la la – for real estate men to be good citizens. But while I wait, I dance!' He demonstrated. <...> 'And here, on the wall, a framed letter from the archbishop's secretary himself, saying *what good I've done for the poor!* – Я, – сказал Пьетро, – был терпеливым. Я всё ждал, что мир одумается. Я ждал, когда прекратятся войны. Я ждал, что политики станут честными. Я ждал – ла-ла-ла – что люди, занимающиеся недвижимостью, станут добропорядочными гражданами. А пока я ждал, я танцевал!» – продемонстрировал он. <...> «А здесь, на стене, письмо в рамке от самого секретаря архиепископа, где говорится, сколько добра я сделал для бедных!»

Свидетельством того, что герой ставит себя выше других людей, приписывая себе божественные качества, являются и приводимые ниже цитаты, из которых следует, что Пьетро мнит себя последним человеком на Земле, умеющим петь и проявляющим, как Дева Мария, заботу о ближних.

And, in his singing, he wondered why he *was the last one singing in the world*. <...> 'But look at this place!' protested Tiffany. 'Isn't it wonderful? Do you see my shrine for the Virgin Mary?' Pietro pointed. – И пока он пел, он задавался вопросом, почему он остался единственным поющим человеком во сем мире... – Но посмотрите на это место! – возразила Тиффани. – Разве оно не чудесно? Это ли не храм Девы Марии?

Анализ прямой, косвенной и несобственно-прямой речи заглавного героя выявил, во-первых, что он переживает тяжелый духовный кризис, на что указывают воспоминания о прошлой богатой жизни, упоминание благодарственного письма от епископа, многократные напоминания о том, что только он один способен петь, танцевать

и двигаться. Попытки наполнить жизнь некоторым смыслом приводят к тому, что Пьетро демонстрирует свое превосходство над другими людьми, что проявляется в тексте в многократном использовании личного местоимения *Я*, в сравнении себя с Девой Марией, в представлении, что его талант – это Божий дар, который делает его последним человеком на Земле, наделенным даром Слова.

Заключение

Проанализированный рассказ «Massinello Pietro» может быть исследован в разных аспектах, например, с учетом того, как в нем актуализируются библейские мотивы, при этом символично, что в приюте Пьетро были собаки, кошки, гуси, мыши, попугаи, в то время как животными, в окружении которых часто изображается Дева Мария, с которой он себя сравнивает, являются голуби, единорог, петух, бык, осел. Не менее важен образ тюрьмы, имплицитно сравниваемый с Голгофой. С прагматической точки зрения интересно, насколько сильное эмоциональное воздействие главный герой оказывал на рядовых горожан и представителей власти, что проявляется в их речи. Семиотический подход может быть полезен при выявлении роли чисел и других символов, как например: дом, забор или фонограф, в смыслоформировании. Ономастический подход позволит принять во внимание семантику имени и фамилии героя, а также учесть его итальянское происхождение.

Выполненный нами жанровый анализ продемонстрировал, что рассказ «Massinello Pietro» располагает всеми признаками притчи, за исключением того, что главный герой имеет имя и фамилию. Данный факт позволил предположить наличие в рассказе психологического плана и дал возможность подключить к анализу нарративный метод, применение которого показало, что герой переживает духовный кризис, но мнит себя единственным духовно живым человеком и спасителем людей и животных. С учетом того, что за формой притчи в рассказе скрывается глубокий психологизм, в статье предложено категоризировать рассказ Р. Брэдбери «Massinello Pietro» как психологическую притчу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Daphne P. Ray Bradbury and the Assault on Free Thought // Society. 2013. Vol. 50. P. 41–47.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; Москва. 2007.
3. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. СПб.: Алетейя, 1997.

4. Panasenko N. Biblical Motifs and Allusions in the Short Stories by Ray Bradbury/ N. Panasenko, M. Šestáková // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2013. Vol. 3. № 11. P. 191–207.
5. Сонин В. А. Психология познания нашего «Я». СПб.: Речь, 2005.
6. Ромодановская Е. К. Специфика жанра притчи в древнерусской литературе // *Проблемы исторической поэтики*. 1998. Вып. 5. С. 73–111.
7. Курочкина М. А. Лингвистические средства создания жанра притчи в рассказе Р. Брэдбери «Человек в воздухе» // *Язык. Текст. Дискурс*. 2016. Вып. 14. С. 276–283.
8. Косиченко Е. Ф. Языковая репрезентация скрытых эмоциональных состояний в художественном нарративе: (на материале произведения Э. Хемингуэя «A Day's Wait») / Е. Ф. Косиченко, М. В. Вовк // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. Вып. 2024. 10 (891). С. 82–89.
9. Вовк М. В. Репрезентация страха и тревоги в художественном нарративе (на материале англоязычной прозы первой половины XX в.) // *Мир науки, культуры, образования*. 2025. № 3 (112). С. 352–355.
10. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис, 1995.
11. Kreithwirth M. The Narrativist Turn in the Human Sciences // *New Literary History*. Vol. 23. No. 3. History, Politics, and Culture (Summer 1992). P. 629–657.
12. Cowger T. Narrative Analysis Research: A Tool for Extension Educators / T. Cowger, J. Tritz // *The Journal of Extension*. 2021. № 57 (6). Article 1. P. 2–5.
13. Ellerhoff S. G. Post-Jungian psychology and the short stories of Ray Bradbury and Kurt Vonnegut: Golden apples of the monkey house. London: Routledge, 2016.
14. Невзорова Н. П. Специфика художественного пространства в сборнике рассказов Рэя Брэдбери «в мгновение ока» // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014. Вып. 13 (184). С. 106–113.

REFERENCES

1. Daphne, P. (2013). Ray Bradbury and the Assault on Free Thought. *Society*, 50, 41–47.
2. Berdjaev, N. A. (2007). *Smysl tvorčestva = Meaning of creativity*. Moscow: AST, AST Hranitel. (In Russ.)
3. Lihachev, D. S. (1997). *Istoricheskaja poetika russkoj literatury. = Historical Poetics of Russian Literature*. St. Petersburg: Aletejja. (In Russ.)
4. Panasenko, N., Šestáková, M. (2013). Biblical Motifs and Allusions in the Short Stories by Ray Bradbury. *International Journal of Humanities and Social Science*, 3(11), 191–207.
5. Sonin, V. A. (2005). *Psichologija poznanija našego "Ja" = Psychology of cognition of our "I"*. St. Petersburg: Rech. (In Russ.)
6. Romodanovskaya, E. K. (1998). Specificity of genre of parables in the old Russian Literature. The problems of historical poetics, 5, 73–111. (In Russ.)
7. Kurochkina, M. A. (2016). Linguistic means of creating a parable as a literary genre on the basis of the example of R. Bradbury's story "The Flying Machine". *Language. Text. Discourse*, 14, 276–283. (In Russ.)
8. Kosichenko, E. F., Vovk, M. V. (2024). Linguistic representation of hidden emotional states in literary narrative (analysis of 'A Day's Wait' by E. Hemingway). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(891), 82–89. (In Russ.)
9. Vovk, M. V. (2025). Representation of fear and anxiety in fictional narrative (based on early 20th century English prose). *The world of science, culture and education*, 3(112), 352–355. (In Russ.)
10. Lakan, Zh. (1997). *Funkcija i pole rechi i jazyka v psihoanalize = The functions and the field of speech and language in psychoanalysis*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
11. Kreithwirth, M. (1992). The Narrativist Turn in the Human Sciences. *New Literary History. History, Politics, and Culture*, 23(3), 629–657.
12. Cowger, T., Tritz, J. (2021). Narrative Analysis Research: A Tool for Extension Educators. *The Journal of Extension*, 57(6), Art. 1, 2–5.
13. Ellerhoff, Steve. (2016). *Post-Jungian psychology and the short stories of Ray Bradbury and Kurt Vonnegut: Golden apples of the monkey house*. London: Routledge.
14. Nevzorova, N. P. (2014). Specific character of artistic topography in Ray Bradbury's book of stories "Quicker than the eye". *Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities*, 13(184), 106–113. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Косиченко Елена Федоровна

доктор филологических наук, доцент

профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и лингвистики

Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kosichenko Elena Fyodorovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor

Professor at the Department of Advertising, Public Relations and Linguistics,

National Research University «Moscow Power Engineering Institute»

Статья поступила в редакцию	29.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	23.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Оппозиция «Англия – Франция» в сборнике рассказов «По ту сторону Ла-Манша» Дж. Барнса

Н. В. Соболева¹, М. В. Мясникова²

¹Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

^{1,2}Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

¹saybl@list.ru

²m.v.myasnikova@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – выявление и характеристика особенностей взаимодействия английского и французского культурных кодов в рамках сборника рассказов «По ту сторону Ла-Манша» («Cross Channel»). Отмечается, что для создания образов героев писатель использует устоявшиеся стереотипы о двух странах. С одной стороны, «английское» и «французское» мыслится как антитетичное (привычное – свободное, закрытое – открытое, мужское – женское), однако наряду с этим подчеркивается относительность заданных оппозиций. Делается вывод об авторском стремлении обнаружить и подчеркнуть не *другое*, но общее и универсальное.

Ключевые слова: Дж. Барнс, «По ту сторону Ла-Манша», Другой, национальная идентичность, межкультурный диалог

Для цитирования: Соболева Н. В. Оппозиция «Англия-Франция» в сборнике рассказов «По ту сторону Ла-Манша» Дж. Барнса / Н. В. Соболева, М. В. Мясникова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 139–148.

Original article

Opposition between England and France in “Cross Channel” by J. Barnes

Nadezhda V. Soboleva¹, Maria V. Myasnikova²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

^{1,2}Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

¹saybl@list.ru

²m.v.myasnikova@yandex.ru

Abstract. The paper focuses on the identification and analysis of the characteristics of the interaction between English and French cultural codes in J. Barnes' “Cross Channel”. The writer employs well-established stereotypes about these two countries to create the images of the characters. Although “English” and “French” are often perceived as opposed (familiar – free, closed – open, masculine – feminine), the relativity of these oppositions is also emphasized. The author seems to seek to discover and highlight something that is not different, but rather common and universal.

Keywords: J. Barnes, “Cross Channel”, Other, national identity, cross-cultural dialogue

For citation: Soboleva, N. V., Myasnikova, M. V. (2026). Opposition between England and France in “Cross Channel” by J. Barnes. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 139–148. (In Russ.)

Введение

Джулиан Барнс – один из ключевых популяризаторов французской культуры и литературы в современной Великобритании. Критики неоднократно называли его «самым французским» английским писателем, а сам Барнс не скрывает своей глубокой привязанности к Франции и ее культуре: без упоминания любимых французских авторов (Г. Флобер, М. де Монтень) не обходится ни одно интервью, а без отсылок к французской культуре – практически ни одна книга.

Материалом настоящего исследования является первый сборник малой прозы писателя «По ту сторону Ла-Манша» («Cross Channel», 1996). В состав сборника вошли десять рассказов, посвященных разным аспектам англо-французских отношений на протяжении трех веков: со времен отмены Нантского эдикта (конец XVII в.) до начала 2000-х. Нельзя не заметить, что по своему замыслу и структуре сборник отчасти напоминает другое произведение Барнса – роман в рассказах «История мира в 10½ главах» («A History of the World in 10½ Chapters», 1989), главы которого также расположены в хронологическом порядке и объединены системой сквозных образов и мотивов. Однако если в романе писателя интересуют вопросы человеческого бытия как такового – трагедия существования, человеческая природа, особенности хода истории, место любви в жизни человека [Жук, 2009], – то в рассматриваемом сборнике Барнс концентрируется на исследовании «взаимного притяжения и отторжения двух народов» [Бондарчук, 2002, с. 274], которое, в свою очередь, позволяет задаться вопросами национальной идентичности.

Актуальность работы обуславливается ее нахождением в поле активно разрабатываемых современной гуманитарной наукой имагологических исследований особенностей формирования и трансформации национальной идентичности в мультикультурном мире [Parab, 2015; Никола, 2022; Карпухина, 2023; Güven, 2025]. Помещая своих порой карикатурно английских персонажей в нарочито стереотипизированную французскую среду, Барнс словно ставит над ними эксперимент: проявится ли «английское» сильнее на фоне чужой культуры? Насколько француз способен понять англичанина? Чем они отличаются друг от друга? Существует ли вообще «английскость» как таковая и возможно ли от нее избавиться?

Отметим, что ранее в отечественном и зарубежном литературоведении эти вопросы на материале сборника «По ту сторону Ла-Манша» не изучались, а также не рассматривались через призму

взаимодействия двух национальных культур – английской и французской – что определяет научную новизну работы.

Основными задачами настоящего исследования стали: выявление доминант формирования образов героев-британцев в рассказах; определение ведущих особенностей пространства Франции и отличительных черт героев-французов; характеристика особенностей культурно-исторического контекста рассказов; определение основных стратегий (сценариев) взаимодействия французской и английской культуры в рамках сборника.

Методология исследования основывается на принципах комплексного анализа художественного текста и имагологического подхода к компаративистике.

Следует отметить, что тема столкновения английского и французского впервые возникает у Барнса отнюдь не в сборнике «По ту сторону Ла-Манша», но уже в дебютном романе «Метроленд» («Metroland», 1980), для главного героя которого путешествие во Францию становится решающим и завершающим этапом взросления и осознания себя. Своеобразным продолжением размышлений на эту тему можно также назвать и роман «Попугай Флобера»: в нем несколько раз подчеркивается, что герой-повествователь Джеффри Брейтуэйт – англичанин, и отмечается незначительный «английский след» в биографии Флобера. Кроме того, сборник и роман оказываются связаны автоцитатой: словосочетание *Cross Channel* впервые появляется как название седьмой главы «Попугая Флобера», а затем вновь выносится Барнсом в заглавие уже сборника рассказов (русскоязычному читателю это сходство заметить сложнее, поскольку название главы романа переведено Т. Шинкарь как «Пересекая Ла-Манш», а заглавие сборника – «По ту сторону Ла-Манша» – перевела И. Стам). В рамках романа именно в этой главе, во-первых, случается первая подробная самопрезентация повествователя: читатель узнает национальность героя, получает сведения о его внешности, профессии, биографии и принципиальной позиции относительно литературного творчества. Во-вторых, «сюжетом» главы являются собственно пересечение героем Канала, путь из Англии во Францию и размышления о том, зачем он это делает: «Я ищу здесь то, что забыл, но сразу вспомню, когда увижу» [Барнс, 2004, с. 88]. Память как ядро личности и источник формирования идентичности – одна из ведущих творческих установок Дж. Барнса. Таким образом, путешествие героя через Канал оказывается путешествием к самому себе. В сборнике же писатель делает следующий шаг – через несколько личных

историй-путешествий пытается наряду с индивидуальным обозначить национальное, определить степень его пластичности и универсальности.

Франция vs Англия: хаотичное vs упорядоченное

Главной чертой, объединяющей всех героев-бриганцев в рассказах, является их доходящая до крайности педантичность и приверженность привычкам. Так, безмяннйкой пожилой англичанин из рассказа «Тоннель» по привычке берет с собой в экспресс до Франции бутерброды и холодильную сумку с бутылочкой вина, хотя пассажирам уже давно предлагают бесплатные обеды; молодой Гамильтон Линдси («Дыня» / «Melon») сетует, что во Франции не всегда можно получить горячую воду для чая, и разочаровывается, обнаружив французские вина в Бордо гораздо более «водянистыми», чем их аналоги, поставляемые в Британию; дядя Фредди («Эксперимент» / «Experiment») из года в год приглашает своего племянника в курительную, где рассказывает ему одну и ту же историю о своем участии в заседании Кружка сюрреалистов. Одержим режимом и педантичны в своих привычках англичане-строители («Железнодорожный узел» / «Junction»): каждое воскресенье они стригли волосы и мыли собак, а после каждой платы за работу пьянствовали ровно три дня. И даже композитор Леонард Верити («Помехи» / «Interference»), считающий, что артист выше любой национальности, удивительно педантичен как в своем образе жизни, так и в своей принципиальной «антианглийскости»:

В доме не было телефона, газеты были запрещены, мощный радиоприемник включался только для прослушивания концертов. <...> Раз в год до болезни Леонарда они уезжали на юг <...>, где Леонард изнывал по своей сырой долине и суровому одиночеству своей нормальной жизни (Помехи. Перевод И. Гурова).¹

До абсолюта эта английская педантичность доведена в образе мисс Мосс – главной героини центрального рассказа сборника «Навечно» («Evermore»). Сюжет рассказа строится вокруг описания ежегодного путешествия мисс Мосс по «местам памяти» Первой мировой войны во Франции к могиле ее брата Сэмми, погибшего в битве при Сомме. Свою скорбь по брату и память о нем женщина превратила в ритуал:

¹Здесь и далее цитируется сборник рассказов: Барнс Дж. По ту сторону Ла-Манша. М.: АСТ: Люкс, 2005.

эти чувства вошли в ее плоть и кровь. Горе стало посохом, необходимой опорой; она и помыслить не может передвигаться без него (Навечно. Перевод И. Стам).

Весь ее жизненный распорядок подчинен служению скорби и памяти о погибшем брате: она всегда носит на шее три открытки, присланные Сэмми с фронта, каждый ноябрь берет отпуск и едет во Францию по одному и тому же маршруту, в строгой очередности посещает все известные ей мемориалы, смотрит на одни и те же могилы и памятники. Важно отметить, что Барнс с самого начала лишает скорбь героини и саму героиню патетического флера, традиционно окружающего подобные истории. Мисс Мосс весьма практична: для хранения фронтовых открыток она выбирает не изящную шкатулку, не конверт, не медальон, а пакет и веревку, и рассуждает о его содержимом – памяти о брате – как о содержимом горшка с рассадой:

Чтобы внутри не скапливалась влага и ветхий картон не подгнил, она проткнула полиэтилен вилкой. Известно же, что бывает, если плотно накрыть горшок с рассадой: откуда ни возьмись возникает сырость, и среда под укрытием стремительно меняется (Навечно. Перевод И. Стам).

Дополняет этот образ и профессия героини – много лет она работает корректором-лексикографом в редакции Оксфордского словаря. Привыкнув как искать неточности на работе, так и хранить память о Сэмми и Первой мировой войне, мисс Мосс назначает себя своего рода «инспектором» французских военных кладбищ и мемориалов. Центральным моментом рассказа становятся размышления героини перед Триумфальной аркой в Тьепвале: главным объектом критики является центральная надпись мемориала. С присутствием ей педантизмом мисс Мосс замечает, что пробелы между буквами слишком широкие, а затем выражает недовольство переносом слова на двойной согласной, сделавшим надпись, на ее взгляд, абсурдной. Вместо *reconnaisant* получилось *recon-naissant*, а слово *naissant* означает «загорающийся» – на мемориале такая надпись, по мнению героини, совсем не уместна. Мисс Мосс настолько занимает не жизнь, а смерть, что мысль о возможности наделить памятник более «светлым» смыслом (например, связать его с жизнями, которые погибшие солдаты спасли) даже не приходит ей в голову.

О важности привычного и повторяющегося довольно ярко свидетельствует и то, что любое его

нарушение воспринимается как серьезный и тревожный знак. В рассказе «Дыня» автор с иронией замечает:

Со времени своего назначения [на должность британского посла при версальском дворе] в 1783 году герцог <...> ежегодно возвращался в Англию на крикетные сезоны. Но в это лето он не приехал. Это отсутствие, более чем вездесущность французских беженцев в Лондоне, позволило Танкервиллю и Линдсею заключить, что нынешние беспорядки по ту сторону Ла-Манша были достаточно серьезны (Дыня. Перевод И. Гуровой).

«Серьезные беспорядки» в итоге оказались началом Великой французской революции, а герцог Дорсет всё же окажется в Англии: в августе ему приходится спешно покинуть свое посольство и отправиться на родину. Уже на примере этих цитат можно отметить, что главным нарушителем привычного английского образа жизни и хода вещей является Франция: ее политика, быт или те или иные проявления культуры. В конце рассказа «Дыня» его главный герой – галломан генерал Гамильтон Линдси – оказался в плену у французов. Несмотря на довольно комфортные условия «пленения» и собственную симпатию и любовь ко всему французскому, вырванный из привычного образа жизни и оторванный от родной страны генерал Линдси в итоге впал в меланхолию, граничащую с деменцией: ежедневно он пытается вспомнить состав крикетной команды своего графства, надеясь тем самым «вернуть» себе хотя бы немного Англии.

До абсурда ситуация французского вторжения в английскую обыденность доведена в рассказе «Gnossienne», уже название которого отсылает читателя к фигуре французского композитора Эрика Сати и его авангардному циклу фортепианных пьес, написанных вне строгой тоники, метра и тактовых делений. К рассказчику-писателю, который «никогда не участвует в литературных конференциях», попадает необычное приглашение из французского городка Марран:

Мое присутствие весьма желательно, но ответ не обязателен: мне достаточно приехать на одном из поездов, указанных на обороте. Затем следовало описание цели: <...> «Цель конференции состоит в том, чтобы быть встреченным на станции: присутствие есть исполнение» (Gnossienne. Перевод И. Гуровой).

Текст приглашения заставляет героя вспомнить о квазифилософском французском

направлении патафизики и кружке УЛиПо, и он вопреки собственным принципам решается отправиться на конференцию. Ни один из указанных поездов на самом деле не останавливался в нужной деревне, в отеле героя встречает организатор по имени Жан-Люк Казес, участники конференции вместе ужинают, потом ведут беседы на литературные темы за сыром и вином. «Разгадка» рассказа кроется в самом конце, когда герой улетает из Франции, – он неожиданно осознает, что все, сказанное и сделанное им на конференции, – ложь:

Нужно ли говорить, что я не смог прочесть «Le Petit Prince», а почти всего Греза нахожу тошнотворным? <...> Единственным сыром, который я соглашался есть, был грюйер. <...> Я не терпел красного вина (Gnossienne. Перевод И. Гуровой).

Создатель патафизики Альфред Жарри определял ее как «науку о воображаемых решениях, которая образно наполняет контуры предметов свойствами, пока что пребывающими лишь в потенции» [Хьюгилл, 2017, с. 22]. В свою очередь, УЛиПо расшифровывается как «Ouvroir de la Litterature Potentielle» – «Цех потенциальной литературы». И патафизики, и члены УЛиПо ставили своей целью изучить не то, что случается на самом деле, но то, что потенциально может случиться; не правила, но исключения. Как отмечает Э. Хьюгилл, «патафизика описывает вселенную, которая дополняет нашу» [Хьюгилл, 2017, с. 24]. Как заключает Дж. Барнс, вероятность того, что англичанин поступит своими привычками, возможна только в рамках патафизического эксперимента о потенциальной литературной конференции: заканчивается рассказ фразой

И я всё еще не побывал ни на одной литературной конференции (Gnossienne. Перевод И. Гуровой).

Англия vs Франция: попытка установления новых правил

Не только «французское» пытается вторгнуться в «английское» и, если не разрушить, то преобразовать его, но и наоборот. Так же как для англичанина важнее всего установленный порядок, для француза, по мнению Барнса, важны религия и виноделие. Религиозность героев-французов и самого французского общества не раз отмечается в рассказах: композитор Леонард Верити обвиняет свою спутницу Аделину, что она стала «бухаться на колени», т. е. посещать церковь

(«Помехи»); молодой Гамильтон Линдси жалуется в письме кузине, что во Франции все дни поделены на постные и скоромные и

француз скорее совершит гнусное убийство, нежели проглотит не ту частицу Божьего творения не в тот день (*Дыня. Перевод И. Гуровой*).

Особенно преданный вере кюре из французской деревни каждое воскресенье рассказывает пастве, что англичане-железнодорожники – грубые еретики и безбожники, не способные создать что-то полезное, поскольку

они не блюдают День Субботний <...>. Те, что говорят на родном языке, богохульствуют не переставая, пока трудятся (*Железнодорожный узел. Перевод И. Гуровой*).

Как во всех приведенных примерах, так и в культурном сознании Франция представлена как страна католическая, а противопоставление католицизма и протестантизма (в данном случае англиканства) – как противопоставление строгости и свободы, слепого следования правилам и здравого смысла [Tombs, 2009]. Однако в рассказе, сюжет которого строится вокруг религии («Драгуны»), Барнс «переворачивает» привычную ситуацию и описывает историю французского протестанта, преследуемого британским католиком. Точное время действия не названо, но, исходя из описываемых событий, можно предположить, что это конец XVII века, время отмены Нантского эдикта, обеспечивающего французским гугенотам свободу вероисповедания. В дом главного героя, плотника Пьера Шеньи, помещают трех драгунов-иностранцев: драгуны должны взимать с Пьера налог за иную веру, однако, поскольку сумма этого налога слишком велика и Пьер не может ее выплатить, они просто живут в его доме и разными (в основном насильственными) способами пытаются убедить плотника и его семью перейти в религию короля. Драгуны ломают и сжигают всю мебель в доме, уничтожают дорогую древесину плотника, пугают адскими муками его слабеющую умом невестку, насилуют дочь Марту и обманом крестят младшего сына:

Важно ли, какая дорога, если она ведет в рай? (*Драгуны. Перевод И. Гуровой*).

Кульминация рассказа – диалог офицера с Мартой, в котором выясняется, что драгуны прибыли из Ирландии и на самом деле у них больше общего с Пьером Шеньи и его семьей,

чем могло показаться. Офицер застал завоевание Ирландии Оливером Кромвелем:

Детство, зрелище этого детства и его наводящие ужас звуки. Жесткие голоса Англии (*Драгуны. Перевод И. Гуровой*).

Сам подвергшийся насилию и преследованию протестантского правителя, он стал насильником и преследователем на службе у правителя католического. Марта, не до конца понимающая, кто такой Кромвель и что он сделал, проклинает его, и это проклятье причудливым образом объединяет их в общей ненависти и общем бессилии:

Да, – сказал офицер устало. – Ты проклинаешь его имя. Я проклинаяю его имя. Мы вместе проклинаяем его имя (*Драгуны. Перевод И. Гуровой*).

Наименее болезненно и наиболее иронично английское и французское сталкиваются на территории виноделия. Выше уже упоминалось, что герой рассказа «Дыня» Гамильтон Линдси в своем первом путешествии по Франции оказывается разочарован «слабостью» вин в Бордо – позже тот же герой оказывается чрезвычайно удовлетворен дешевым вином «Эрмитаж», в котором он

нашел крепость, какой не хватало бургундскому (*Дыня. Перевод И. Гуровой*).

Это же вино возникает и в другом рассказе с примечательным названием «Hermitage». Две поздневикторианские старые девы – Эмили и Флоренс, – решив распрощаться с опостылевшим им графством Эссекс и «фермерами-турнепсами», переезжают во Францию. Флоренс покупает имение с умирающим от филлоксеры виноградником и переименовывает его в честь подруги в «Шато О-Рейли». Между собой женщины зовут его «эрмитажем», т. е. укрытием от внешнего мира, местом уединения. С истинно английским усердием Эмили хочет преобразовать виноградник, сделать его современнее, однако все ее предложения и нововведения встречают ярое неприятие со стороны французского управляющего, мсье Ламбера. Отдельного внимания заслуживают два наиболее ярких эпизода столкновения Эмили с нерушимыми принципами французского виноделия. Первым становится ее спор с мсье Ламбером о том, как следует лечить филлоксеру. Наиболее эффективным методом тогда признавалась прививка американских лоз, однако француз категорически отказывался «портить чистоту» их винограда и к тому же был убежден, что именно ввоз во Францию

американских лоз положил конец периоду двухтысячелетнего абсолютного здоровья европейского винограда.

Здесь [в Медоке] мир делился на *sulfureus* и *Americanistes*: тех, кто видит спасение от филлоксеры в том, чтобы выручать и восстанавливать чисто французские лозы с помощью химических веществ, и тех, кто хочет превратить виноградники в подобие какой-то новой Калифорнии (*Hermitage*. Перевод И. Гуровой).

Как и во всех остальных, в этом противостоянии Эмили потерпела поражение, хотя итоговое решение принимала ее подруга и владелица виноградника Флоренс. Наиболее весомым аргументом для последней оказались не научные исследования и древние традиции, но то, что желтый цвет (т. е. цвет серы, лежащей в основе сернистых химических удобрений) всегда был Эмили к лицу:

Теперь я буду думать о тебе, как о моей *sulfureuse* (*Hermitage*. Перевод И. Гуровой).

Причиной второго серьезного спора стало то самое вино «Эрмитаж»: спустя пять лет управления виноградником Эмили узнала, что работники дополнительно «укрепляют» их вино дешевым «Эрмитажем». В ярости она разбивает винные бочки и дает мсье Ламберу суровую отповедь:

В прошлом вы читали мне суровые нотации о чистоте медокских виноградников <...>. И тем не менее вы, ничтоже сумняшеся, вливаете бочки... бочки этого в вино, полученное от этих же лоз (*Hermitage*. Перевод И. Гуровой).

То, что для Эмили выглядит как нарушение закона и обман покупателей (ведь в итоге в бутылке оказывается не их вино, а купаж двух разных вин), для французских виноделов – норма. Во-первых, потому что «так всегда делалось» и «об этом все знают»; во-вторых, потому что «укрепление» происходит французским вином. Удивительным образом и в этом столкновении обнаруживается некоторое сходство французов и англичан: первые проявляют удивительный консерватизм и держатся за привычное, как в других рассказах делали герои-англичане. Именно поэтому для Эмили эта ситуация особенно болезненна, ведь она покинула викторианскую Англию, чтобы больше не жить в притворстве, не быть скованной «традициями»:

... мы не должны жить притворяясь или с фальшью <...>. Мы должны верить в правду (*Hermitage*. Перевод И. Гуровой).

В итоге поставки «Эрмитажа» и «укрепление» вина на территории Шато прекратились. Однако победа Эмили была мнимой: удивительным образом каждый раз их вино приобретало дополнительную крепость, когда возвращалось из Бордо после разлива по бутылкам – английская принципиальность так и не смогла преодолеть французские традиции.

Более того, и у самих англичанок к концу рассказа остается всё меньше и меньше английского. В раскрепощенной Франции оказывается возможно то, что недопустимо в чопорной Британии: прислуга в Шато знает, что две хозяйки пользуются одной кроватью, а на ежегодный бал виноделов Флоренс является в мужском костюме и открыто танцует с Эмили.

Франция vs Англия: женское vs мужское

Примечательно, что наиболее ярко победа французского показана в истории о женщинах, и они же оказались наиболее успешными в ассимиляции во Франции. Оппозиция Англии и Франции как оппозиция мужского и женского в целом довольно устоявшееся явление: «Хорошо это или плохо, но Франция была и остается женской нацией: не изнеженной и не трусливой, но состоящей из множества женских добродетелей и пороков – от матери до придворной дамы» [Tombs, 2009, с. 452]. Характерно и то, что один из главных визуальных символов Великобритании, патристичный толстяк Джон Булль, – мужчина, в то время как Францию на протяжении нескольких веков символизирует изящная Марианна. Французское – всегда утонченное и изысканное, в то время как британское – грубое и практичное. Это противопоставление достаточно легко распространяется почти на все сферы жизни двух наций. Так, можно сказать, что «типично французские» занятия вроде кулинарии, парфюмерии и моды, хотя ими долгое время занимались исключительно мужчины, ассоциируются скорее с женской сферой интересов, в то время как «типично английские» сферы – спорт, тяжелая промышленность и политика – с мужской. Более того, как отмечают авторы монографии «Британия и Франция: история любви и ненависти» Роберт и Изабель Томбс, даже одна из ведущих промышленных отраслей XIX века – текстильная – подчинилась гендерному разделению между островом и континентом: из Франции в Британию поставлялись ткани и модели для изготовления женских платьев, а из Британии во Францию – шерсть и лекала для мужских костюмов [Tombs, 2009].

Нельзя не заметить, что подавляющее большинство главных героев рассказов сборника – именно англичане-мужчины, исключение составляют только мисс Мосс («Навечно») и упомянутые выше Флоренс и Эмили. Примечательно и то, что в образах этих героев Барнс воплощает устоявшиеся стереотипы о британцах. Его герои реализуются в «английских» сферах деятельности: проектировании и строительстве железных дорог («Железнодорожный узел») и спорте (крикет в рассказе «Дыня», велогонки в рассказе «Брамбилла»). А представители творческих профессий – композитор Леонард Верити («Помехи») и безымянные писатели из рассказов «Gnossienne» и «Тоннель» – лишены даже намека на какую-либо богемность. Неоднократно подчеркивается и физическое превосходство англичан:

...ни один француз, даже самый невежественный, никогда не примет сэра Гамильтона за соотечественника. И к тому же их будет одиннадцать, все крепкие молодчики... (Дыня. Перевод И. Гуровой).

Требовался год, чтобы закалить здорового английского батрака в землекопы, и куда труднее было такое преобразование для поджарого фитюльки-француза, который ел только хлеб да овощи и фрукты (Железнодорожный узел. Перевод И. Гуровой).

Они [французы] нас уважают, знаете ли. Англофоны, вот как нас называют. Они знают, что мы крутые мужики (Брамбилла. Перевод И. Гуровой).

Однако при всей своей внешней грубости, приземленности и материалистичности герои-мужчины отличаются довольно сентиментальным и трепетным отношением к браку. Так, для награжденного за строительство железной дороги Руан – Гавр подрядчика Томаса Брасси важным оказывается не собственно награда и даже не встреча с императором Наполеоном III, а то, что миссис Брасси будет очень довольна орденом.

Целиком браку и особенностям английского к нему отношения посвящен рассказ «Эксперимент». Почти карикатурный дядя Фредди:

...всегда казалось, что он ходит как напыщенный индюк, сунув большие пальцы в карманы жилета, даже если жилета нет и в помине (Эксперимент. Перевод И. Стам).

Оказавшись в обществе не менее карикатурного кружка французских сюрреалистов, он неожиданно для самого себя соглашается принять участие в сексуальном эксперименте с целью

выяснить, отличаются ли сношения с француженкой от сношений с англичанкой (Эксперимент. Перевод И. Стам).

Как позже выясняет его племянник, на самом деле сюрреалисты приводят на встречу с дядей одну и ту же девушку – тоже англичанку, значащуюся в их записях «К.» и почти наверняка его будущую жену Кейт. Сам дядя Фредди же уверен, что обнаружил некоторые различия между девушками, однако не смог вынести мысли о том, что ему придется обсуждать свой интимный опыт с иностранцами и сбежал обратно в Англию. Этот побег он называет самым умным поступком своей жизни, потому что на пароходе познакомился со своей будущей женой:

Сколько я мог заметить, тетя Кейт и дядя Фредди преданно любили друг друга (Эксперимент. Перевод И. Стам).

Примечательно и то, что одной из принципиальных позиций композитора Леонарда Верити, презирающего всё английское, являлось именно отрицание брака:

У них [англичан] нет никакого понятия о свободе, о потребностях артиста. Для Лондона существуют только Иисус и брак (Эксперимент. Перевод И. Стам).

Леонард отказывается жениться на своей возлюбленной Аделине даже спустя тридцать лет совместной жизни, не принимая в качестве аргументов ни строгость французских законов в отношении сожительства, ни возможность защиты его музыки (точнее, его авторских прав) после смерти:

Вместо этого они заключили пакт артистов. Они слились друг с другом: души-близнецы в жизни и в музыке, но не в браке. Никогда. <...> Они не позволят мелочным пошлостям жизни опутать себя (Эксперимент. Перевод И. Стам).

Отдельного внимания заслуживает образ мисс Мосс из рассказа «Навечно». Среди прочих женских персонажей в почтенном возрасте – возлюбленной композитора Аделины («Помехи»), леди Линдсей («Дыня») – она предстает наиболее сдержанной и прагматичной. Как уже отмечалось выше, у мисс Мосс и в ее чувствах нет ни возвышенности, ни сентиментальности, но есть довольно практичный расчет. Важно и то, что в отличие от других героинь мисс Мосс одинока: верность мужу героиня заменила верностью погибшему брату. Ею был продиктован даже ее короткий брак, поскольку

она вышла замуж за недееспособного боевого товарища Сэма – Дениса:

В сущности, она за него так и не вышла, физическая близость ведь не состоялась; у нее не было желания, а у него мужской силы. Так продолжалось два года... (*Навечно. Перевод И. Стэм*).

Героиня лишена женского начала, в своей строгой педантичности и одинокой самостоятельности она отчасти уподоблена мужчине, а отчасти воплощает очередной стереотип – французы нередко писали о холодности и фригидности англичанок и изображали их как бесполок существ.

Динамика истории англо-французских отношений

Если рассматривать сборник как единое повествование об истории англо-французских отношений, то отправной точкой будет являться рассказ «Драгуны», тематически и хронологически несколько отстоящий от остальных. Главным героем здесь является француз, с острова приезжает не англичанин, а ирландец, действие разворачивается не в рамках XIX–XX веков, оно разворачивается в веке XVII. С одной стороны, подобный выбор представляется достаточно нетипичным: почему именно время эдикта Фонтенбло (он же Указ об отмене Нантского эдикта, 1685 г.), а не более очевидная Великая французская революция или же времена Столетней войны? Однако при более глубоком рассмотрении как всех историй сборника в целом, так и исторического контекста, их окружающего, он оказывается достаточно логичным. Во-первых, именно в конце XVII века с небольшой разницей во времени в Англии и Франции начинаются религиозные гонения, которые привели к совершенно разным результатам. Драгун вспоминает вторжение Оливера Кромвеля в Ирландию (1649–1653), известное, с одной стороны, особенной жестокостью в расправах над ирландскими католиками; с другой – как событие, завершившее колонизацию Ирландии и положившее начало созданию Объединенного Королевства (к концу XVII века англичане установили власть над всеми Британскими островами [Мортон, 1950; Блэк, 2008]). В свою очередь, эдикт Фонтенбло и последующие за ним гонения на гугенотов исторически склонны считать «началом конца» для французской монархии: «Нантский эдикт – это первая победа абсолютизма, благодаря которой Генрих IV смог навязать католикам идею о совместном существовании с протестантами, а протестанты стали безусловными сторонниками абсолютизма.

Этот же абсолютизм приводит веком позже к гибели двухрелигиозной системы, но не в качестве мести католицизму, а как триумф религии короля. <...> Однако этот триумф сделал хрупкой политическую модель <...> критика часто исходила уже от гугенотов, когда-то убежденных сторонников этого абсолютизма» [Новодержкин, 2019, с. 150].

Следующей значимой хронологической отметкой в сборнике становится Великая французская революция и последовавшие за ней Наполеоновские войны («Дыня»), знаменующие завершение доминирования Франции и французской культуры в мире и начало золотого века для Великобритании. В рассказе эта условная «смена власти» реализуется через изменение симпатий главного героя, генерала Линдси: если в пору своей юности и молодости (во второй половине XVIII в.) он считал себя «галломаном», то к концу рассказа и наступлению зрелости (в начале XIX в.) все его мысли занимала Англия. Победоносное «вторжение» Англии во Францию на протяжении XIX века продолжается уже в более мирных областях: строительстве железных дорог и виноделии («Железнодорожный узел» и «Hermitage»). Что примечательно, в обоих случаях герои-англичане выступают как условные «спонсоры», обладатели исключительно материального блага (физической силы и денег), которым они по тем или иным причинам захотели поделиться с Францией.

Символическим «началом конца» уже для английского господства можно считать Первую мировую войну, память о которой так трепетно хранит мисс Мосс («Навечно»). Последней действительно значимой хронологической отметкой в рассказах становится открытие Евротоннеля под Ла-Маншем. Утратившие былое величие страны-соперницы как будто объединяются в одно целое:

Париж стал ближе, чем Глазго, а Брюссель – чем Эдинбург. Выехав из дому в северной части Лондона и ни разу не предъявив паспорта, он может спустя менее трех часов уже шагать по отлого идущему под уклон бульвару Мажанта (*Навечно. Перевод И. Стэм*).

Однако такая близость, по ироничному наблюдению Барнса, отнюдь не приводит к гармонизации и взаимному слиянию.

В европейском семействе Англия превратилась в трудного ребенка (*Туннель. Перевод И. Стэм*).

Для англичан эта близость становится поводом чаще «оглядываться», сравнивать себя с соседом, чувствуя собственную «неполноценность» и вместе с тем попытаться навязать свое влияние, утвердиться за счет «победы» над непоколебимым соседом.

Заключение

Таким образом, внешняя оппозиция «Англия – Франция» в рамках сборника представлена прежде всего как оппозиция привычного и выходящего за рамки, закрытого и свободного и, отчасти, мужского и женского. Французское влияние на английский характер или образ жизни оказывается неизменно более сильным, нежели обратное, однако в некоторых случаях именно влияние «чужой» культуры позволяет наиболее ярко подсвечивать основные черты национального характера.

Внешняя разность, в свою очередь, нередко оказывается нивелирована концептуальным сходством: в ряде рассказов героини-француженки демонстрируют черты и привычки традиционно свойственные

англичанам, а герои-англичане расстаются со своей «английскостью», оказавшись на чужой территории. Дополнительно подчеркивается это сходство и на уровне исторической «жизни» государств, переживших сходные события, объединенные войнами, периодами расцвета и неминуемого упадка.

Рассказывая об англичанах во Франции в совершенно разные исторические эпохи, Барнс заочно спорит с распространенным мнением о том, что «быть британцем – это прежде всего быть против Франции» [Tombs, 2009; Colley, 2005]. Быть британцем, считает Барнс, – чувствовать неизменное притяжение Франции, маскировать любопытство к соседу под ироничным снисхождением и раз за разом отправляться «на ту сторону Канала» в поисках самого себя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жук М. И. Концепция человеческого бытия в романе Джулиана Барнса «История мира в 10½ главах» // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 159–163.
2. Бондарчук Д. Через Ла-Манш и обратно // Иностранная литература. 2002. № 7. С. 272–275.
3. Parab V. The Interpretation of National Identity & Subjectivity in Globalized Modern Literature // IJSER. Vol.3, Iss.7. 2015. P. 163–169.
4. Никола М. И. Проблемы мультикультурной литературы: полихромный витраж или разбитое зеркало? / М. И. Никола, С. П. Толкачев // Новый филологический вестник. 2022. № 1(60). С. 87–96.
5. Карпухина В. Н. Национальная идентичность и литературный канон в британской традиции XX в. // Studia Litterarum. 2023. Т. 8, № 1. С. 178–197.
6. Güven F. Hybridity, identity, and diaspora in Zadie Smith's *White Teeth* / F. Güven, N. Aldemir // Journal of Nusantara Studies (JONUS). 2025. Т. 10. № 1. С. 94–113.
7. Барнс Дж. Попугай Флобера: роман; пер. с англ. Т. Шинкарь // Барнс Дж. Попугай Флобера. Англия, Англия. Глядя на солнце: романы; пер. с англ. М.: АСТ: ЛЮКС, 2004. С. 5–206.
8. Хьюгилл Э. Патафизика: Бесплезный путеводитель. М.: Гилея, 2017.
9. Tombs R. *That Sweet Enemy: Britain and France: The History of a Love-Hate Relationship* / R. Tombs, I. Tombs // Vintage, 2009.
10. Мортон А. Л. История Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1950.
11. Блэк Д. История британских островов. Евразия, 2008.
12. Новодержкин Н. А. «Эдикт Фонтенбло» Людовика XIV (1685 г.): первый полный перевод на русский язык // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2019. № 2. С. 148–155.
13. Colley L. *Britons: forging the nation, 1707–1837*. Yale University Press, 2005.

REFERENCES

1. Zhuk M. I. (2009). *Konceptsiya chelovecheskogo bytiya v romane Dzhuliana Barnsa «Istoriya mira v 10½ glavax» = The Conception of Human Existence in the Novel «A History of the World in 10½ Chapters» by Julian Barnes*. Knowledge. Understanding. Skill, №3, 159–163. (In Russ.)
2. Bondarchuk D. (2002). *Cherez La-Mansh i obratno = Cross Channel and back*. Foreign literature, №7, 272–275. (In Russ.)
3. Parab V. (2015). *The Interpretation of National Identity & Subjectivity in Globalized Modern Literature*. IJSER. Vol.3, Iss.7. P. 163–169.
4. Nikola M. I., Tolkchev S. P. (2022). *The Problems of Multicultural Literature: a Poly-chromic Stained Glass Window or a Broken Mirror?* The New Philological Bulletin. № 1(60). 87–96. (In Russ.)
5. Karpukhina V. N. (2023). *National Identity and a Literary Canon in British Tradition of the 20th Century*. Studia Litterarum. Vol. 8. № 1. 178–197. (In Russ.)

6. Güven F., Aldemir N. (2025). Hybridity, identity, and diaspora in Zadie Smith's White Teeth. *Journal of Nusantara Studies (JONUS)*. Vol. 10. №. 1. 94–113.
7. Barnes J. (2004). Popugaj Flobera = Flaubert Parrot // Barnes J. Flaubert Parrot. England, England. Staring at the Sun. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST»: OAO «LYuKS», 5–206. (In Russ.)
8. HugiLL A. (2017). 'Patafizika: Bespolezny`j putevoditel' = 'Pataphysics: a useless guide. Moscow: Gileya., (In Russ.)
9. Tombs R., Tombs I. (2009). *That Sweet Enemy: Britain and France: The History of a Love-Hate Relationship*. Vintage.
10. Morton A. L. (1950). *Istoriya Anglii = A People's History Of England*. Moscow: Izd-vo inostr. lit., (In Russ.)
11. Black J. (2008). *Istoriya britanskix ostrovov = A history of the British Isles*. Evraziya. (In Russ.)
12. Novoderzhkin N. (2019). "The Edict of Fontainebleau" by Louis XIV (1685): first complete Russian translation. *LOCUS: People, Society, Culture, Meanings*, №. 2, 148–155. (In Russ.)
13. Colley L. (2005). *Britons: forging the nation, 1707–1837*. Yale University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Соболева Надежда Владимировна

кандидат филологических наук

доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы переводческого факультета

Московского государственного лингвистического университета

доцент кафедры всемирной литературы Института филологии

Московского педагогического государственного университета

Мясникова Мария Владимировна

ассистент кафедры всемирной литературы Института филологии

Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Soboleva Nadejda Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of Russian and Foreign Literature

Faculty of Translation and Interpreting, Moscow State Linguistic University

Associate Professor at the Department of World Literature

Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University

Myasnikova Maria Vladimirovna

Lecturer at the Department of World Literature

Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию	05.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	13.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Причины амбивалентного отношения человека к технике: от фобий до очарования

Н. В. Синявина

*Московский государственный институт культуры, Москва, Россия
Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
cleo2401@mail.ru*

Аннотация. Цифровые устройства, чья работа строится на кодировании, предлагают иную реальность – иллюзорную, где пространственно-временные категории, причинно-следственные связи, виды коммуникации и способы удержания внимания базируются на кардинально иных основаниях. Цель исследования – определить актуальный смысл термина «техника» и выявить причины противоречивого к ней отношения. В статье использовались ретроспективный и контекстуальный методы, метод сравнительного анализа. Исследование опиралось на работы как античных философов, так и современных авторов. Делается вывод о том, что восхищение техническими новинками, как и в прежние эпохи, связано с удивлением возможностями изобретательности человека, его креативностью.

Ключевые слова: техника, машина, инновации, информационно-цифровая культура, цифровое сознание

Для цитирования: Синявина Н. В. Причины амбивалентного отношения человека к технике: от фобий до очарования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 149–156.

Original article

Reasons for the Human Ambivalent Attitude to Technology: from Phobias to Charm

Natalya V. Sinyavina

*Moscow State Institute of Culture, Moscow, Russia
Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
cleo2401@mail.ru*

Abstract. Digital devices, whose work is based on coding, offer a different reality – an illusory one, where spatio-temporal categories, cause-and-effect relationships, types of communication and ways of maintaining attention are based on fundamentally different grounds. The purpose of the article is to determine the current meaning of the term “technology” and identify the reasons for the contradictory attitude towards it. The article used retrospective and contextual methods, the method of comparative analysis. The study was based on the works of both ancient philosophers and modern authors. In conclusion, it is concluded that admiration for technical innovations, as in previous eras, is associated with surprise at the possibilities of human ingenuity, his creativity.

Keywords: technology, machine, innovation, information and digital culture, digital consciousness

For citation: Sinyavina, N. V. (2026). Reasons for the Human Ambivalent Attitude to Technology: From Phobias to Charm. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 1(907), 149–156. (In Russ.)

Введение

Информационно-технологическая революция, свидетелями которой мы являемся, кардинальным образом меняет структуру, условия и способы функционирования мирового культурного ландшафта, сложившегося в конце XX века. Нечто подобное происходило и на рубеже XIX–XX веков, когда технические новинки (телефон, телеграф, радио, пароходы, фотография и кинематограф, первые самолеты) «захлестнули» общество, которое, с одной стороны, испытывало восторг от собственных возможностей в покорении мира, с другой – начало опасаться превращения человека в придаток машины, потери своей субъектности, что продуцировало эсхатологические ожидания. В начале XX века, благодаря К. Чапеку, появляется и слово «робот», которое в его пьесе «Р. У. Р.» обозначало помощников, созданных для помощи людям. Постепенно появляется представление о роботе-убийце, который был персонажем лишь фантастической литературы. Таким образом, сформировавшиеся к началу XX века две крайние позиции – боязнь технологических инноваций и восхищение ими, – сохраняют актуальность и сегодня, поэтому в статье ставится задача ответить на вопросы: чем вызван этот страх? в какой исторический момент он появился? можно ли этот страх преодолеть? Для решения задачи в статье использовались ретроспективный и контекстуальный методы, метод сравнительного анализа.

Но что же такое страх? Если испуг есть мгновенная, непосредственная реакция организма на внешний раздражитель, воспринимаемый как потенциальная угроза или опасность, то однозначно определить содержание понятия «страх», представляющему симбиоз различных процессов, невозможно. Так, жизни первобытного человека постоянно что-то угрожало (природные катаклизмы, дикие животные, сородичи из других племен, голод, болезни и т. д.), и со временем это привело к формированию способности предвидеть опасность. Например, древнего человека не могла не пугать гроза. Боязнь ее на одном из этапов исторического развития приводит к рождению мифов о ней, т. е. уже в этот период человек боролся с собственными страхами с помощью слова, сублимировал свой страх в слова. Мифологическое сознание связывало грозу с наказанием и гневом Божиим за провинности и требовало от человека совершения определенного ритуала, направленного на снисхождение высших сил. Однако со временем, благодаря развитию научного знания, было установлено, что гроза есть всего лишь электрический разряд в атмосфере, защитой от которого выступает громоотвод. Опасается ли

современный человек грозы? Безусловно, но его страх не столь тотален, как у первобытного человека. Из этого можно сделать два вывода: во-первых, человеку как *Homo loquens* (человеку говорящему) свойственно отражать свои страхи в слове, во-вторых, наши страхи не только продуцируют мифы об источнике опасности (что присуще любому историческому периоду), но и заставляют действовать (всесторонне изучать явление, находить способы минимизировать его опасное воздействие и пр.).

Но, в связи со сказанным, возникает еще ряд вопросов: а возможно ли сопоставление страха грозы и технологий? Этот страх имеет идентичную природу? Или это разные виды страха? На смену мифологическому сознанию, трактовавшему грозу как божественный гнев, пришло научное понимание ее как природного явления. Однако между грозой и техникой есть существенная разница: техника не является частью природного мира, она есть артефакт, она часть вещного мира, созданного человеком. Ее история исчисляется тысячелетиями, но древние мифы не содержат рассказов, повествующих о возможности «восстания» техники против своего создателя (наоборот, восторженное описание, например, Фаросского маяка и Колосса Родосского). Следовательно, этой дихотомии «человек – техника» в тот период не существовало, а наш страх перед машиной можно назвать выученным, обусловленным культурной средой и приобретенным в более позднее время.

Основная часть

К. Ясперс отмечает, что «техника как умение применять орудия труда существует с тех пор, как существуют люди» [Ясперс, 1986, с. 124]. Однако дальше он указывает на соразмерность создаваемой в те древние периоды техники человеку, который при ее использовании должен был прибегать к различным силам (собственной силе, тягловых животных, силе воды или огня, ветра и пр.). Техника в тот период воспринималась всего лишь как инструмент, благодаря которому человек имел возможность обустроить окружающий его мир, преобразовать среду для своего комфортного существования.

Любопытна в контексте сказанного и позиция Л. Мамфорда, полагавшего, что тезис «труд создал из обезьяны человека» лишен всякого смысла, ибо уже гориллы возводили лежанки для сна из прутьев и листьев, мостики из стеблей папоротника через ручьи (видимо, чтобы не замочить ноги). По его мнению, многие животные, птицы и насекомые при сооружении себе «домов» проявили большую изобретательность, нежели *Homo sapiens* при

изготовлении первых орудий труда. Мамфорд отмечает, что «в первобытной технике не было ничего специфически человеческого, кроме употребления и хранения огня, и так продолжалось до тех пор, пока человек не переориентировал собственные физические органы, применив их для функций и целей, совершенно отличных от тех, каким они изначально служили» [Мамфорд, 2001, с. 13]. Иными словами, исходной точкой развития в первобытный период, по мнению американского философа, выступило тело человека, его организм и социум, который на него воздействовал. Исходя из этого он, как и К. Ясперс, рассматривал созданные человеком орудия труда как один из элементов культурной среды. Таким образом, техника, с точки зрения Мамфорда, до определенного момента не отделялась и не противопоставлялась другим компонентам созданного человеком культурного пространства.

Об этом свидетельствует и этимология термина «техника» (*др.-греч. τεχνικός*, восх. к *τέχνη*), включающая как ремесло (т. е. производство) и мастерство (как уровень владения им), так и искусство. Известно, что в древнегреческой культуре понятие «искусство» как особый вид деятельности, отсутствовало, и результат работы гончара и художника определялся общим словом «техне». На протяжении длительного времени оба этих аспекта – производство и искусство как образное осмысление действительности – были неразрывно связаны.

Безусловно, древние греки осознавали разницу природного и естественного. О ней говорил еще Платон, и его позицию концептуально развил Аристотель, показавший в «Физике» сущностное отличие мира природы и мира вещей. Он вводит понятия физиса и поэзиса, которые отражают особенности существования двух этих миров. Если в природном мире (физисе) процессы обусловлены естественным ходом, протекают без вмешательства внешних действующих сил, то в мире вещей ничто не появляется само по себе, только в результате практической деятельности человека. Поэзис имел непосредственное отношение к техне, а ремесленник, как и художник, был демиургом, творцом. Платон в «Тимее» пишет о Демиурге, создавшем из бесформенной материи видимый человеком мир. Подобно платоновскому Демиургу вещной мир создает и ремесленник – демиург. Бог создал человека, а человек создает технику.

Наряду техне в Древней Греции существовало и понятие «машина» (*μηχανή*), которым обозначался весь комплекс служащих для облегчения труда человека устройств и конструкций. Оно фиксировало лишь сам объект, инструмент, и этим отличалось от

техне. Однако уже к концу эллинистического периода благодаря Марциану Капелле появляются *Septem Artes Liberales* (*Семь свободных искусств*), а на излете Античности и *Septem Artes Mechanicae* (*Семь механических искусств*) Эриугена. В обоих случаях латинское *Ars* является калькой древнегреческого *техне*, где ремесло, наука и искусство снова тесно взаимосвязаны. Эту неразрывность, этот синкретизм можно объяснить особенностями мировоззрения той эпохи, но важно отметить два момента: во-первых, эстетическую составляющую, которая была присуща искусству и неотделимой от него технике на том этапе, следовательно, их функционал был схож – волновать и производить впечатление; во-вторых, эстетическая составляющая техники того времени доказывает, что она, как и художественный образ, создавалась синкретическим автором – философом – художником – ученым.

Аристотелевская трактовка техне исходит из положения, что ее основой выступает не только опыт (отвечающий на вопрос «что»), но и подобие теоретического знания (отвечающего на вопрос «почему»), поскольку получаемые посредством опыта результаты дают возможность перейти от частного к общему. Для Аристотеля создаваемая человеком техника выступает артефактом, но она лишь подражает природе, дополняя ее.

Мамфорд считал человека существом думающим, мыслящим. Он был убежден, что в случае исчезновения всей изобретенной техники и всех открытий, человек не перестанет быть им, поскольку у него останутся способность к интерпретации и умение наполнять окружающее его пространство смыслом. Когда же человек начал чувствовать себя фактически Богом, Демиургом? В тот момент, с точки зрения Мамфорда, когда он, подобно Богу, создал новый мир, мир образов и символов, мир смысла. Открытие же этого мира для человека начинается в детстве. Ребенок, пылливо изучая окружающий его мир, часто разбирает игрушку на составные части, желая понять ее устройство. В этот момент он чувствует себя властителем над ней. Однако дальше, под влиянием культурной среды (религии, говорящей о всемогуществе Бога, мифа о Прометее, наказанного за попытку научить людей пользоваться неведомыми им технологиям) появляется и страх наказания за стремление к всемогуществу, за попытку подчинить природу.

Отношение к технике в Китае и Японии

Но христианство и миф о Прометее есть истории сугубо европейские, поэтому интересно посмотреть присуща ли подобная тенденция другим

регионам. Примеры доказывают, что отношение к технике в странах восточноазиатского региона (Китай и Япония) иное. Возможно, именно этим можно объяснить тот факт, что многие изобретения появились в Китае значительно раньше, нежели в Европе (иногда на тысячелетия). Так, уже примерно к 200 году до н. э. в Китае появились доменные печи, благодаря которым была освоена металлургия. Примерно в XIII веке здесь появилась прялка (фактически одновременно с Европой), однако ее использование получило более широкое распространение, поскольку еще в эпоху Хань для изготовления шелка использовались ткацкие станки, и местные мастера были знакомы с этой технологией. В этот же период (около 105 года до н. э.) был предложен усовершенствованный придворным чиновником Цай Лунем способ производства бумаги (или как его называли «шелк хоу Цая»), хотя археологические находки свидетельствуют, что попытки изготовить общедоступный материал для письма относятся к III веку до н. э., а к концу VII века мастера Поднебесной уже владели искусством книгопечатания.

Однако в XIV веке столь активно развивавшаяся технологическая деятельность прерывается. На этот счет современные ученые высказывают разные версии. Почему Китай, на протяжении тысячи лет остававшийся мировым лидером в технологическом развитии, вдруг перестает развиваться в этом направлении? Одна из позиций исходит из сформировавшегося в традиционных китайских религиозно-философских учениях представления о гармоничных отношениях человека и природы. До того момента, пока новые технологии не нарушали их, не вели к экологическим проблемам, они развивались, но при возникновении подобной угрозы все технологические эксперименты были прекращены. Другая часть ученых в качестве фактора, регулирующего и влияющего на взаимоотношения человека (общества) и техники, указывает на государство, которое до 1400-х годов проявляло к ней интерес. После же прихода династий Мин и Цин все изыскания в этой области не просто не проводились, а находились под запретом (например, географические исследования, строительство больших кораблей и пр.). Отчасти это можно объяснить опасениями правящей элиты, которая видела в технологических инновациях угрозу политической стабильности.

Обозначенные позиции ведут к интересным выводам: во-первых, вплоть до конца XX века (а в некоторых странах эта тенденция наблюдается и сегодня) траектория развития технологий зависела от государства. Современный Китай, обладающий ядерной промышленностью, ракетостроением и

активно развивающий IT-технологии, выступает в данном случае отличным примером. Государство проявило интерес к инновациям, что помогло за относительно короткий период превратиться в одного из информационно-технологических мировых лидеров.

Подобные процессы были присущи и Японии, которая в разные периоды «закрывалась» от остального мира. Длительная изоляция при сёгунате Токугава (с начала XVII века и до середины XIX века) привела к технологической отсталости страны, что особенно заметно на примере кораблестроения. Если в предшествующий период японские торговцы перемещались на судах водоизмещением до 700 т, то с 1635 года строительство кораблей водоизмещением более 50 т было запрещено. Лишь в период реставрации Мэйдзи (1860–1870) были созданы условия для технологического обновления, которое поддерживалось государством.

В современной же Японии, например, роботов используют для ухода за пожилыми и маломобильными людьми. Более того, поскольку они выполняют столь важную общественную функцию, им охотнее выдают гражданство, нежели мигрантам-корейцам. В отличие от европейцев японцы не задаются вопросом, не нарушает ли человеческое достоинство тот факт, что за пожилым ухаживает бездушная машина, важен лишь ее функционал. Именно здесь проявляется разница европейской и японской культуры: европейец воспитывался в парадигме, где одним из центральных понятий выступает индивидуальная душа, в синтоизме и буддизме подобные представления отсутствуют, поэтому японец даже не задумывается об одушевленности машины, а для человека европейского ответ на этот вопрос имеет большое значение.

Таким образом, можно сделать вывод, что представление о технике как явлении складывается из комплекса внешних и внутренних факторов воздействия (особенности эпохи и типа культуры, уровень технических знаний, социально-политические условия и т. д.).

«Неолитическая революция» XXI века и ее промежуточные результаты

К. Ясперс сопоставляет современную эпоху с неолитической революцией, когда человек перешел к качественно иному образу жизни. «Новое / новизна превращается в неотъемлемый элемент истории, науки, политики, а основой современной цивилизации, представляющей техногенный тип, выступает ориентация на преобразование мира благодаря использованию инновационных

технологий, генерации нового научного знания, подчинения человеком природных ресурсов» [Синявина, 2022, с. 87]. Данный тип начинает формироваться в эпоху Ренессанса, когда европейцы получают доступ к античному наследию. Более того, в философии гуманистов соединяются идея богоизбранности человека и представление о безграничных возможностях человеческого разума. «Случившаяся чуть позже научная революция приводит к трансформации картины мира и положения человека в нем, утверждается новый статус ученого» [там же, с. 88]. Ученого, опирающегося в своих исследованиях на опыт, который не может быть проведен без использования специального оборудования. Результатом этого процесса становится изобретение телескопов и микроскопов, термометров и барометров, благодаря которым стало возможным сделать видимым и измеряемым то, чего до этого человек ни видеть, ни измерить не мог. Придуманые в тот период устройства не вызывали страха (пожалуй, лишь у представителей Церкви, поскольку подрывали идею креационизма), у образованной части общества они вызывали восторг (об этом, в частности, свидетельствует наличие придворного астронома фактически при каждом королевском дворе Западной Европы) и веру в разум.

Продолжением этой тенденции следует считать и знаменитую «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел», где вновь наука, искусство и ремесло поставлены в один ряд. Д. Дидро, сын ремесленника, сетовал, что о науке и искусстве написано уже немало, а работ, посвященных механическим искусствам, фактически нет. Он и его помощники посещали различные производства, чтобы посмотреть на технические новинки. Иногда Дидро был вынужден проводить на предприятиях часы, дабы понять механизм работы того или иного станка, поскольку даже мастера не всегда могли дать ему разъяснения. Впоследствии он говорил, что человек часто вообще не задумывается об устройстве вещей, которыми пользуется фактически каждый день. Рисунки различных технических устройств составили более 10 томов «Энциклопедии», а Дидро можно считать одним из популяризаторов техники XVIII века.

Развитие техники во второй половине XIX века происходило столь стремительно, что возникла необходимость осмысления этого процесса, что взяла на себя родившаяся в тот момент философия техники. «Благодаря этим процессам закладываются основы цивилизационной модели», среди характеристик которой «доминируют ускорение темпа жизни» [Синявина, 2022, с. 88].

Следовательно, среди причин, вызывающих страх у современного человека, выступают непредсказуемость будущего и появление новых видов техники.

Непредсказуемость будущего

Но разве в предшествующие эпохи люди не думали о будущем? Попытки предсказывать будущее были всегда: так, в Древнем мире существовали свои способы (в частности, посредством мифов и различных форм гаданий и экзегетики), в XX веке с помощью различных методик выстраивались прогностические модели. Но будущее зависит от комплекса факторов и многих неизвестных, и деятельность человека всегда выходит за границы какой-то одной сферы, и, затрагивая другие, может иметь разнообразные последствия и неожиданный итог. Однако вплоть до XXI века условную грань между настоящим и будущим всё же можно было провести. Сегодня же говорят о «расширенном будущем», «уже наступившем будущем», «исчезающем будущем» [Урри, 2019, с. 12], поскольку оно, подобно бозону Хиггса, фактически неуловимо: в наносекунду наступает и тут же становится прошлым. Именно ощущение «текучести» жизни, непредсказуемость «растворившегося» будущего и вызывает страхи современного человека.

Итак, одним из актуальнейших вопросов современности, в связи со сказанным, становится проблема генерирования будущего. Мамфорд указывал, что мысли о будущем следует рассматривать как отличительную способность человека, но кому и чему принадлежит будущее? Скорее всего, тому, кто облечен любым видом власти (так, например, в европейском Средневековье считалось, что будущее зависит от Бога, следовательно, от Церкви, сегодня таковыми могут выступать крупные корпорации или общественные движения). Но, с другой стороны, каждый в отношении будущего имеет личные ожидания. Таким образом, обсуждая проблему будущего необходимо помнить, что оно не является заданным и полностью предопределенным.

Новые виды техники

Мы не боимся автомобилей или скоростных электропоездов (даже если они беспилотные), многочисленных станков на предприятиях и бытовой техники. Тогда возникает вопрос: а какой техники боится современный человек? Ответ очевиден: он боится информационно-цифровых технологий, в том числе и искусственного интеллекта. Изобретенная в XX веке ЭВМ, в названии которой

использовалось слово «машина», есть всё же продукт механического разума, т. е. того типа сознания [Критика цифрового разума, 2020], формирование которого начиналось в период научной революции Нового времени. Это подтверждает и ее назначение, заключающееся в проведении сложных вычислительных операций, т. е. ее функционал, как и машин предшествующего периода, сводился к проведению рутинной работы, дабы облегчить деятельность человека. Именно за ее способность к калькуляции и привязанность к вещественному миру, за возможность возвращения к реальному миру они и были отвергнуты. Современные же цифровые устройства, чья работа строится на кодировании, предлагают совершенно иную реальность – иллюзорную, где пространственно-временные категории, причинно-следственные связи, виды коммуникации и способы удержания внимания базируются на кардинально иных основаниях.

У Платона можно встретить предостережения относительно записи текстов. Так, Федр слышит от Сократа рассказ о египетском мудреце Тевте, который хотел бы даровать людям письменность. Однако у фараона буквы вызывают лишь опасения, поскольку «в души научившихся им они поселят забывчивость» и лишается «упражнения память: припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою»¹. Разве не те же опасения высказываются и сегодня? М. Кастельс, в частности, отмечает, что «новая коммуникационная система, всё больше говорящая на универсальном цифровом языке, одновременно интегрирует в глобальном масштабе производство и распространение слов, звуков и изображений в нашей культуре» [Кастельс, 2000, с. 26].

Опасения, что многие умственные манипуляции за нас выполняют гаджеты, и это вредит нашему мозгу, которому необходима динамичная работа. Однако эти примеры свидетельствуют, что многие технические вещи изначально создаются в качестве инструмента, облегчающего человеку его деятельность, но потом они начинают воздействовать на создателя, как бы расширяя свою зону влияния, сужая при этом пространство человека. Наш страх связан с тем, что мы можем лишиться своего доминирующего положения, к которому привыкли, будучи «венцами природы», поскольку сотворены по образу и подобию Бога? Или в этот момент включается заложенная в нас как биологическом виде программа естественного отбора: мы ощущаем рождение совершенно нового биоинформационного вида, стремящегося вытеснить нас?

¹Платон. Федр // Собрание сочинений: в 4 т. Москва: Мысль, 1993. Т. 2. С. 186.

Но создаваемая ИТ-инженерами модель (органа, различных технологий ИИ и др.) всегда отлична от оригинала, хотя ее морфология и функционал могут быть идентичны. Главным же фактором самоидентификации по-прежнему остается бытие человека, осознание им своего онтологического статуса.

Многие системы (политические, общественные, экономические и др.) сегодня пребывают в состоянии кризиса или трансформации, поэтому одной из актуальнейших задач выступает поиск индивидуальной или коллективной идентичности. Мозаичность современного общества, перманентность и некоторая хаотичность происходящих изменений вынуждает человека выбрать один из основополагающих источников идентичности (национальный, этнический, религиозный). Именно идентичность в подобные переходные периоды становится, пожалуй, единственным источником смысла.

Таким образом, восхищение техническими новинками сегодня, как и в прежние эпохи, связано с удивлением возможностями человеческой изобретательности, его креативностью. Однако «мы имеем дело уже не с механизмами XIX века, такими, как паровой двигатель, а с техническими системами, становящимися органическими» [Хуэй, 2024, с. 268], и боязнь информационно-цифровых устройств возникает потому, что они превосходят человека [Штрассберг, 2025]. Превосходят по скорости обработки информации, принятия решения (можно вспомнить, как было разочаровано мировое сообщество, когда чемпионы мира по шахматам начали проигрывать компьютерам). Но все перечисленные «превосходящие» человека способности разве не относятся к механическому периоду истории человечества? Как уже отмечено, есть нечто, чем пока цифровой разум не обладает – человечность.

Заключение

Итак, человек окружен предметами, но большая их часть нас не пугает. Почему же? Потому что мы знаем, как они устроены, из какого материала созданы. Следовательно, боязнь современных инновационных технологий связана с нашим незнанием и непониманием их устройства. Можно вспомнить, сколько опасений было перед запуском Большого андронного коллайдера (БАК) в ЦЕРН: подавались иски с требованиями прекратить его строительство и приводились судебные разбирательства, поступали угрозы работавшим на БАК ученым. Однако процессы, происходящие внутри него, протекают и в природе, причем более масштабно и с использованием больших мощностей, однако

они не приводят к появлению черных дыр, способных поглотить Вселенную (в противном случае это бы уже давно произошло).

Современный подход к трактовке понятия «техника» претерпел существенные изменения по сравнению даже с серединой XX века. Р. Брайдотти указывает на антиинтеллектуализм как одну из характерных черт нашего времени [Брайдотти, 2021], что привело к нивелированию результатов ряда гуманитарных исследований, в том числе и в сфере философии техники. Но, с другой стороны, сохранила ли актуальность сложившаяся в XX веке теория? Можно ли доверять ей как инструменту, способному познать и описать сегодняшнюю реальность? Сомнительно. Допустимо предположить, что невозможность выявить структурные элементы смыслового поля понятия «техника» связана именно с этим. Следовательно, перед гуманитариями стоит задача выработать новый методологический подход для осмысления техники как феномена. Подход, который на основе эмпирики и выявления границ гуманизма будет способен объяснить специфику

и функциональную значимость техники на современном этапе, будет опираться на критическую мысль, не будет стремиться фиксировать лишь негативные стороны объекта изучения и откажется от редукционизма и бинарности при трактовке «природное – искусственное (в смысле, техническое)».

Возможно, продуктивной станет монистическая методология, в контексте которой природа и культура не противопоставляются, а рассматриваются как элементы самоорганизующейся системы.

Проблема осмысления техники связана, прежде всего, с осознанием состояния человека и человечества в целом и его отношениями с другими обитателями Земли, что выводит на вопросы о структуре нашей идентичности, которая в современном мире усложняется.

Только при выработке такого подхода можно установить новую точку отсчета в отношении человека и техники и задать новый вектор в их взаимоотношениях. В конце концов, не техника определяет свое место в мире, а контекст, задаваемый человеком.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ясперс К. Современная техника // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 119–146.
2. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001.
3. Синявина Н. В. Концепт «устремленность в будущее» как элемент концептосферы русской культуры: монография. М.: МГИК, 2022.
4. Урри Дж. Как выглядит будущее? М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.
5. Критика цифрового разума / В. В. Савчук и др. СПб.: Академия исследования культуры, 2020.
6. Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
7. Штрассберг Д. Мифология машины. История механизмов, которые нас пугают и очаровывают. М.: АСТ, 2025.
8. Хуэй Юк. Искусство и космотехника. М.: АСТ, 2024.
9. Брайдотти Р. Постчеловек / пер.с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. М.: Издательство Института Гайдара, 2021.

REFERENCES

1. Jaspers, K. Modern Technology (1986). In *New Technocratic Wave in the West* (pp. 119–146). Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Mumford, L. (2001). *Mif mashiny = The Myth of the Machine. Technology and the Development of Humanity*. Moscow: Logos. (In Russ.)
3. Sinyavina, N. V. (2022). *Kontsept "ustremlennost' v budushchee" kak ehlement kontseptosfery russkoi kul'tury = The Concept of "Aspiration to the Future" as an Element of the Conceptual Sphere of Russian Culture: monograph*. Moscow: MGIC. (In Russ.)
4. Urry, J. (2019). *What Does the Future Look Like?* Moscow: Publishing House "Delo" RANEPА. (In Russ.)
5. Savchuk, V. V. (2020). *Kritika tsifrovogo razuma = Critique of Digital Reason*. St. Petersburg: Academy of Cultural Research. (In Russ.)
6. Castells, M. (2000). *Informatsionnaya ehpokha. Ehkonomika, obshchestvo, kul'tury = The Information Age. Economy, Society, Cultures*. Moscow: HSE. (In Russ.)

7. Strassberg, D. (2025). Mifologiya mashiny. Istoriya mekhanizmov, kotorye nas pugayut i ocharovyvayut = Mythology of the Machine. The History of Mechanisms That Frighten and Fascinate Us. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.)
8. Hui, Yuk. (2024). Iskusstvo i kosmotekhnika = Art and Cosmotekhnics. Moscow: AST Publishing House. (In Russ.)
9. Braidotti, R. (2021). Postchelovek = Posthuman. Transl. from English D. Hamis, ed. by V. Danilov. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Синявина Наталья Владимировна

доктор культурологии

заведующий кафедрой культурологии Московского государственного института культуры

профессор кафедры мировой культуры Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sinyavina Natalya Vladimirovna

Doctor of Culturology (Dr. habil.)

Head of the Department of Cultural Studies, Moscow State Institute of Culture

Professor at the Department of World Culture, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	26.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

Феномен визуальной новеллы в контексте креативных индустрий: литература vs игра

А. Ю. Чукуров

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия
achukurov@yandex.ru*

Аннотация. Цель работы – провести комплексный анализ феномена визуальной новеллы, выявление его социокультурной динамики и перспектив развития. Материалом для анализа послужили визуальные новеллы, предполагающие полноценный сюжет, который сопровождается визуальным рядом, аудиальным фоном, а также интерактивными элементами. Методологически исследование базируется на системном и культурологическом подходах, феноменологическом и типологическом методах, что позволило провести анализ данного феномена во всей его многоаспектности, определить его морфологию. В результате проведенного исследования был сделан вывод о максимальном соответствии визуальной новеллы запросам современного потребителя и колоссальном творческом, образовательном и коммерческом потенциале данного феномена.

Ключевые слова: визуальная новелла, нарратив, креативные индустрии, игровая индустрия, медиа, досуговая деятельность

Благодарности. Исследование проведено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена «Историко-культурное и креативное пространство Санкт-Петербурга как основа профильного и дополнительного образования студентов РГПУ им. А.И. Герцена» № 88-ВГ.

Для цитирования: Чукуров А. Ю. Феномен визуальной новеллы в контексте креативных индустрий: литература vs игра // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2026. Вып. 1 (907). С. 157–164.

Original article

The Phenomenon of Visual Novel in the Context of Creative Industries: Literature vs Game

Andrey Yu. Chukurov

*Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia
achukurov@yandex.ru*

Abstract. The purpose of this work is to conduct a comprehensive analysis of the phenomenon of visual novels, identify their socio-cultural dynamics and development prospects. The material for the analysis was the visual novels themselves, which imply the presence of a full-fledged plot, which is accompanied by a visual series, an audio background, and interactive elements. The study is based on a systemic approach, phenomenological and typological methods and a cultural approach, which made it possible to analyze this phenomenon in all its multifacetedness, to determine its morphology. As a result of the study, a conclusion was made about the maximum compliance of the visual novel with the needs of the modern consumer and the colossal creative, pedagogical and commercial potential of this phenomenon.

Keywords: visual novel, narrative, creative industries, game industry, media, leisure activities

Acknowledgements. The study was funded by the Herzen State Pedagogical University of Russia internal grant "The Historical, Cultural, and Creative Space of St. Petersburg as a Basis for the Specialized and Continuing Education of Herzen State Pedagogical University Students" (No. 88-VG).

For citation: Chukurov, A. Yu. (2026). The Phenomenon of Visual Novels in the Context of Creative Industries: Literature vs. Game. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 1(907), 157–164. (In Russ.)

Введение

Сегодня мы столкнулись с тем, что привычный вербальный текст всё больше нуждается в эмоциональном и визуальном подкреплении. Сознание современного потребителя сильно трансформировалось в эпоху мессенджеров: можно констатировать не только преобладание визуалов, но и наличие частого «эмоционального сопровождения» – коммуникации смайликами и файлами *-gif*, придающих дополнительную эмоциональную глубину сообщению. Визуальная новелла – это, с одной стороны, жанр компьютерных игр, с другой – весьма перспективное направление развития литературного художественного текста. В контексте цифровой культуры, визуальная новелла представляет собой синтез нарративных техник и интерактивных элементов, что хорошо работает на усвоение прочитанного и углубление эмоционального переживания. Всё это актуализирует исследования в данном направлении. Именно визуальные новеллы, включающие в себя текстовое повествование, сопровождаемое статичными или анимированными изображениями, аудиальный фон (звуки окружающего мира и музыкальные темы, соответствующие сцене) и элементы выбора, влияющие на развитие сюжета, и послужили материалом для данного исследования: проекты, представленные на платформе Steam (24 наименования в жанрах «детектив» и «ужасы»), завершённые визуальные новеллы проекта «Клуб романтики» (32 наименования), а также самостоятельные российские проекты (10 наименований).

Визуальная новелла позволяет пользователю участвовать в формировании нарратива, что усиливает эффект погружения. Исследования в области медиатеории подтверждают растущую значимость визуального компонента в восприятии информации. Согласно трудам Льва Мановича, «язык новых медиа» характеризуется принципами модульности, автоматизации, варибельности и транскодирования [Манович, 2018]. И хотя словосочетание «новые медиа» устарело, тем не менее вышеприведённые характеристики актуальности не утратили. Визуальная новелла, сочетая текст и изображение, в полной мере им соответствует, предлагая пользователю яркий интерактивный опыт.

Цель нашего исследования предполагает последовательную реализацию нескольких взаимосвязанных задач. *Во-первых*, необходимо выявить динамику феномена визуальной новеллы и специфику его природы в синхронии и диахронии. Для реализации поставленной задачи был использован системный подход, который и позволил проанализировать феномен визуальной новеллы как

целостное явление в контексте игровой индустрии. Также был использован феноменологический метод, позволивший всесторонне изучить содержание феномена визуальной новеллы. *Во-вторых*, необходимо было определить возможную типологию феномена для перспективного углубленного анализа и классификации существующих проектов, для чего был использован типологический метод. *И, в-третьих*, важно было оценить указанный феномен в контексте динамики креативных индустрий в России для определения возможных перспектив его развития и востребованности, для чего был использован культурологический подход.

Обращаясь к историографической базе исследования, хотелось бы сразу отметить, что на первый план выходит вовсе не аналитика художественного теста визуальной новеллы, а методико-педагогический аспект, т. е. потенциал и возможности использования визуальной новеллы в учебном процессе. Даже если обратиться к российской базе цитирования – индексу РИНЦ на сайте elibrary.ru, – то русло исследовательской активности становится более чем очевидным: в статье «Применение визуальных новелл при изучении истории Беларуси (на примере изучения темы “столыпинские реформы и их осуществление в Беларуси)» О. В. Серченя, И. В. Пугач указывают на многофункциональность визуальных новелл, их способность давать представления о фольклорной музыке, одежде и иных бытовых особенностях изучаемой эпохи [Серченя, 2024]; в работе «Визуальные новеллы как современный вид текста на занятиях по РКИ» Л. О. Овчинникова подробно анализирует возможности визуальной новеллы в контексте преподавания русского языка как иностранного и указывает на возможности кастомизации и персонализации интерактивного произведения [Овчинникова, 2023]; в исследовании «Визуальная новелла как средство развития читательской грамотности современного подростка» в контексте формирования функциональной грамотности с учетом психофизиологических возможностей обучаемых С. Ю. Нисова и О. П. Казакова анализируют возможности визуальной новеллы, указывая на необходимость ее интеграции в учебный процесс и т. д. [Нисова, 2022].

Реже можно встретить узкоспециализированные работы, дающие техническую или художественную аналитику, например, в статье «Применение алгоритмов машинного обучения для разработки графических материалов игры в жанре „визуальная новелла“» Т. К. Волосюк, Д. Н. Штягина, Л. Ю. Худорожков анализируют генеративные модели и алгоритмы машинного обучения в разработке визуальных новелл, предлагая специфический программный продукт [Волосюк, 2024];

в статье «Репрезентация культурной памяти об “эпохе перемен” в России: 90-е годы сквозь призму визуальных новелл “1997” и “Зайчик” (“Tiny Bunny”)» И. С. Солдатенко анализирует феномен исторической памяти и ее трансляции, а также структуру визуальной новеллы как поликодового текста, которая успешно может быть применена в образовательном процессе. Иными словами, в отличие от 1990-х, когда на заре интеграции компьютерных игр в культуре повседневности появилось много материалов об угрозах, исходящих от данного вида досуговой деятельности, в этом случае педагогическая значимость феномена сразу становится очевидной широкой научной общественности.

Феномен визуальной новеллы – это во многом продукт культуры метамодернизма, с его новой искренностью и колебаниями в рамках заданного. А. Ю. Демшина отмечает эффект «соучастия потребителя» в создании продукта, стремление к конструированию собственного мира и формирование вокруг продукта «эмоционального коммуникативного эффекта» [Демшина, 2022, с. 108]. При этом А. Ю. Демшина подчеркивает, что обратная сторона всех указанных процессов «рационализация, склонность потребителя к директивному поведению, изменение сенсорно-тактильного восприятия продукта у потребителей, воспитанных на цифровой технике» [там же]. Визуальная новелла создает иллюзию со-участия в создании нарратива при очевидной апелляции к эмоциональной сфере потребителя, без необходимости совершать действительно значимые и психологически тяжелые выборы, т. е. выбор есть, но только в рамках заданного.

Историко-культурный аспект: динамика феномена

Визуальная новелла строится, как правило, по традиционной трехактной схеме. Принципы создания и развития персонажа, т. е. «арка персонажа», идентичны традиционным литературным формам – тому, что именуется «жанровая литература» (любовный роман, детектив, триллер, фэнтези, роман ужасов). Полное соответствие «формуле» позволяет продукту органично вписываться в потребности реципиента.

Не погружаясь глубоко в исторический процесс, обратим внимание лишь на основные моменты, чтобы представить динамику формирования и развития феномена. Прежде всего, напомним, что корнями визуальная новелла уходит в японскую массовую культуру XX века, а именно: в жанр «эроге» – эротическую визуальную игру

с неприхотливым, если не сказать примитивным сюжетом, который выстраивался на поиске партнера и множестве чередующихся свиданий с банальными диалогами. Сюжеты часто балансировали на грани дозволенного (или, точнее, уходили за эту самую грань). В связи с ужесточением законодательства, подобного рода игры начали меняться, становились серьезнее, сюжеты усложнялись, а визуальная составляющая улучшалась.

Отправной точкой в рождении самостоятельного направления визуальной новеллы можно считать 1992 год, когда появилась одна из первых вменяемых визуальных новелл с полноценным сюжетом – «Одноклассники». Тогда же, на стыке 1980–1990-х появляются и первые звезды. В частности, это Хидео Кодзима со своей знаковой визуальной новеллой «Policenauts». На протяжении какого-то времени визуальная новелла оставалась исключительно японским феноменом. Перелом наступает в конце первого десятилетия XXI века, т. е. в районе 2010 года, хотя в этом случае уже невозможно выделить какой-то отдельный проект и обозначить его как рубежный. Но именно к этому времени визуальная новелла распространилась в мире. Такую популяризацию феномена объясняют прежде всего адаптацией проектов под мобильные телефоны. На постсоветском пространстве наибольшую популярность получает «Клуб романтики» (Молдавия), да и Россия оказалась в авангарде популяризации феномена. Сегодня, как показывает анализ ведущих российских проектов, она является одним из лидеров в создании визуальной новеллы. Здесь появляются весьма успешные проекты (в частности, проект «Love games»). В наши дни визуальные новеллы по-прежнему остаются востребованным продуктом прежде всего в женской аудитории.

Морфология феномена визуальной новеллы

Создание визуальной новеллы – это сложный и многоэтапный процесс. В основе новеллы всегда находится текст и минимально для качественного продукта его должно хватать на 10 часов чтения, чтобы пользователь чувствовал, что не зря заплатил за него. Визуальная составляющая, аудиальное сопровождение, разнообразные выборы и способы монетизации – всё это идет уже за художественным текстом. Этапы создания проекта очень напоминают процесс создания жанровой литературы – детектива или любовного романа. Вначале прописывается короткий синопсис, затем расширенная версия синопсиса, после – сценарий и создание текста. Только после создания

полноценного текста можно уже переходить к режиссуре отдельных сцен. Такая методика напоминает хорошо известную схему Рэнди Ингермансона – «метод снежинки».¹

Несмотря на важную роль интерактивности в визуальных новеллах, в основном она требует от потребителя лишь нажатия определенной кнопки для перехода к следующему отрывку текста или сцене. Таким образом, основная работа по передаче смысла и нарратива по-прежнему ложится на автора. Визуальную новеллу вполне можно рассматривать как специфический жанр художественной литературы и можно применять к анализу такого рода текстов весь арсенал методологии литературоведения и культурологии. Визуальная новелла близка к традиционным формам повествования, таким как роман или повесть, хотя и обладает своими уникальными особенностями – симбиоз текста, изображения и звука создает мультимедийный опыт восприятия.

Зафиксируем, что визуальная новелла, интегрируя вербальный и визуальный компоненты, формирует уникальное семиотическое пространство, в котором происходит конструирование смысла. Взаимодействие текста, графики и звукового сопровождения создает эффект синестезии, усиливая эмоциональное воздействие на реципиента. Серьезно с концептом визуальности в нарративе работала Мари-Лор Райан. Она подходила к нарративу через «историю», а не через конкретные медиа. В статье 2014 года «Наррация в разных медиа» исследователь в принципе уходит в сферу визуального. По сути, речь о том, что визуальные образы в повествовании позволяют достичь большей глубины погружения и эмоциональной вовлеченности [Rayan, 2014].

Типологизация феномена визуальной новеллы

Феномен визуальной новеллы имеет несколько вариантов типологизации. Прежде всего, выделим **технично-технологическую типологию**, в основу которой положим оформление и техническую структуру продукта. В частности, можно выделить тип *Adventure*², когда «страница» романа напоминает комикс или графический роман, где текст отделен от изображения рамкой, – известный со времен ранних графических романов «текст

в пузырях» (оформление рамки соответствует, разумеется, сеттингу повествования, т. е. это могут быть и барочные виньетки, и строгий лаконичный вариант, и готические «рыбы пузыри», и пр.). Вся остальная «страница» произведения отдается визуальному ряду (анимированному или нет). Есть и более редко встречающийся тип, но именно он является классикой и уводит нас к базовым японским вариантам – это *Novel*, где текст идет поверх изображения, перекрывая его. В данном случае рамки нет, а значит и текст может ложиться без ограничений и занимать весь дисплей. Сравнивая эти варианты, становится очевидной разница в задачах сценариста (писателя): второй вариант оформления не налагает ограничений на грамматику текста, в то время как первый требует большей лаконичности в исполнении. Сегодня мы видим, что мобильные гаджеты становятся основными посредниками между пользователем и визуальной новеллой, и именно мобильный телефон обеспечил «победу» *Adventure*. «Рамочное» оформление текста практически вытеснило тип *Novel*.

Второй вариант типологии обозначим как **содержательный**. Анализ содержательной стороны существующих на сегодняшний день визуальных новелл позволяет, во-первых, выделить *сюжетный тип*, где акцент, исходя из предложенного названия, сделан именно на сюжете, т. е. на повествовании. Пользователю предоставляется широкий выбор решений, и каждое решение оказывается значимо. Как результат – повествование имеет несколько финалов. Во-вторых, это *кинетиические новеллы*, где также присутствует сюжетная линия, но гораздо проще и короче, а у пользователя выбор решений значительно меньше. Более того, выбор по большей части носит «декоративный» характер и мало влияет, а то и вовсе не влияет на развитие сюжета.

Особняком стоит третий тип. Обозначим его как **интегративный** – это новеллы, где сценарист использует элементы других компьютерных игр. В частности, максимально распространенный вариант – включение элементов игр-квестов и «спрятанного объекта» (когда в ходе расследования главный герой – разумеется, пользователь глазами главного героя – должен найти на картинке спрятанные вещи). Такой прием чаще всего используется в детективных новеллах. Выделять какие-либо еще типы смысла нет, поскольку всё остальное – это комбинации вышеназванных типов в разных пропорциях и соотношениях.

Визуальная новелла – это многогранный продукт с разнообразными формами и способами монетизации, интегрированными в сложное полноценное повествование. Они включают как

¹Ингермансон Р. Метод снежинки: как написать свой первый роман / пер. с англ. Е. Шлапаков. М.: Эксмо, 2025.

²Как здесь, так и далее в этом абзаце аналогов в русском языке данным названиям нет, потому оставляем их на английском языке; можно использовать термин «приключение» (*adventure*) и «роман» (*novel*), но данные термины не отражают суть феномена.

детальную проработку персонажей, условную «свободу» выбора, т. е. интерактивную составляющую, а также мини-игры, гармонично дополняющие и углубляющие повествование. Всё это позволяет максимально быстро доносить информацию до пользователя, способствуя не только усилению эмоциональной вовлеченности, но и запоминанию транслируемого материала, что крайне важно с точки зрения практического применения визуальной новеллы, в частности, в педагогической практике.

Визуальная новелла на российском рынке: «Жизнь и страдания господина Бранте» и «Зайчик»

Российские студии демонстрируют значительный потенциал в разработке визуальных новелл. Возможно, это объясняется тем, что в нашей стране к литературе всегда было особое отношение. Успех таких игр, как «Жизнь и страдания господина Бранте» и «Зайчик», свидетельствует о том, что отечественные разработчики могут создавать конкурентоспособные продукты и привлекать внимание мировой аудитории.

«Зайчик» считается одним из самых успешных проектов в российском пространстве. Визуальная новелла имеет хорошую литературную основу, она создана по мотивам рассказа Дмитрия Мордаса. В создании проекта принимали участие также писатели Евгений Сокарев и Максим Кабир. Новелла относится к жанру ужасов, второму по популярности после любовных романов для мира визуальных новелл. Действие новеллы протекает в глухом поселке, а во всех деталях четко проступают черты постсоветской России 1990-х годов с характерным синтезом проникающих «западных образцов» и советского «индустриального» наследия. Есть упоминания и популярных медиапроектов: аниме-сериал «Сейлор Мун», присутствует в визуальном ряде телекомпания «ВИД», даже интегрирован в художественный текст детективный сериал «Улицы разбитых фонарей».

Антон – главный герой, школьник – собирается купить в качестве подарка тамагочи, весьма популярную игрушку того времени. На экране телевизора Борис Ельцин. Много отсылок к советскому времени, в частности к войне в Афганистане, «городским легендам». Всё вместе формирует мрачную атмосферу упадка, депрессии и полнейшего развала, что серьезно воздействует на психику читателя-игрока, способствует его погружению в атмосферу страха и безнадёжности и выступает идеальным фоном для творящихся «ужасов». И. С. Солдатенко справедливо отмечает: «Сама

структура визуальной новеллы как поликодового текста, при необходимости снабжённого примечаниями (ссылками, сносками или глоссарием), разъясняющими читателям (игрокам) незнакомые термины и понятия, может служить одним из инструментов репрезентации прошлого в игровой форме. А сама игровая форма может быть использована в образовательном процессе для более наглядной подачи материала» [Солдатенко, 2024, с. 306]. Иными словами, пользователь как бы переживает историю, погружается в атмосферу и знакомится с бытом постсоветского времени.

«Жизнь и страдания господина Бранте» – это еще один успешный пример визуальной новеллы, хотя критиками и упоминается куда реже «Зайчика». Для данного проекта основой послужил не литературный материал, а ролевые игры, проходившие в Красноярске еще в девяностых годах. Потребителю предлагается сложная многомерная и многолинейная история, разворачивающаяся в вымышленном мире. По сути, перед нами классический роман в жанре фэнтези, но с глубоким психологизмом и вариантами сложного морального выбора.

Сеттинг игры-новеллы отправляет нас в эпоху, которая не часто оказывается фоном для тех или иных игровых или литературных проектов – это эпоха Реформации (хотя одним из источников вдохновения для создателей были книги о революционной Франции XVIII в.). Также в отдельных элементах нарратива угадывается XIII век – век расцвета разнообразных ересей. Политические интриги, религиозные искания, расцвет образования, бунты и активная торговля – всё это создает колоритный фон зрелого Средневековья.

Хотелось бы отметить продуманные, сложные и разнообразные персонажи, чья психологическая характеристика прекрасно удалась создателям проекта. Перед читателем разворачиваются сложные отношения главного героя с братьями, сводной сестрой, родителями, дедом. В семье переплетаются психологические и социальные конфликты, в лабиринте которых и предстоит пройти пользователю. Герой оказывается втянут в сложные и опасные отношения с представителями различных сословий, политических групп и сообществ. И каждая встреча влечет за собой включение интерактива, когда пользователь должен делать этический выбор, от которого зависит судьба главного героя и финал произведения.

В новелле огромное место отведено религиозной составляющей и духовному поиску главного героя. Именно в этой линии мы видим прямое цитирование сюжетов и тезисов эпохи Реформации и лишь в незначительной степени – французского

Просвещения. Цитаты из Реформации причем звучат в разных теологических концепциях: и в непримиримой, жесткой позиции Лютера, и в более умеренной, толерантной позиции Филиппа Меланхтона и Олауса Петри – шведских реформаторов, почерпнувших много у Лютера, но адаптировавших его учение. Авторы, очевидно, внимательно изучили основные тезисы религиозных учений того времени и смогли облечь их в фэнтезийную форму. В целом же нарратив повествования изобилует детальными описаниями и глубокими психологическими характеристиками, когда каждый выбор «читателя» вовсе не является «декоративным».

С точки зрения монетизации – это проект *pay-to-play*, когда пользователь покупает визуальную новеллу сразу и не проводит никаких дополнительных внутренних транзакций. Совершенно очевидно, что любая попытка в подобного рода серьезных проектах вынудить потребителя купить костюм или поменять прическу герою приведет к людонарративному диссонансу, как это случается в проекте «Клуб романтики». Здесь нередко возникают ситуации, когда героине, над которой нависла смертельная угроза, для поднятия настроения предлагается купить новый костюм премиум-класса или сменить косу на распущенные локоны, для чего пользователю необходимо провести дополнительную транзакцию. Именно продуманным миром, гармоничным сочетанием содержания нарратива и оформлением интерфейса достигается эффект глубокого погружения в сюжет и мир, а как следствие – возникает желание повторного прохождения. «Жизнь и страдания господина Бранте» предполагает 206(!) уникальных вариантов прохождения.

Хотелось бы подчеркнуть, что подобного рода игры, помимо получаемого от них удовольствия в свободное время, могут быть интегрированы и в процесс обучения, а именно: в курсы «История повседневности», «Отечественная история» и, даже, «История художественной культуры», что соответствует идее геймификации образования и позволит сделать образовательный процесс более ярким и увлекательным.

Заключение

Применение литературоведческого анализа к визуальным новеллам открывает возможности для установления интертекстуальных связей и аллюзий, позволяя рассмотреть произведение в контексте литературной традиции. Анализ нарративных стратегий, используемых автором, позволяет понять, каким образом конструируется

сюжет, формируются характеры персонажей и передаются идеологические установки. Культурологический подход, в свою очередь, позволяет выявить отражение социокультурных трендов и ценностей в тексте визуальной новеллы. Визуальная новелла представляет собой перспективное направление в развитии литературного текста, сочетающее в себе элементы литературы, искусства и интерактивных медиа. Она обладает потенциалом для исследования сложных социальных и психологических тем, а также для создания уникального пользовательского опыта.

Необходимо также отметить, что рост популярности феномена визуальной новеллы будет способствовать дальнейшей «визуализации» культуры. Уже сегодня мы можем отметить, что с учетом влияния мессенджеров на повседневную жизнь рядового обывателя важность эмоционального подкрепления пересылаемого текста значительно возросла. У реципиента сформировалась устойчивая привычка восприятия текста и визуального компонента в неразрывной связи. Визуальная новелла работает с потребителем по этой же схеме, но более глубоко и выразительно.

Также популяризация визуальной новеллы будет способствовать трансформации всего литературного процесса, а именно, углубления центрального тезиса – «язык стремится к экономии средств»: визуальная новелла дает яркий пример упрощения грамматических структур, укорачивания фраз при общем росте динамики самого повествования.

Вышеупомянутые особенности можно было бы счесть исключительно негативными и дать отрицательную оценку влияния данного феномена на культурное пространство, однако это будет в корне неверно. Всё вышеозначенное является не более, чем откликом на негласный заказ потребителя, который уже привык к глубокому синтезу картинки и текста, а кроме того, желает ощущать свободу выбора в рамках заданных вариантов движения.

Следующий принципиально важный момент, это колоссальный педагогический потенциал визуальной новеллы. Не случайно, как указывалось в начале текста, педагоги и методисты одними из первых в России начали использовать нарратив визуальной новеллы в учебном процессе. Ознакомление в игровой упрощенной форме учащихся с самыми разными темами – от уроков истории до уроков литературы и музыки – это ровно то, что доступно визуальной новелле и, одновременно, не требует глубокой технической подготовки учителя и наличия мощных игровых процессоров в школе и дома. Визуальная новелла хорошо работает с

феноменом исторической памяти, позволяя популяризировать национально-исторические и этнические образы в молодежной среде.

Завершить же хотелось бы указанием на значимость феномена визуальной новеллы в целом для российской креативной индустрии. Безусловно, создание визуальной новеллы процесс сложный и многоэтапный. Однако каким бы сложным он ни был, создание подобных проектов оказывается куда менее затратным, чем реализация сложной игры в жанре RPG (ролевые игры). Как показывает практика, финансовая отдача может оказаться невелика (если не принимать во внимание максимально успешные проекты типа «Клуб романтики»), но креативные индустрии изначально и не предполагали больших доходов – речь идет о гармоничном сочетании творческого и

коммерческого начала. Если мы примем во внимание несколько факторов, а именно – поддержку Правительства (Федеральный закон о развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации 2024 года, Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2022 года и Концепцию развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года), направленность на сохранение и популяризацию этнокультурного наследия, работу в малых «мобильных» группах с прозрачными бюджетами и возможность удаленной работы в рамках отдельных проектов, то потенциал визуальной новеллы в пространстве российской популярной культуры становится очевиден.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Манович Л. Язык новых медиа. М.: АД Маргинем Пресс, 2018.
2. Серченя О. В. Использование визуальных новелл при обучении истории Беларуси (на примере изучения темы «Столыпинские реформы и их осуществление в Беларуси») / О. В. Серченя, И. В. Пугач // Студенческая наука – инновационный потенциал будущего: сборник научных статей. Минск: БГПУ, 2024. С. 3–6
3. Овчинникова Л. О. Визуальные новеллы как современный вид текста на занятиях по РКИ // Современный взгляд на обучение РКИ: нейроаспекты: материалы Международной научно-практической конференции, г. Москва, 1–2 июня 2023 г. / под общ. ред. Е. А. Хамраевой. Москва: МПГУ, 2023. С. 62–67.
4. Нисова С. Ю. Визуальная новелла как средство развития читательской грамотности современного подростка / С. Ю. Нисова, О. П. Казакова // Актуальные проблемы лингвистики и методики: материалы XIV Международной студенческой научно-практической конференции, Екатеринбург, 12 апреля 2022 г. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. С. 369–373.
5. Волосюк Т. К. Применение алгоритмов машинного обучения для разработки графических материалов игры в жанре «визуальная новелла» / Т. К. Волосюк, Д. Н. Штягина, Л. Ю. Худорожков // Наука и образование в обеспечении устойчивого развития человеческого потенциала в условиях перехода к цифровой экономике: материалы XI Российской научно-практической конференции с международным участием, Пермь, 18–19 апреля 2024 года. Пермь: Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2024. С. 137–142.
6. Солдатенко И. С. Репрезентация культурной памяти об «эпохе перемен» в России: 90-е гг. сквозь призму визуальных новелл «1997» и «Зайчик» («Tiny Bunny») // Ветер Перестройки – 2023: сборник материалов Третьей всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 4–8 октября 2023 г. СПб.: СПбГУ, 2024. С. 298–307.
7. Демшина А. Ю. Новая чувствительность и экономика события // Общество. Среда. Развитие. 2022. № 3. С. 104–109.
8. Rayan M.-L. Narration in various media // Handbook of narratology. Berlin; München; Boston: De Gruyter, 2014. P. 468–488.

REFERENCES

1. Manovich, L. (2018). *Yazyk novykh media = Language of new media*. Moscow: AD MARGINEM PRESS. (In Russ.)
2. Serchenia, O. V., Pugach, I. V. (2024). Use of visual novels in teaching the history of Belarus (based on the example of studying the topic “Stolypin reforms and the implementation in Belarus”) (pp. 3–6): collection of scientific articles. Minsk: Belarusian State Pedagogical University. (In Russ.)

3. Ovchinnikova, L. O. (2023). Visual novels as a modern type of text in Russian as a foreign language classis. In Khamraeva, E. A. (Ed.), *Sovremennyj vzglyad na obuchenie RKI: nejroaspekty`* (pp. 62–67): proceedings of an International scientific conference (Moscow, June 1–2, 2023). Moscow: Moscow Pedagogical State University. (In Russ.)
4. Nisova, S. Yu., Kazakova, O. P. (2022). Visual novel as a means of developing reading literacy of a modern teenager. In *Aktual'ny'e problemy` lingvistiki i metodiki* (pp. 369–373): proceedings of the XIV International students' scientific and practical conference, Yekaterinburg, April 12, 2022. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
5. Volosyuk, T. K., Shtyagina, D. N., Khudorozhkov, L. Yu. (2024). Application of machine learning algorithms for the development of graphic materials for a game in the visual novel genre. In *Nauka i obrazovanie v obespechenii ustojchivogo razvitiya chelovecheskogo potentsiala v usloviyax perexoda k cifrovoj e`konomike* (pp. 137–142): proceedings of the XI Russian scientific and practical conference with international participation, Perm, April 18–19, 2024. Perm: Perm State Humanitarian and Pedagogical University. (In Russ.)
6. Soldatenko, I. S. (2024). Representation of cultural memory of the “era of change” in Russia: the 90s through the prism of visual novels “1997” and “Bunny” (“Tiny Bunny”). *Wind of Perestroika – 2023* (pp. 298–307): proceedings of the 3rd All-Russian scientific conference, St. Petersburg, October 4–8, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg State University. (In Russ.)
7. Demshina, A. Yu. (2022). New sensitivity and the economics of the event. *Society. Environment. Development*, 3, 104–109. (In Russ.)
8. Rayan, M.-L. (2014). Narration in various media. In *Handbook of narratology* (pp. 468–488). Berlin; München; Boston: De Gruyter.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чукуров Андрей Юрьевич

доктор культурологии, доцент

профессор кафедры теории и истории культуры

Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chukurov Andrey Yurievich

Doctor of Culturology (Dr. habil), Associate Professor,

Professor at the Department of Theory and History of Culture

Herzen State Pedagogical University of Russia

Статья поступила в редакцию	25.11.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	18.12.2025	
принята к публикации	28.01.2026	

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 1 (907)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 1 (907)**

Ответственный за выпуск

Ю. В. Карташевская
кандидат филологических наук, доцент

Executive editor

Yuliya V. Kartashevskaya
PhD in Philology, Associate Professor

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Editor Natalia G. Pavlova
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 30.01.2026
Усл. печ. л. 20,6
Формат 60x90/8
Заказ № 11/26

Signed for print: 30.01.2026
Conventional printed sheets: 20,6
Layout format 60x90/8
Order 11/26

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2026

© FSBEI HE MSLU, 2026

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. ЭЛ № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, ЭЛ № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».